

- - [Миссионерский год в Японии](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Осака](#)
- [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

Введение

Из дневника японского миссионера
Уфа, 1904.
Содержание

Миссионерский год в Японии

Судил мне Господь пробыть один год (1897—1898) миссионером в Японии, ныне дерзко и вероломно объявившей нам войну. За это время пришлось многое там видеть, слышать, думать, говорить, что я исправно тогда записывал в свой дневник. Да и о самой Японии и ее населении составилось некоторое понятие. Думаю, что теперь все это составит некоторый интерес для всякого русского человека, интересующегося узнать, что за народ, с которым приходится иметь дело. Поэтому я и решил в «Епархиальных Ведомостях» помещать выдержки из своего весьма объемистого миссионерского дневника (страниц 600—700 печатных). Дела при миссии было так много, что, поднявшись с 6 часов утра, только не раньше 12 часов ночи можно было дать покой себе, и так было почти изо дня в день. Поэтому понятно, что дневник имел характер наскоро перед сном набросанных заметок. Разобраться в этом материале и теперь, за положительным недосугом, нет никакой возможности. Поэтому прошу не заподозрить в небрежности, если кто недоволен будет внешней неотделанностью. За этим мы не гнались, и теперь не особенно озабочены сим. По своему содержанию дневник наш представляет продолжение нашей книжки «Миссионерский путь в Японию». (Интересующиеся могут достать ее в магазине Тузова за 50 коп.) Итак, с помощью Божией приступаем.

Уфа 1904 г. Марта 11 дня

Ректор Уфимской Духовной семинарии

Архимандрит Андроник

* * *

В Йокохаму мы пришли ночью на 26 декабря 97 г. — 7 января 98 г., а утром после завтрака на лодке переправились на берег, в таможне нас задержали недолго, но очень долго пришлось сдавать багаж на станции железной дороги: японцы очень коповаты и все делают не торопясь. До поезда нам пришлось ждать 15 минут. За это время я с любопытством смотрел на японцев в их нарядах и с их нравами и обычаями. Одежда их, вообще называемая кимоно, состоит из двух халатов: сверху короткий до колен, с короткими, но широкими рукавами, часть которых приспособляется для кармана, очень большого, полы его не сходятся, а только завязываются шелковым толстым шнуром, под верхним виднеется нижнее кимоно длинное — до земли, полы одна другую закрывают, но подол так узок, что японец не переставляет широко ноги, а только передвигает их, шея совсем и глубоко открыта, никаких шарфов нет, и, однако, не заметно среди японцев никаких горловых болезней. Голова тоже большею частью открыта, у женщин причудливая до бесконечности прическа, у иных в виде пушистого гребешка высокого; вероятно, много труда и времени требуется для этого; оказывается, женщины, чтобы и во сне не сбить такую прическу, под голову подкладывают особый валик на ножках; вероятно, трудно спокойно спать на таком приспособлении.

Сапогов японцы (за исключением некоторых, одевающихся по-европейски) совсем не носят, на ноги надевают короткие носки, большею частью белые, причем белизна не носит никаких следов грязи, а потом надевают особую деревянную скамеечку, укрепляя ее за шнурок между большим и указательным пальцами к ноге, и так ходят. Своими деревянными ногами японцы ужасно стучат — щебечут: с непривычки очень неприятно. При входе в дом снимают ее, и уж там сидят только в носках на полу, устланном чистыми циновками из особой травы; поэтому в японских домах и вообще у японцев поразительная чистота и опрятность. Да и вообще японец все делает, как на выставку: сделает ли деревянный забор или каменный дом или самую изящную вещь, он ко всему приложит одинаковое усердие и чистоту и все делает, как

напоказ, как на картинке. Дома все чистые и аккуратные, деревянные, и все маленькие одноэтажные, за некоторыми исключениями европейских домов. На нас японцы, конечно, тоже засматривались, но совсем не дико и не пристально: заметна чрезвычайная народная выдержанность и вместе некоторое самознание, сознание своего собственного достоинства. Да ведь и есть чем им быть довольными: ведь это народ очень развитой и деятельный; еще до открытого вступления европейцев в пределы Японии здесь были уже маленькие пароходы японского изобретения; вообще, всякая производительность здесь очень развита и исключительно японская. Язык японский очень гибкий и художественный, развитой; письменность японская богатая и содержательная. И вообще они сами создали себе особую культуру и жизнь, свой особенный быт и нравы. А когда познакомились с европейцами, то быстро восприняли их культуру: как будто им только этого и недоставало. Конечно, как и свойственно восточным народам с пылкой фантазией, мешающей остановиться на чем-либо основательно, и японцы все чужое заимствуют чисто внешне, переимчиво; но это иначе и быть не может на первых порах: ведь они воспринимают культуру чужую и в такой оболочке, которая совсем не сходна их характеру, она чужая им, а поэтому и может быть сначала усвоена только внешне, пока народ не сроднится со всем заимствованным, — тогда все пойдет вглубь; ведь японский быт совсем особенный.

Часа через полтора мы были в Токио; пришлось садиться на восточного дзинрикия, то есть на человека-тележку; конечно, сначала это дико, а потом ничего себе едешь, утешая себя мыслию, что не ты первый, не ты и последний это делаешь и что вообще-то мы друг на друге ездим в жизни, как выразился по этому же поводу о. А. С-ий. Го — род весьма большой и почти совсем японский; здесь почти совсем невозможно строить больших зданий, так как часто бывают землетрясения; в последнее землетрясение года два назад разрушено множество построек, немного пострадал и наш православный собор — дал трещину и покачнулся от сильного размаха креста на колокольне (значит, вот какое было землетрясение!). Издали еще я увидел наш собор, который знал по фотографиям; голова моя невольно обнажилась, и я с верою перекрестился, прося у Бога благословения на это новое серьезное дело проповеди о Нем среди Его творений и чад, не ведущих Его. Дзинрикия спросил — куда везти; я сказал: «Никора» — и он сообразил; здесь все знают Саругадай под именем «Николая», и самого его также все знают; да и как не знать. А некоторые «Никора» называют все наше миссионерское место и хозяйство, а епископа считают хозяином этого «Никора». Преосвященного Николая мы нашли весьма веселого и любезного внизу в канцелярии. Как после он рассказывал, он был весел потому, что две христианки сейчас только сообщили ему, что можно купить по соседству землю с постройками для осиротелых семейств христианских. Преосвященный Николай весьма обрадовался нашему приезду и, по своему вообще живому характеру, сразу заговорил нас. Почему-то я показался ему похожим на католического патера, — так он сказал и прибавил: «значит, будете хороший миссионер»; на что мне оставалось, конечно, про себя ответить только благим и искренним пожеланием. Сейчас же он водворил нас в наши келии, причем вышел некоторый спор у него с отцом А. С., так как себе Преосвященный взял худшую квартиру внизу, а нам дал по две прекрасных и больших комнаты со всею обстановкою, удобною и весьма чистою; но владыка сказал, что он уже привык к этой квартире, что там он и умрет. Действительно, он когда-то жил в теперешней отца А.С. квартире, но один из бывших тогда миссионеров потребовал себе эту квартиру, и владыка спокойно ее уступил. Поэтому теперь он и говорит, что раз была уже у него попытка жить в этих комнатах, но неудачная.

Тотчас же он заговорил и о деле. Сначала, говорит, нужно язык изучать, чтобы хорошо говорить, а отцу А. С. нужно уже приниматься основательно за изучение китайских знаков, так как он уже может говорить по-японски, как прежде пробывший здесь почти два года. Для этого

можно, говорит, иметь сразу двух учителей — на утро и на вечер; да все это изучить так, чтобы потом писать по-японски в журналах. А пока теперь, говорит, будем жить вместе при миссии в Токио. Тотчас же повел он нас по всей миссии, водил в церковь, в библиотеку и прочее, и все это весьма быстро — бегом. Вообще владыка весьма живой, как будто еще совсем молодой человек, ревностный и энергичный, лет 27—30, тогда как ему уже 62 года; да и по виду он производит впечатление еще очень молодого, хотя он и говорит, что ему всего 10 лет жизни остается, если все пойдет обычным порядком, то есть если-де не убьют или не умру преждевременной смертью и тому подобное. «Теперь я вам все дело миссии предоставляю, а мне нужно заняться переводом Святого Писания и богослужения: ведь ничего пока почти еще нет, а это уж мое прямое дело, ибо кому-то еще придется столько лет (37) пробыть в Японии». Теперь он переводит Евангелие, и это уже, вероятно, раз третий или больше: «надо уж переводить основательно и правильно раз навсегда, а потому нужно быть весьма осторожными в выборе знаков и слов, особенно когда дело касается понятий и терминов». И сидят они по целым дням за этим делом вдвоем: сам Преосвященный и японец Накай, хотя последний и не понимает ни по-русски, ни по-гречески, ни по-английски, зато весьма ученый в японском смысле, то есть по-китайски.

Владыка сам заведует всем хозяйством миссийским, во все вникает, все знает; даже в библиотеке распоряжается и ведет запись он сам; в церкви сам до мелочей показал все. Пошли в семинарию, в катехизаторскую школу, в женскую школу, и там он всех знает. И как это у него на все хватает сил и времени! Он весь — воплощенная энергия и живой интерес ко всему. И обо всем-то он говорит живо с воодушевлением, как о своем родном деле, и главное — слово его и взгляд на все преисполнены самой живой целостной веры в дело и в Церковь православную как единственно истинную хранительницу дара Христова Евангелия. Мы, говорит владыка, слуги матери Церкви, единственно истинной, и наша святая обязанность громко и неумолчно возвещать истину Христову. И как жаль, что все эти испорченные христианские общины кричат о Христе, а мать всех — православная Церковь молчит. Везде заметен интерес к религии, все не ведущие Бога ищут Его, жаждут истинного слова веры в Бога, а мать всего человечества как будто спит и никакого внимания не обращает ни на что. Овцы бегают и ищут пастыря, а он не откликается. Да, действительно так; но вот и свидетельство истинности его слов. Он сам один только в Японии заложил прочную основу для православия, и теперь за 37 лет его здесь пребывания насчитывается уже до 25 тысяч христиан под водительством исключительно японских священников и катехизаторов. Разве это возможное для человека дело? Но истинно слово Христово: *для человека это невозможно, а для Бога все возможно*. Действительно, только Сам Он и показал в этом истинность нашего дела православия и силу Его святой Церкви. И христианство у наших православных японцев не по имени только, а действительное: нравы здесь, среди большой народной безнравственности, блюдутся тщательно самими верующими, а таким образом постепенно создастся и целый быт церковный, как это было в древней нашей Руси, когда церковное начало проникало глубоко и серьезно во все стороны жизни. И у владыки в этом отношении весьма широкие предположения и чаяния. Он крепко верит в свое дело православное как единственно дело Божие среди всех остальных христианских общин. Он утверждает, что так и должно быть, чтобы православие в конце концов восторжествовало над всеми: это — нужно, а следовательно, и должно, а должно — значит, и можно и так будет (он прямо сказал, что не любит слова «не могу»). В этих предположениях и отчасти с целью показать сразу высоту православия невольным обращением даже внешнего взора, — он и построил православный большой собор на самом видном месте в Токио, и притом на весьма значительном — на Саругадае, вблизи и в виду императорских дворцов. И действительно, наш собор как бы высится над всем городом и его украшает своим величием, стройностью и

красотою. Невольно он привлекает на себя внимание всех; он теперь стал достопримечательностью всего города, и на Саругадае Николая в русском храме всякий японец стремится побывать и подивиться этому важному созданию всем здесь известного Николая.

Собор в форме креста, очень вместительный, с прекрасным золоченым высоким иконостасом на три престола; он богато снабжен и ризницей, и всею утварью; все это, конечно, пока дар щедрой русской руки. В ризнице собора — запас всего на многочисленные (в будущем) церкви японские. Японцы ходят в собор, кланяются перед ним (это язычники еще), как бы воздавая честь неведомому, но уважаемому ими Богу, именем Которого трудится один человек, так самоотверженно на пользу их же, японцев, и создал сию святыню. Всякий из них непременно положит на архиерейскую кафедру какую-либо монету, хоть медную, и их набралось так много, что Преосвященный хочет слить колокол. И самые миссийские постройки тоже заложены на широкую ногу и основательно: любо-дорого и возвышенно посмотреть на все это. Наша миссия как бы парит над всем здесь. Семинария и женская школа строены тоже на большое количество учеников, — семинария на 120 человек. Катехизаторская школа помещается при миссии, и только на уроки ученики ходят в семинарию. Учеников много, только в катехизаторских школах немного: последние военные события (Китайско-Японская война) совсем оттянули интерес японцев от религиозного, о чем заявляют в своих отчетах и инославные миссии. Женской школой заведует старушка Анна — сан, то есть госпожа, она уже 20 лет ею заведует и совсем отдалась школе; получает совсем гроши — 5 иен в месяц (1 иена на 13 копеек меньше нашего рубля), но и те она почти только и тратит на детей. Замечательно хорошая старица. Учительницы и воспитательницы уже ее ученицы, и все хорошие религиозные и преданные делу; одна даже и замуж не хочет идти и отказывает многочисленным женихам. Здание библиотеки устроено так, чтобы на случай пожара было несгораемо. Оно в три этажа; библиотека очень богата, для начала; большинство книг во многих экземплярах, так как часто приходится давать катехизаторам и священникам. Есть много японских переводов и из Святых Отцов; переводят здешние учителя, учившиеся в русских академиях. А вообще для перевода с русского и английского при миссии есть особая комиссия. Преосвященный посоветовал нам пригласить на обед священников, преподавателей, переводчиков и других для знакомства с ними, что мы и устроили в несколько приемов. Академисты, к сожалению, отчасти похожи на наших русских академистов, то есть с обычным недостатком серьезности и преданности церковному делу, только еще в худшей или, лучше сказать, мелочной ребяческой форме, так как только перенято от русских студентов; но это далеко не про всех нужно сказать; есть и очень серьезные, только беда, что никто из них не хочет быть священником и миссионером в тесном смысле. Есть только один из старых кандидатов Киевской академии священник в Киото. Семинарией заведует молодой еще кандидат Кавамото. Среди переводчиков есть очень хорошие; они, пожалуй, лучше кандидатов (ибо еще не видали ничего русского невысокого). Духовенство здесь все хорошее, нравственное, но, за немногими исключениями, не совсем богатое даровитыми людьми. Впрочем, всякий делает свое дело исправно, старательно и хорошо.

Видел и самого еще первого христианина, — это священник отец Павел Савабе. Он был сначала фехтовальщиком и разъезжал по городам, вызывая на состязание, чем очень славился по всей Японии; потом стал синтоистическим жрецом и отличался в этом отношении фанатизмом. Тогда о христианстве еще только начинались вести в Японии, но оно было в полном загоне и даже преследовании властей. Однако Преосвященный Николай, уже совсем изучивши японскую речь, решил помаленьку начать дело проповеди. Он часто ходил к буддистам и по синтоистическим храмам, чтобы завести знакомство со жрецами или вообще с японцами, конечно помаленьку заводя речь о Христе. И вот Павел Савабе был первым человеком, которого Бог решил сделать работником на Своей ниве. Он, по своему упрямому фанатизму, долго

косился на Преосвященного Николая, и однажды пришел к нему и сказал: «Что ты там говоришь о каком-то Христе?» — и начал сердито ругать его за это. Преосвященный заметил ему: «Что же ты сердишься? Ведь ты даже не знаешь — что я говорю; сначала выслушай, а потом и говори». — «Ну, говори», — заметил на это сердито фанатик Савабе. И Преосвященный поговорил ему о грехе, о спасении во Христе, о Боге вообще и тому подобном, а потом предложил Савабе Евангелие для знакомства с новым учением. Савабе сердито взял и все еще ворча ушел. На другой день опять приходит и уже сам просит говорить о новой вере, хотя все еще показывая вид как будто только постороннего наблюдателя и поэтому косясь на Преосвященного и сердито расспрашивая его; Преосвященный по порядку толковал ему всю Священную Историю и прочее, а Савабе все это тщательно записывал и потом над этим размышлял самостоятельно дома, на утро принося Преосвященному массу всяких вопросов, возражений и недоумений по этому поводу. Потом Савабе рассказывал, что он все это делал тайно и преимущественно читал и писал в синтоистическом храме, отправляя богослужение, на котором держал перед собою вместо языческого молитвослова христианскую Библию, и тайно от всех и не привлекая невольно ничьего любопытства потихоньку знакомился с новым учением, которое принес ненавистный ему ранее Николай. Так длилось не мало, и вот этот-то упорный жрец язычества стал православным христианином Павлом (во имя Апостола Павла по сходству судьбы).

Еще до крещения он и сам завел тайную проповедь, и скоро уже трое их были христианами. Преосвященный наскоро перевел чин крещения и тайно во дворе консульского псаломщика крестил их. Но тотчас же им, крещеным, и нужно было бежать от преследования правительства. Савабе Павел бежал и на дороге попал на солдат, которые его сочли за лазутчика (а тогда началась война севера и юга Японии за освобождение императорской власти) и схватили; в тюрьме осмотрели его всего и нашли записки, на которых он записывал уроки Преосвященного о христианстве. Посмотрели солдаты и прогнали его, но на другой день сами пришли расспросить его о новом, весьма заинтересовавшем их учении и долго и внимательно слушали его о Христе. Но, кажется, из этой его проповеди плодов никаких не было. А потом разгоревшаяся международная война отвлекла внимание правительства от преследования христианства, так что Савабе был свободен и явился ревностным помощником Преосвященного в деле проповеди, а потом был поставлен и первым священником из японцев. Так началось здесь христианство благодатью Божиею, и немощное и худородное восполняющею, и горы и холмы сравнивающею. Теперь отец Павел Савабе уже старичок 62 лет, ровесник Преосвященного, но по виду совсем старик перед ним. Теперь у него и сын Алексей, священник, и очень религиозный и деятельный, подобно своему отцу. Они оба состоят священниками при другой церкви в Токио для христиан другой части города.

Мы побывали у всех: и священников, и кандидатов, и некоторых катехизаторов в их домах. Устройство японского дома таково. Со двора открывается деревянная решетка, дверца которой так низка, что непременно нужно входить изогнувшись: ведь жизнь японская почти сплошь наполнена поклонами и приседаниями, поэтому японец, уже входя в дом, кланяется и изгибается, а встречающий его садится на колени и, шипя из любезности, пресмыкается по земле, как бы желая этим сказать: я такой перед тобой маленький человечек, что недостойн и стоять наравне с тобой. Это самый почтительный прием в соответствии европейскому вставанию при встрече. За внешней решеткой в весьма узеньком квадратном как бы крыльчке непременно нужно снять сапоги и тут их оставить, ведь у японцев обуви нет, они ходят на деревянных колодках-скамейках и их снимают вот именно в этом крыльчке и остаются в весьма чистых носках. Поэтому полы в доме устланы циновками (у богатых коврами) самыми чистыми. Почти обыкновенно дом состоит из четырех отделений: приемная, почетная — зало, спальная и кухня. В зале есть особенно почетное место вроде нашего переднего угла: оно углубляется в

одну из стен в виде открытого от пола до потолка шкафа; там помещается все самое почетное: у язычников их божница с идолами, а у наших христиан — иконы, а также другие важные вещи. Посредине комнаты непременно хибаци, то есть жаровня с постоянным огнем на углях, поправляемых не совком, а двумя палочками металлическими; около нее и составляется домашний очаг в собственном смысле; тут и задушевная беседа, и угощение... Все садятся на пол (перед хибаци) на коленях на подушки, каковые обыкновенно подаются только для гостей, и прежде всего здороваются и долго любезно раскланиваются с мягкими улыбками. Подается непременно японский чай зеленый: чай в чайнике заваривают и тотчас же наливают в весьма маленькие чашки; больше одной чашки с непривычки трудно выпить. На вкус чай горьковатый и сильный, так что можно очень возбудить нервы. К чаю непременно и очень вкусное японское печенье и всякие пряности. Все очень вкусное, затейливое непременно и нередко лучшее искусных европейских кондитерских. Японец почти постоянно держит в руках длинную трубку, накладывает то и дело по маленькой щепотке табаку, закуривает от хибаци и после одного вдыхания выбивает в хибаци же; и это очень часто. Японский табак — тонкое, длинное волокно желтоватого, но не коричневого красного цвета, как европейский. Прощание происходит с такими же поклонами перед хибаци; затем гость выходит на крылечко и обувается, а хозяева сидят в передней на коленях и, раскланиваясь, провожают. Обыкновенно внутренняя стенка японского дома — решетка деревянная, заклеенная японской бумагой, дающей и свет, хотя немного тусклый, и не пропускающей сравнительно со стеклом холода; эта решетка раздвигается, так что можно весь дом вполне открыть, оставивши только потолок на угловых столбах. За этой решеткой коридор вокруг всего дома — аршина 1,5—2 шириной, а потом другая решетка, уже сплошь деревянная для тепла и тоже раздвижная вся. Поэтому-то в японском доме постоянно теплится хибаци, а печей нет. Японцы не боятся холода: брюк не носят, а только низкие носки обыкновенные; рубашки тоже нет (теперь начинают ее вводить), голова большею частью открыта. Нас везде принимали очень радушно.

Отец А. С. умеет говорить по-японски, а я только прислушивался к японскому говору. Язык очень деликатный и почтительный, как и весь японец, большую часть жизни проводящий в поклонах и приветствиях встречным. Японец не скажет: принеси, — а: имея приди, да еще перед глаголом «о» или что-либо в этом роде для выражения почтительного обращения; да и «приди» не просто скажет, а добавит это слово еще несколькими вспомогательными глаголами, складно нанизывая их один на другой, и все это для почета. Если по дороге идет какая-либо торжественная и великая процессия или, например, слуга стоит перед столом, когда вы обедаете, то самое почтительное по-японски — он обратится ко всему этому спиной, выражая этим: я такой маленький человечек, что недостойн и смотреть на все это. И вообще японцы и между собою, и с европейцами, и высшие и низшие, все любезны в обхождении и за все благодарят: пойти, например, с японцем куда-либо, иной и тут будет благодарить и шипеть, а за что? — да за то-де, что вот идем вместе.

Из священников особенно показался молодой отец Алексей Са-вабе: заговорит о чем-либо религиозном, так у него и глаза разгораются. Например, отец С. говорил ему о римских катакомбах.

Преосвященный водил нас в Уэно, это теперь сад общественный, а прежде — место погребения сёогунов, то есть военных заправил Японии. В честь их здесь храмы синтоистические, весьма богато украшенные. К храму синтоистическому обыкновенно ведет длинная аллея фонарей, приносившихся умершим от каждого князя. В самый храм войти нельзя никому, кроме канниси (хафури) — жреца, а только на помост. Храм разукрашен золотом, богатою резьбою птиц и тому подобным. На стенах — бумажки остроконечные; это остаток древней веревки, происхождение которой следующее. Однажды богиня солнца на что-то

рассердилась и скрылась в пещеру и, конечно, произвела страшный переполох во всем мире — солнце скрылось. Боги испугались, но как вызвать богиню? Они пошли плясать вокруг ее пещеры, вызывая ее тем, а при входе в пещеру поставили бога силы, чтобы он вытащил богиню из пещеры и завалил бы вход в нее камнем, если богиня выглянет хоть маленько из щели пещерной. Так действительно и было: богиня размякла и решила любопытствовать немного и выглянула в щелку, а бог силы тут как тут; боги тотчас же схватили в свои объятия сердитую богиню, и чтобы она не уходила от их танцев, решили опутать ее веревкой, почему с тех пор будто бы солнце и светит беспрестанно в свое время. В воспоминание об этом теперь и бывают в синтоистических храмах веревочные метелки на палках, а следующая степень — бумажки. В притворе стоит громадный барабан, в который жрец ударяет при богослужении. Но богомольцев не видно, а есть только любопытствующие посмотреть и, должно быть, провинциальные путешественники; у японцев развита такая любознательность: кончит он свои работы с рисом, который главное богатство и главное занятие его, и идет осматривать достопримечательности своего Отечества и вообще посмотреть, как живут другие-то.

Потом мы самостоятельно с отцом С. были в Асакуса — главное святое место Токио. Там множество храмов старинных и весьма почитаемых, к ним ведет улица, почти сплошь уставленная буддийскими храмами или монастырями; у одного такого маленького храма, в котором на престоле горит жертвенная свечка, мальчик звонит в гонг, или особый колокол, давая знать, что время молитвы, или и сам он совершает тем молитву или под удары гонга. При входе в главный храм по сторонам в клетках стоят фигуры вооруженных страшных каких-то титанов, должно быть оберегающих, чтобы ничто нечистое и злонамеренное не проникло в храм. В самом храме множество идолов по сторонам и все такие страшные фигуры; один идол почему-то у своего сердца держит фигуру ребенка; другой идол считается чудотворным, и поэтому весь облизан, захватан и даже, кажется, оципан и стал черным и оципанным. Устройство храма ужасно напоминает католические храмы; устроено несколько престолов буквально как католические; на престолах множество светильников; за престолом одна или множество фигур идолов, подобно фигурам святых в католических престолах. Да и самые фигуры идолов в храме тоже весьма напоминают многочисленные фигуры, которыми заполнены католические храмы. Перед престолом громадные — в сажень — ящики, куда бросаются пожертвования денежные. В левом приделе за престолом громадное зеркало — совесть; это уже синтоистическое, ведь буддизм в Японии строго никогда не отличался от синтоизма на практике. Богомольцев здесь весьма много, и все, по-видимому, усердные поклонники Будды: стоят перед престолами, или собственно перед перегородкой, отделяющей престолы, и на коленях подолгу и по-своему усердно молятся — что-то говорят, корча ужасные рожи и руки складывая в различные фигуры, делая пальцами и треугольники, и кружки, и все такое, и потом бросит в ящик монету и пойдет к следующему престолу. Движение здесь весьма большое, тем более что по соседству — зоологический сад, балаганы, панорама большая и тому подобные увеселения, где, видно, еще больше народа. В зоологический сад заходили и мы и видели там даже тигра, со скуки ужасно рыкающего. В саду из растений и трав устроены разные картинки в миньятюрп; вот, например, устроен как бы дикий лес, на холмике три охотника стараются покончить с диким разъяренным тигром. И это все весьма живо и хорошо. Много тут восточной фантазии и изобретательности.

Богослужение у нас пока совершается не совсем исправно, именно в отношении устава, так как переведено только самое необходимое, да, кроме того, японцы, как не слыхавшие и не видавшие никакого образца богослужения, еще не умеют петь хорошо и не скоро привыкают к пению, так как и вообще к этому они не совсем способны. Все-таки бдение и литургия продолжаются по два и более часов. После бдения непременно проповедует какой-либо катехизатор, а за литургией проповедует или священник, или диакон, или учитель.

Преосвященный предварительно сам прочитывает и исправляет всякую проповедь. Жаль, что народ мало ходит на богослужение, особенно в праздничные дни, кроме воскресенья; но это, конечно, объясняется тем, что большинство наших христиан все небогатые

люди, а большей частью работают или торгуют от хозяина, и поэтому должны работать и в праздник, чтобы не лишиться куска хлеба. Зато у них бывают в разные дни симбокукваи, или религиозные собрания, на которых решаются разные вопросы приходские, отправляется богослужение, предлагается поучение и ведется общая беседа. Таковые симбокукваи, конечно, очень поддерживают и могут поддерживать приходскую жизнь, только бы они были под хорошим водительством, чтобы не обратились в пустое собрание праздных людей, а если и не праздных, то толкующих совсем не о должных и не важных предметах. Преосвященный служит обязательно всякий праздник, а проповедь предоставил японцам, только руководя ими.

На другой день после нашего приезда (третий день Рождества Христова) после литургии он захотел отслужить Господу Богу благодарственный о нашем благополучном прибытии молебен, перед которым обратился к стоявшим ученикам и ученицам и богомольцам с кратким словом и кратко познакомил их с нами — как будущими своими помощниками. Так мы совсем водворены были на новом месте. Ученицы по случаю нашего приезда испросили устроить симбокуквай, на который и пригласили нас, на что, конечно, пришлось дать по 5 иен. Было приготовлено всем некоторое угощение из разных фруктов, сладостей и чаю. Сначала сказала весьма красивую речь одна из учительниц, объясняя причину сего праздничного и радостного симбокуквай, а потом говорили ученицы (до 4-х), из которых одна говорила: теперь все жалуются и указывают на то, что нравственность в нашем Отечестве очень упала, что и справедливо, поднять народную жизнь может только христианство, но чтобы это было, для этого нужны деятели, а таковые вот теперь и приехали к нам. Говорили все очень бойко, по заученному, хотя местами и путались. Я, конечно, ничего еще не понимал, но наслаждался поразительной внешней гармонией, с какой по-японски говорят умеющие говорить: речь льется плавно, отдельно, как будто оратор играет на клавишах, со-

размеренных заранее, а не языком говорит косным. Просидели мы на симбокуквае часа два и потом ушли, провожаемые радушием начальства и учениц школы, весьма обрадованных нашим к ним визитом. А ученики семинарии, как более бойкие, сообразили устроить по тому же поводу симбокуквай не на святках, а уже во время занятий; и вот в первый же день занятий они устроили это, и Преосвященный разошелся и разрешил, вообще не податливый на таковые манкировки школы. Ученики говорили весьма много, но совсем не хорошо, и главное — мало церковного, ближайшего к цели их семинарии духа. По японскому обыкновению, забирались зачем-то в политику и говорили о войнах и слышаниях брани, а потом переходили к нам. Но все это было как бы больше, а пожалуй и единственно, чесанием языка и выказательством перед товарищами. Один даже прочитал обращение к нам по-русски, в котором высказал, что мы, конечно, будем носителями того христианского духа, который желаем передать японцам. В заключение веселья, наконец, устроили какую-то шуточную лотерею с загадками и отгадками, а певчие пели разные церковные и японские народные песнопения. И там мы просидели часа два.

В понедельник 12/24 января изъявили желание быть у нас для знакомства и беседы катехизаторы другой токийской нашей церкви, состоящие под ведением священников П. и А. Савабе. Их шесть человек. Они усердно занимаются проповедью, одни успевая для верующих, другие — для язычников, третьи вообще в деле проповеди. По воскресеньям у них устраиваются собрания отдельных приходов в доме их катехизатора; там и устраивается симбокуквай, то есть говорильное и проповедническое собрание. Иногда собрания бывают и в других домах. Священник А. Савабе доволен своими помощниками — катехизаторами.

В праздник Крещения Господня священник Феодор Ницума совершил таинство крещение

над двумя семействами из семи душ: два мужчины, две женщины, один мальчик и две девочки. Это один полицейский; он был поставлен сторожить наш храм и здание миссии от уличных ребятишек, часто камнями бьющих стекла в окнах, а потом и сам пришел слушать проповедь о Христе и был наставлен отцом Феодором и крестился уже всем своим семейством; судьбы другого семейства крестившихся не знаю. Я был на совершении таинства (перед литургией с 8 часов). Лица у всех крестившихся взрослых были очень благоговейные. Все они вместе с восприимчиками читали положенные молитвословия и слова таинства по книжкам. На литургии в первый раз епископ причастил их Святых Таин, внушительно прочитавши с ними молитву «Верую, Господи»...

Преосвященный много с нами беседовал и много времени уделял нам, обыкновенно занятый делом (он поздно ложится спать, а раньше всех встает и усиленно работает или за переводами, или за чтением книг, журналов и газет, или за чтением и писанием писем и тому подобным. У него весь день совершенно занят, и без дела по миссии он как будто и не бывает). Он много говорил о том, как нужно вести здесь дело проповеди, как следует воодушевляться и других воодушевлять на это дело, как нужно во все вникать здесь и ко всему прилагать свою руку; говорил о том, что не нужно иметь в виду никаких временных расчетов для миссии, то есть мы не для России, не для Японии пришли, а делаем дело Христово, и поэтому не нужно ничего бояться, если идем по линии. Может быть, будет война между Россией и Японией; и тогда не нужно уходить отсюда, ибо иначе все разрушат здесь. Он рассказал и свою историю — как он сделался миссионером на Дальнем Востоке. Расскажу приблизительно его словами.

«Очень жаль, что у нас не было, да и нет пока живого органа, знакомящего с делами миссионерства, так что теперь в миссию идут люди и хорошие только случайно, совершенно случайно узнав как-нибудь об этом церковном деле. У меня, например, в первый раз этот вопрос возник совершенно мимоходом. Когда я еще был в 4-м классе семинарии, один преподаватель сказал, что его товарищ отец Аввакум едет священником при нашем консульстве в Пекин. По этому поводу у меня сразу возник вопрос: «Ах, вот еще какое место: интересно, а нельзя ли как-нибудь туда попасть, то есть в те страны?» Но это так и было позабыто, потом совсем и вопроса больше долго не возникало. Потом уже в академии, когда мы на курсе читали Обломова, у меня клубом роились мысли о том, что мы все — русские весьма склонны к этой обломовщине, и в обычной жизни из нее как будто уж и не выберешься, — так она и насядет на тебя. Поэтому что-нибудь одно: или исполнение идеала высоты, вообще всего, что для меня представляется высоким, и в таком случае — порвать всякие связи с обычной сутолокою и бессодержательностью семейной и хозяйственной жизни или, напротив, — идти обычной колею семейной жизни и тогда, конечно, придется позабыть всякие идеалы. Так я тогда рассуждал. Такова моя односторонняя натура всегда была: что-нибудь одно из двух или многих вообще. Но и эти мысли тоже были, конечно, забыты, то есть исчезла рельефность их в приложении к данным обстоятельствам. Третий толчок к одному и тому же был много спустя: лежал я в больнице и читал в «Русском Вестнике» разбор книги Головина о Японии. Вот тогда-то я уже яснее задал себе вопрос: попасть бы туда как-нибудь?! Подумал, подумал, но среди обычных потом студенческих дел тоже и это позабыл. И только уже на третьем курсе был последний и решительный толчок. Я был старшим в одном из номеров младшего курса; там я и занимался. Вот однажды иду я оттуда в свой номер товарищеский, а он был соседним; а ходил я, как и теперь, как и все я вообще делаю, быстро. А тогда-то я это проделывал еще быстрее. Полы у нас натерты воском, и поэтому я для быстроты не ходил, а обыкновенно катался на подошвах по полу от номера до номера; иногда налетишь таким-то образом на кого-либо, сядешь ему на плечи, повалишь на пол, поваленный ругается, а ты себе летишь дальше; только один студент был сильнее меня, и поэтому когда так-то налечу на него, то обыкновенно роли переменялись:

он схватывал меня и валил на пол. И из-за стола после обеда и ужина я тоже весьма быстро уходил и потом катился в номер. Так вот и в тот раз: вкатываюсь в свой номер, наваливаюсь на стол, а на нем вижу — лежит какой-то лист. Читаю его, оказывается, это от министерства иностранных дел предложение: не желает ли кто из студентов академии ехать в Японию в Хакодате в русское консульство священником или монахом. А потом вижу имена уже трех записавшихся: Благоразумов Николай — белым священником (бывший ректор Московской Духовной семинарии, теперь московский протоиерей), и еще двое: один Горчаков (священником), а другой в каком угодно сане. Прочитал я это и опять отправился в младший номер, но уже, кажется, поскромнее, не катился, прошел; помню только, что в номере как-то не сиделось мне и делом не хотелось заниматься. Оказывается, эта бумага уже с неделю валялась в номере, а я, как редко в нем бывавший, и не знал ее. Теперь и задумался снова над вопросом о Японии и уже бесповоротно решил туда ехать, если пошлют, и ехать монахом, ибо иначе невозможно для дела. Пошел я тут же и сам подписался на том же листе, что желаю ехать в Японию монахом. На этом пока и успокоился. Итак, в тот вечер я сам по себе принадлежал уже Японии. На другой день утром я пошел к Ректору Преосвященному Нектарию и сказал ему, что желаю ехать в Японию монахом. Преосвященный Нектарий на это заметил мне: «Что ж вы непременно в Японию? мы вам и здесь можем дать хорошее дело и место; мы вас и при академии можем устроить». А я на это ему заметил, что желаю быть монахом только для миссии, а здесь не останусь в этом сане; и потом подал ему прошение о пострижении в монашество с тем, чтобы ехать в Японию. Преосвященный Нектарий доложил об этом митрополиту Григорию, а сей Святейшему Синоду. В Синоде вышло разногласие: некоторые возражали, что не совсем следует посылать в Японию молодого человека, да еще только студента, еще не кончившего курса, а некоторые возражали: зачем посылать непременно монаха? Но митрополит Григорий отстоял это дело, и мое прошение удовлетворено. А пока еще в неведении этого подписавшиеся студенты и товарищи волновались и интересовались этим делом, занятые им, когда оно уже было в окончательном разрешении, и несколько почти не думавшие о нем ранее. Все, конечно, говорили, что пошлют меня, потому что я изъявил свое желание монашества. Конечно, когда сделалось известно определение меня в Японию, поднялись разные споры и возражения по поводу принятия мною монашества. Наше время было живое: тогда в жизни поднимались разные направления; тогда поднялись разные литературные толки о том, как бы жизнь сделать получше. И мы весьма увлекались всем этим и горячо обсуждали разные течения общественной мысли. Но все было на религиозной и церковной почве. Помню, я с наслаждением и любопытством засматривался и слушал, как мои младшие студенты читали разных Шопенгауэров и других философов и не философов отрицателей и при этом тщательно разбивали их. У нас были живые интересы к общественной жизни и не было, или мало было, отрицания. Вот и вопрос о принятии мною монашества тоже горячо обсуждался; находились и разные возражения, но все это очень мирно и благожелательно, ничего низкого и задирающего не было высказано. На прощание перед постригом я устроил обед, на котором, конечно, говорились разные речи и тосты, а один из записавшихся, но не назначенный в Японию, вероятно немного обиженный, вместо всякого тоста взял стакан и разбил его об пол в знак благожелания; но студенты не одобрили этой его выходки: вся посуда была взята напрокат, а расплачиваться-то ведь не особенно есть из чего.

Во время разных толков и споров по поводу моего монашества, я спросил об этом же одного из товарищей (он ярославец, его я уважал за его спокойствие, уравновешенность; он очень редко говорил сам, но его все уважали). На мой вопрос он ответил: «Я думаю, что Вы скоро возвратитесь из Японии в Россию». И вот такие возражатели были и не прикровенно говорили, что я через Японию надеюсь пройти скорее к архиерейству и тому подобное. Конечно,

меня это не мало обижало, но все-таки, в конце концов, все у нас кончилось мирно и благожелательно. Сразу после пострига известно, какое высокое настроение бывает. И вот тут-то в мою келию вдруг ввалила толпа певчих-студентов, и они запели совсем неожиданно для меня песенку: «Сяду я за стол да подумаю». Вот разбойники! Потом скоро меня поставили во иеродиакона и иеромонаха. Я пришел к Преосвященному Нектарию, а он вдруг мне говорит, против обыкновения, так строго и грубо: «Ну вот что: Вам теперь в академии нечего делать, Вам она не нужна; собирайтесь в 24 часа и уезжайте, я с Вами больше никаких дел не имею». Я, вообще, никогда не был таким, чтобы от подобного случая опустить голову и разнюниться, а тут все-таки невольно задумался над причиной такого приема, но спокойно и не трусливо. Конечно, я поспешил собраться и пришел к Преосвященному Нектарию прощаться. Он мне сказал: «Вы человек молодой, жизнь перед Вами еще впереди: поэтому держите свой язык за зубами». Я, конечно, был этим еще более озадачен и отчасти обижен, почему тотчас же просил его объяснить, в чем дело. «Вы там везде ходите и говорите, что в академии учиться не стоит, что там ничего хорошего нет, что нужно ехать за границу и вот поэтому-то вы теперь и едете в Японию». Это меня ужасно возмутило, и я взволнованным голосом прямо сказал Преосвященному: «В глаза назовите лжецом и мошенником того человека, который сказал Вам подобную вещь. Я никогда не был неблагодарным ни к семинарии, ни тем более к академии, никогда неблагодарным и не намерен быть, да и вообще я никогда и ни к кому, кажется, не бываю ничем неблагодарным, непризнательным, невежливым. Я самые отрадныя воспоминания, исполненные благодарности, выношу из академии и поэтому снова скажу, что не честный человек тот, кто сказал подобную клевету на меня». Преосвященный, должно быть, понял, что я искренно и справедливо говорю, и, больше об этом не говоря ничего, отпустил меня ласково и благожелательно, мирно. Это было последнее, что я пережил обидного по поводу своего монашества в академии. А, оказывается, что это взято было вот от чего: один из собиравшихся ехать в Японию действительно говорил то, что сказано сейчас про меня, а потом все это по поводу как бы сбывшегося слова его на мне перенесли с него на меня, но сам-то он это говорил лично от себя и про себя. Вот как совершенно случайно я сделался проповедником христианства в Японии. Потому непременно нужно, чтобы у нас в Синоде было какое-нибудь учреждение, которое бы ведало миссиями и знакомило бы общество с ними, чтобы в программы семинарские был внесен вопрос о миссиях».

Мы ему возражали: в программах, действительно, и есть этот вопрос, но это не приносило никакой пользы, так как сам руководитель-учитель не интересуется этим делом или даже хуже того. А намечаемое учреждение может легко из живого органа обратиться в канцелярию со множеством инспекторов, подинспекторов, помощников и тому подобное, без живого руководства делом. Но Преосвященный настаивал на своем, хотя уже и не так сильно. Вот как он рассказывал о своем поступлении в Японскую Церковь. Вот какая односторонность создала такую односторонность, как двадцатипятилетняя Японская Церковь, из ничего благодатию Божией возрожденная руками только одного этого одностороннего человека. Дай Бог и пошли нам побольше таких-то односторонних людей, так как мы-то, большею частью, уже очень разносторонни.

Недавно в одной японской газете (на английском языке) я прочитал следующую весьма характерную заметку о сущности современного протестантства, столь проповедуемого в Японии. «В статье, озаглавленной «Наше отношение к ортодоксальному христианству» Сюукёо (англиканская газета) указывает следующие главные положения: одна из причин застоя в христианской Церкви, так очевидно возрастающая, есть дух компромисса, какой укоренился среди нас... Можно легко перечислить пункты, в которых мы как борцы причины свободного христианства отличаемся от Ортодоксии (он понимает ортодоксальное направление в

протестантстве, католичество и православие). Вообще говоря, это относится 1) к характеру Библии, 2) природе Христа и 3) предмету первородного греха. Мы не думаем, что Библия есть некоторое совершенное средство. Мы не веруем в Божество Христа и не смотрим на человеческие расы как происшедшие от действия греха Адама и Евы. За нами вершительный апелляционный суд для заключения всего религиозного спора, что нет ни Библии, ни Церкви, ни предания, а есть разум каждого христианина. Следовательно, не есть христианство, чтобы под некоторыми обязательствами сохранять церемонии или формы действий, которые для той или другой отдельной совести кажутся или противными (с возражением), или необходимыми. Между тем мы веруем в бытие Бога и во все, что под этим подразумевается. Мы содержим в высоком уважении и слова и характер Христа. Мы усердно защищаем Его учение о всеобщей любви и веруем, что совсем возможное дело и для мужчин и для женщин быть так усовершенными, чтобы сделаться богоподобными. Поэтому мы полагаем, что имеем всякое право быть зачисленными среди учеников Христа» (The Japan Mail, Friday, January 21, 1898. Отдел: «Monthly summary of the religions press»). Эта цитата сама за себя говорит: протестанты, очевидно, проповедуют неверие во Христа как Сына Божия. Они скажут, что это говорят конгрегационалисты. Но у них этого строгого различия нет: во главе всех англиканских миссий в Китае стоит Тэйлор — методист или даже конгрегационалист, этого не знал и сам приск, состоящий под его ведением; этот же приск на пароходе, совершая мессу, приобщил и Тэйлора и его помощниц — миссионеров, тоже каких-то сектанток¹. Поэтому едва ли нужно и различать у них учение той и другой стороны. Поэтому и приведенное — явное и последнее выражение упования англиканской Церкви. А на практике они действительно это и проповедуют: они вывешивают у храмов своих здесь тему и пункты всякой проповеди, в которых почти и не видно намека на их упование в Божество Иисуса Христа; напротив, они говорят «о Христе историческом, о Христе как праведнике» и тому подобное. И что это творится на белом свете именем Христовым?! Вот эти самые еретики Его же именем провозвещают неверие в Него — истинного Сына Божия. И они в этом являют такую ревность, что как бы все оставляют, предаваясь только этому делу. По всему видно, что это явное исполнение слов Христа Самого: «придут человецы, которые Моим именем назовутся, и сотворят знамения великие на земле, чтобы прельстить и избранных, если возможно». Это воистину антихристианское направление под именем Христовым. И все это благодаря нашей беспечности: во время крепкого сна нас православных приходят всякие злодеи и портят ниву Христову всякими плевелами. А мы с настоящею истиною Христовою, с истинным светом, с действительно сильною и спасительною благодатью сидим, скрывши сии дары в землю, боясь, как бы ее не осквернить прикосновением к постороннему или не растратить как-нибудь. И враги-то или, лучше сказать — сопротивники-то у нас, как видно, не сильные и неосновательные, а мы ничего не можем с ними поделать, ибо спим и ленимся.

14/26 января Преосвященный получил письмо из Киото от священника Симеона Мия и, восторгнувшись сообщаемым в нем, поспешил принести нам на прочтение. Отец Симеон описывает, как они отпраздновали праздник Рождества Христова, какие новые члены прибавились к этому празднику, перебравшиеся из других мест, а потом сообщает о крещении двух семейств. Это пока все еще не важные в общественном отношении люди: больше все мастеровые. А вот теперь, говорит отец Симеон, слушает проповедь о православии один преподаватель гимназии, весьма важный и известный в городе человек; отец Симеон надеется, что его обращение может много принести пользы в деле обращения и других. Действительно, пока теперь наши христиане все больше из бедного и не важного класса общества, поэтому редко православие принимают более видные японцы: это-де вера, очевидно, людей необразованных, простых; да и на Россию японцы пока привыкли смотреть как на страну малопросвещенную. Поэтому-то они

больше и рвутся все к англиканству, как к религии образованной народности. Конечно, в этом толку-то пока мало может быть: ведь цивилизация Европейская совсем не признак христианства, а скорее напротив, да и плохие были бы христиане, которые принимали бы православие только по этому основанию; да ведь и первые христиане начала христианства вообще были простые рыбаки и их последователи — бедный, рабочий класс, но они-то и победили весь мир силою Христовою. Но все-таки сообщение отца Симеона немного утешительно и возбуждает дух некоторыми надеждами. А как случай еще нового обращения к православию это нас с отцом Симеоном весьма порадовало и подбавило энергии.

26 января/7 февраля Преосвященный нам рассказывал о некоем Данииле. Он сначала был протестант, а потом перешел в православие и сделался весьма ревностным благотворителем. В последнее время (около года) он ухаживает за сиротами погибших от наводнения на восточном берегу Японии. Он съездил туда, забрал всех сирот, привез в Токио и сказал Преосвященному о своем намерении воспитывать их. Оказывается, он действительно ухаживает за ними: содержит их на свои средства, отдает в школу; а чтобы содержать их, он купил лошадь и занимается извозом; и ребят он заставляет и приучает готовить разные мелкие угощения на продажу, что они же сами и продают и, таким образом, сами уже приучаются зарабатывать себе хлеб. Он попросил крестить их, и теперь они уже крещены и всякий праздник ходят в церковь к нам, после чего им Преосвященный устраивает обед вместе с учениками. Но однажды Даниил не предупредил нашего повара, почему ребята должны были голодные идти домой. Об этом и написал в нашем журнале весьма жалобную статью Петр Ивасава; и вот это послужило к тому, что о Данииле и его деле узнали многие и стали приносить большие пожертвования, даже до 150 иен. А что Даниил хорошо воспитывает ребят, об этом говорит следующее. Однажды учитель в школе, конечно язычник, стал говорить против христианства, что его-де принимать не следует, так как оно запрещает почитать императоров; на это встал и смело возразил один живой воспитанник Даниила и сказал, что это неправда, так как и так далее. Учитель за это его только отколотил, так что ребята пришли к Даниилу со слезами и с жалобой. А Даниил им говорил: что же, вы христиане, вот и хорошо потерпеть за Христа, не обижаясь. И так им об этом наговорил, что ребята весьма умилились и действительно прониклись этим настроением. В школе учитель в разговоре как-то и говорит им, что они, вероятно, сердятся. А ребята отвечали: нет, не сердимся, нам Христос не велел сердиться, такова наша вера и тому подобное. Все это, конечно, весьма подействовало на всех учеников и на самих учителей, так что последние приходили к самому Даниилу просить у него извинения. Вот это — самая христианская проповедь о Христе — нравами, жизнью христиан привлекать к христианству. Конечно, хорошо бы это дело обратить в настоящий приют, но Преосвященный ждет, чтобы хорошо испытать надежность Даниила, ибо ведь можно только испортить и его самого, подавши повод успокоиться, и самое дело чрез то.

А вот и еще подобное. В одном из северных городов Японии недавно умер подобный деятель. Он прежде был в партии соси, которые разными скандалами производят общественный беспорядок, чтобы уничтожить всякое посягательство на императорскую власть; хорошо я не представляю себе эту партию, знаю только, что это весьма отчаянные люди. Вот этот как-то узнал о христианстве и, выслушавши его, был крещен православным; после крещения он совершенно переменяет образ жизни и весь отдался благотворительности; он сделался разносчиком товаров и выручаемые от этого деньги употреблял на бедных. Однажды он зашел в мастерскую одного плотника; оказалось, что плотник умер и жена с детьми плачут, так как остались совершенными нищими, без куска хлеба, и даже не на что похоронить мертвого. Тогда он оставил свою работу, пошел сам выкопал могилу, на 1 иену купил гроб и похоронил мертвого плотника язычника, а сирот с матерью на свой счет отправил в дом своих родителей на призрение. И много-много подобного о нем рассказывал бывший у Преосвященного катехизатор

с севера. Но недавно он умер, заболевши тифом. Дай Бог, чтобы у нас побольше появлялось таких тружеников на пользу нуждающихся, действующих не из желания блеснуть своею благотворительностью, а исключительно из доброго несебялюбивого сердца.

30 января/11 февраля. Преосвященный высказывал свои соображения о том, где нам потом жить, чтобы все дело держать в своих руках. А на японцев в этом отношении не всегда приходится полагаться. Вот, например, он что рассказал. В Хакодате священник Петр Ямура. Год тому назад явились представители от Хакодатской церкви с заявлением, что они намереваются отправиться на Сахалин на рыбные промыслы, для чего и просили у Преосвященного какого-либо письма или вообще бумаги, так как они обещают, в случае хорошего улова, третью часть доходов давать на Церковь, так что эта ловля будет отчасти церковною. Преосвященный говорит, что не поверил этим обещаниям, так как вообще редко бывает, чтобы японец с деньгами в руках не обманул; на промысел, конечно, благословил, так как отчего же не получать пользы и нашим христианам, если язычники наживают на этом миллионы; но письмо или бумагу отказался дать, а обещал дать только удостоверение, что отправляющиеся — православные христиане, чтобы они могли обратиться к русскому священнику. Но представители заговорили, чтобы с ними отпустить и хакодатского священника, так как на Сахалине ведь очень много наших православных японцев, чтобы их священник мог повидать и прочее. А им, конечно, отец Петр нужен для разговоров с русскими как умеющий говорить по-русски. Преосвященный согласился отпустить его, если вся Хакодатская церковь на это будет согласна. Согласие хакодатцев скоро было представлено, а потому Преосвященный послал отцу Петру наставление о том, что он должен посетить разбросанных на Сахалине православных японцев, преподать им христианское утешение, крестить, если нужно, напутствовать и все прочее. Отец [Петр](#), действительно, видел там многих христиан.

Хакодатцам дали самые богатые рыбные промыслы: они написали губернатору, что пришли ловить рыбу, чтобы третью часть доходов отдавать в Токио в миссию, на распространение христианства в Японии, что они на это получили благословение и от епископа. Губернатор дал им такие даже места, которые никому не отдаются кроме русских, живущих по речке, так что они могут запереть проход рыбы вверх своими сетями. Но им показалось этого мало. Двое из них, подговоривши в компанию и отца Петра, приобрели тайно от других хакодатцев некоторые рыбные промыслы только лично на себя. Конечно, когда это пронюхали остальные японцы, то заявили недовольство. И когда отец Петр уже возвратился в Хакодате, вдруг от хакодатцев приходит просьба, чтобы его от них убрать, так как он нечестный и прочее. Преосвященный и попросил для умиротворения съездить туда отца Павла Савабе. Но сей не только не умиротворил, а еще более рассорил, и совсем неожиданно — по своему горячему характеру. Он только одного добился, чтобы хакодатцы потерпели отца Петра до собора, то есть до конца июня, а потом дело изменится; да теперь-де вот едут два миссионера из России, из которых одного епископ и пошлет в Хакодате вместо отца Петра. Но Преосвященный говорит, что не слишком ли много, чтобы для Хакодате только нарочно выписывать из России священника, так как миссионеры из России приезжают для всей Японии, и что вообще у него для миссионеров есть другие дела и планы относительно всего дела миссии.

Вот теперь, так или иначе, нужно убирать отца Петра, а сей прислал даже прошение совсем его на покой; его все остальные прихожане любят, а невзлюбили только хакодатцы, и именно вот за этот его поступок. Но кого же туда, так как вообще кандидатов на священство у нас мало, ибо непременно требуется предварительное прохождение всех степеней священства и 30 лет отроду? В Осака священником отцом Сергием Судзуки тоже недовольны: он какой-то нерасторопный, неэнергичный, так что теперь там христиане от церкви отвыкают и просят дать им другого священника. Преосвященный и хочет прямо об этом сказать отцу Сергию, и чтобы он просился в

Хакодате, но так, чтобы те не знали о недовольстве на него в Осака; хакодатцы его, вероятно, пожелают, а он, может быть, там и приживется, так как и сам хакодатец, и, может быть, делом займется, а уж на рыбные-то промыслы не пойдет, так как он вообще-то какой-то ребенок, невинный. А в Хакодате такое недовольство, что перестают ходить в церковь и на исповедь. А относительно Осака Преосвященный предполагает так, что к лету я буду по-японски уже говорить и тогда могу оставаться в Осака, а на подмогу в необходимом случае можно послать священника временно. Дай Бог, конечно, мне поскорее научиться по-японски разговаривать, только нет уверенности в этом, хоть я уже вот месяц и даже более занимаюсь по целым дням, не сходя со стула. Главная беда в том, что учитель мой диакон Стефан Кугимия неопытен в сем новом для него деле; он вообразил, что мне нужно проповеди говорить, и вот начал сообщать самые мудреные слова книжные, тем более что он сам все время сидит на японских газетах; и получилось, что я заучил до 900 японских слов, а разговаривать и слушать разговоры не могу, ибо слова не разговорные. Теперь

я купил начальные японские книжки для детей и по ним читаю, чтобы естественным порядком усвоить постепенно самые обыкновенные слова и настоящий японский строй речи; а кроме того вечером (утром с Кугимией от 8 до 12 часов), от 4—6 часов, я занимаюсь с Петром Исикаме, учившимся в Московской Духовной академии; с ним я читаю рассказ на разговорном языке, и вообще с обоими стараюсь побольше говорить. Для разговоров ко мне приходят иногда катехизаторы и ученики, да и сам я теперь думаю похаживать к священникам, ибо так-то постепенно и научусь говорить.

Преосвященный рассказывал еще один весьма печальный случай в подтверждение того, что опасно пока полагаться на японца. Американское миссионерское общество основало в Киото университет Досися, конечно с господствующим христианским направлением и вообще с целями христианского просвещения. Но вот недавно профессора совсем забыли эти цели и дух и стали проповедовать или неверие, или буддизм; а однажды кто-то из начальства повел учеников в тера (буддийский храм) или в мия (синтоистический) и там сначала сам, а потом и ученики проделали все религиозные обряды буддийские. Американцы, конечно, узнали все это, ректора сменили и поставили другого, но студенты открыли бунт и разнесли ректорские квартиры до основания. Американцы назначили ревизию и прямо поставили вопрос, что университет устроен с христианскими целями и поэтому не может быть в нем проповеди буддийской и тому подобное. А японцы на это отвечали: если не хотите, так уходите, мы в вас не нуждаемся.

А университет построен совершенно на американские средства, и земля куплена американцами, но по закону иностранцы не могут приобретать земли, поэтому такие купли совершаются на имя кого-либо из японцев. Но они вот какую пакость могут устроить. Американцы, конечно, подняли дело, и хоть с великим трудом, но, кажется, добились, что им выдадут какие-то деньги. А оставить свой университет все-таки должны были совсем. И у нас ведь все земли в Токио приобретены на имя священника Павла Сато; он человек добрый и честный, так что на него, кажется, можно положиться. Да и вообще, мне думается, у нас подобных историй не может быть: у нас нет ничего завлекающего в православие, как это имеется у англикан; нередко японцев в протестантстве может прельщать или то, что англиканство есть вера просвещенной, культурной и промышленной нации, или многочисленность благотворительных и учебных заведений, на которые здесь иностранцы не жалеют денег. А к нам идут действительно верующие в православие и ни на что кроме этого не могущие рассчитывать, ибо у нас средств почти никаких нет сравнительно с иностранцами. Поэтому, слава Богу, у нас еще не бывало, чтобы была где-либо церковь и ее не стало, так как она забыла христианство и обратилась к буддизму; у нас этого нет, хотя и деятелей мало: на 25

тысяч всего 24 священника и около 150 катехизаторов. Православие держится бытом и начинается не на увлечении, а на серьезном знакомстве с истиной. Поэтому мы не боимся, когда рядом с нашим миссионером поселяется миссионер католик или англиканин, ибо тогда еще лучшее сравнение для серьезно принимающих христианство, а ведь легкомыслия в этом деле не должно быть. Конечно, у нас мало таких знатных особ, как у англикан, например, но это и лучше: постоянная история истинного христианства ведь такова и была, но оно-то и превозмогало всякую видимую силу или господство человеческой воли.

На неделю о блудном сыне, февраль 1/13, я служил в первый раз по-японски всенощное бдение, конечно написавши все русскими буквами, но слова-то все почти хорошо уже знакомы. Говорят, порядочно на первый раз. Несколько потрусил, но все-таки возгласы, произносимые лицом к народу, я говорил на память. Господи, благослови! А литургию я служу с самого начала, произнося на соборном богослужении только три возгласа.

С февраля 1/13 на 2/14 день как раз в 12 часов ночи, когда я только что заснул самым первым сном, так как лег уже около 11 с половиной часов, вдруг моментально просыпаюсь, так как слышу ужасный стук и грохот: двери трясутся, умывальник как будто хочет выскочить и все такое. Сначала, конечно, я подумал, что кто-нибудь стучится ко мне в комнату, но скоро увидел, что не стучат, а предметы как бы сами стучат. Моментально я сообразил, что это землетрясение. Для меня оно, как новичка, конечно, показалось очень страшным, и я невольно моментально всего себя увидел как на блюдечке за всю свою жизнь и потом лежал сравнительно душевно спокойно, хотя сердце и трепетало, как бы готовое вылететь из груди. Через минуту, пожалуй и больше, все стихло, и я поспешил посмотреть в окно — не случилось ли какой беды, но, кажется, все было тихо, только сторож со стукалкой проходил под окном, как бы успокаивая своим присутствием. Преосвященный, да и другие здешние говорят, что это было сравнительно сильное землетрясение, хотя, слава Богу, никакой беды не случилось, кажется, во всем городе. И, действительно, грохотало все очень сильно. Да, действительно, только по милости Божией мы существуем на этом сплошном вулкане, каковые все японские острова. Сегодня бывшие здесь матросы с русского парохода «Воронеж» Добровольного флота говорили, что между Нагасаки и Йокохамой они видели в море небольшой, но высокий остров, который горел; это, очевидно, действующий вулкан; недавно на юго-западе между Осака и Киото было в трех местах землетрясение, но не сильнее. Но сегодняшнее землетрясение удивительно: теперь у нас лежит снег и весьма холодно, весьма похоже на русскую зиму, и, однако, внизу, очевидно, все разгорячилось.

5/17 февраля вечером часов в 7 или более к Преосвященному приходила одна наша христианка София с Йокохамским жителем, каким-то важным чиновником генерального штаба Империи. Но епископ, занятый в настоящее время массой дела, направил их к отцу Сергию. Этот японец очень образованный, прекрасно говорит по-английски, по-немецки и, вероятно, по-французски, знает отчасти и русский и греческий языки. Он приходил вопрошать о вере; говорил, что в душе у него есть мысль о необходимости быть верующим христианином и что все лучшие люди Японии уже христиане, да вот сердце-то не соглашается, веры нет во все это невидимое. Отец А. С. говорил ему о том, чтобы он обратил внимание на смысл жизни с верой в Бога и без веры в Него. А я после советовал отцу Сергию сказать ему, что христианство доказано самою жизнью, у нас есть целый сонм святых, которые верою победили все враждебное ей и достигли вечного царствия, еще здесь живя в нем; что у нас истинные христиане живут действительно духом Христовым. Японец долго просидел у отца А. С. и обещал часто приходить на беседу об этих вопросах. Дай Бог, чтобы семья попало на добрую почву. Кстати, муж этой Софии — доктор и теперь пионерствует в Австралии, не теряя попусту время, но стараюсь сколько можно узнать сокровища подчиненного нам мира и воспользоваться ими. И таких

предпринимателей у японцев очень много. Потому у них культура и выше гораздо нашей, что у них никто не дремлет над делом, если нужно делать дело. Японец, состоя где-либо в услужении или на работе, непременно выговаривает себе какое-либо время только для себя; и вот в это время он чему-либо непременно учится: или ходит в школу, или ремеслу какому-либо учится и тому подобное. Поэтому у них общественное сознание развитее, у них интереса к общему, к тому, что делается кругом или по соседству, больше, чем у нас в России, где большею частью мало кому есть дело до народной или общечеловеческой и вообще общей всех жизни: если я свое дело на безбедный или даже богатый кусок хлеба сделал, то и ладно — можно быть покойным, не пускаться в какие-либо предприятия, — так у нас большею частью думают. Поэтому-то Сибирь для нас стала своею почти одновременно с Америкой для англичан, а между тем мы ее сейчас только заметили, хотя еще пока мало о ней думали, и даже переселенческий вопрос туда есть пока чистейшая наша беда. Эта София очень усердная христианка: она теперь учится английскому языку, чтобы ехать к мужу. Англичанин, не зная, что она христианка, стал убеждать ее перейти в христианство и долго говорил ей об этом. Но однажды он заметил ее молящеюся в нашем храме и, узнавши, весьма косо стал на нее смотреть, а о христианстве уже перестал и говорить. Это она сама потом со смехом передавала.

8/20 февраля. Христиане нашей церкви представлялись нам после обедни и звали к себе; с завтра мы в сопровождении старшин² пойдем посмотреть, как живут наши христиане, а если нужно, то и посоветовать что-либо.

После обеда мы ездили к тому самому Даниилу, который воспитывает сирот детей. Их у него 24, из них 12 ходят в школу. Один есть еще такой, что слабо умеет ходить; его Даниил вытащил из песка после той пагубной морской волны. Есть еще одна больная женщина; у нее руки начинают немного действовать, а ноги еще нет, — это тоже после волны. Ребята благовоспитанные, почтительные, у нас все тотчас же благословение принимали и говорили свои имена. Даниила и старушку, за ними ухаживающих, называют отцом и матерью. Утром, перед обедом и вечером бывает общая молитва, на которой Даниил им говорит простую какую-нибудь краткую беседу о христианском поведении и тому подобное, говорит также иногда и во время детского обеда. Во время молитвы дети поют разные песнопения. Ради нас Даниил устроил молитву; дети хорошо пропели «Отче наш» и даже наизусть все, а потом в виде прибавления «Благослови, душе моя, Господа». После молитвы отец Сергей спросил детей: молитесь ли за отца-то своего? Дети сказали утвердительно. А Даниил им: «Тут не я, а Бог, нам все подающий, помогает; вот и теперь наши гости помогли (а мы действительно дали им несколько иен)»; и он много и просто говорил им об этом, а потом призвал к молитве о епископе и о нас, чтобы все наши благие желания Бог совершил. Немного только протестантски ведет он себя на молитве; ляжет на пол в виде поклона, да так и остается долго-долго; это некоторая искусственная сентиментальность; в разговоре у него заметно немного хвастовства; избави его Бог от увлечения собою. Хорошо бы его держать в ближайшем руководстве и под постоянным наблюдением. Есть один мальчик лет 13, самый старший, а выглядит самым маленьким: весьма убогий, больной и глупенький, не говорит; это какой-то кусок гнилого мяса. Жалко на него смотреть.

Февраля 9/21 мы действительно ходили к христианам квартала Канда. Слава Богу, у нас есть очень добрые христиане. Есть одна старая старушка; сын у нее недавно умер, и вот теперь при ней живут после него жена и мальчик с девочкой — сироты; старушка бедная, зарабатывает себе с семейством маленький кусок тем, что клеит бумажные фонари, которым, вероятно, грош цена, если весьма дешевы здесь прекрасные художественные японские изделия. Но старушка весьма уповает на Бога и молится Ему о спасении своей души, учит и детей молиться Ему. Девочка ходила в школу, но после смерти отца перестала, так как средств нет.

Ребята очень хорошие, благоговейные, особенно девочка. Мать ушла куда-то на заработок — мы ее не видали. Или вот другое семейство: очень набожная старушка и со средствами, так как сын ее, тоже христианин, живет в Америке; у нее есть другой сын, но когда она принимала христианство, то он был где-то отдельно от нее, почему христианство и не принял вместе и до сих пор остается язычником. Женат он на христианке, которую мы и видели тут же, но дети язычники; однако мать с бабушкой всячески, очевидно, поучают их вере Христовой, ибо мальчики многое знают о Боге, о Святой Троице, и на наш вопрос, желают ли быть христианами, смело отвечали, что желают. Очень хорошие, благовоспитанные ребята; лица у них добрые, дай Бог, чтобы и у остальных детей наших христиан были такие же дети. Мы учили их молиться, чтобы Бог сделал их всех с отцом христианами, и ребята подтвердили.

В одном месте содержат довольно обширную лавочку муж с женой; они еще совсем молодые, и только год назад, как христиане. С большим умилением, а жена почти со слезами, выслушали слова отца Сергия и ходившего с нами диакона Стефана Кугимия о том, чтобы молитвой и памятованием о Боге поддерживать в себе высокое настроение, которое падает, как гаснет лампа, если в нее не подливать керосину, или как тело наше без пищи ослабевает, так постепенно ослабевает и наш дух без молитвы и благодати Божией, которая есть пища нашего духа. Мы, должно быть, домов восемь или больше обошли сегодня. Везде радушно принимали нас и с сердечным вниманием выслушивали всякое слово отца Сергия (я еще не говорил, а только слушал; иное понимал в разговоре). Во всяком доме в почетном углу непременно иконы, иногда их очень много; только нигде не видно лампадки; это Преосвященный объясняет своей оплошностью: вначале не завел, потом уж так и не пошло. Отец Сергий, указывая на греческий и русский обычай непременно исповедаться и причаститься перед Пасхой, всех призывал к тому же, прибавляя при этом, чтобы и вообще почаще ходили в церковь и крепко держали христианские нравы, ибо христиане должны быть как бы свечками постоянными, чтобы все, видя их, прославляли Бога. Двое из христианских старост (они выбираются из среды христиан для ближайшего сношения с епископом по общим делам, для руководства и наблюдения над верующими и тому подобное) Хирано и Канда, очень добрые христиане, усердно ходили с нами по домам христиан и внимательно слушали все говоримое. Сегодня мы ходили от 1 часа дня до 3 с половиной часов и от 5 часов до 7 с лишком часов вечера.

Говорят, сегодня утром часов около семи было небольшое землетрясение, но я совершенно не заметил, хотя встал с 6 часов по обыкновению.

Февраля 11/23, 12/24, 13/25 мы тоже ходили к христианам. Самое главное следующее. По нашему наблюдению, все старинные христиане крепко держатся и свято соблюдают церковное учение, обряды и правила; а новые этого нередко не проявляют, а некоторые и совсем кое-чего не понимают. Например, некоторые перекреститься, принять благословение не умеют, в церковь редко ходят, некоторые не причащаются. Это потому, как оказывается, что отец Павел Сато, — их пастырь, — мало знает их и редко посещает после крещения, почему они и остаются вне всякого руководства. На это жалуются и христианские старосты (гийю). У некоторых дети, по необходимости, ходят в протестантские школы, и даже по воскресеньям; мы советовали посылать их по воскресеньям в миссию в воскресную школу.

Под впечатлением всего этого я толковал своему учителю Исикаме (академик, преподаватель семинарии), что они, академики, должны быть здесь свечками для своих братьев и принимать самое сердечное и живое участие во всех проповеднических делах миссии. Он мне глубоко признался, что действительно среди них мало идеализма. Я объяснил ему, что это, конечно, состояние теплохладности, а для таких людей известно, что будет: имам тя изbleвати, скажет Господь. Исикаме говорит, что прежде они, по почину епископа, в городе начинали проповедь, но она скоро прекратилась, так как мало было слушателей. Я сказал, что, вероятно,

проповеди были не изложением христианского учения, а какими-нибудь учеными трактатами о трудных и никому не интересных предметах, потому и слушатели сократились, а вы, вместо того чтобы сделать интересною свою проповедь, бросили все. Он согласился. Он советовал мне поговорить еще с академиками обо всем этом. А я советовал ему, а в лице его и каждому из них, между собой посердечнее да поискреннее иногда поднимать такие вопросы для разговоров между уроками вместо курения табаку, а стыдиться нечего: это и будет самый первый шаг искренней веры во Христа. Дай Бог начаться среди них некоторому оживлению и искренности.

Одна христианка-старушка с молодой дочерью ухаживает за больными, как сестры милосердия; здесь есть такое общество из христианок разных исповеданий. Видно, что Евангелие для нее настольная книга: она подала его нам все довольно поизношенное. Очень скромно рассуждает о всем и очень внимательно выслушивает. После одного сравнительно молодого катехизатора, умершего года два назад, осталась жена и двое малых детей. Жена очень религиозная и добрая христианка, и весьма серьезно помогала своему мужу, который был ревностным катехизатором и даже на церковь, при своей бедности, давал всех больше. Маленькая дочь теперь говорит: я буду катехизатором. Очевидно, мать поддерживает своих детей в добрых нравах и мыслях. В доме одного старосты все устроено весьма благочестиво: перед иконой аналойчик, на котором разные японские молитвенные книжки, и, конечно, молитвослов, совершенно истертый от употребления. Это очень ревностный христианин. Но есть и такие, что в церковь совсем почти не ходят; некоторые не причащаются, некоторые будто бы и совсем уже прервали почти связи с церковью. А корень, конечно, в том, что их после оглашения перед крещением редко хорошо знают после крещения, мало посещают и назидают. Если в России именно поэтому падает религиозный дух, хотя там уже есть некоторый церковный быт, так что все-таки люди живут среди церковной обстановки, то тем больших плохих результатов от этого небрежения пастыря нужно ждать здесь, где христианство только начинается, быта еще христианского вовсе нет или же самый разнородный (православие, католичество, протестантство), да и окружает-то христиан среда языческая — буддийская и синтоистическая, — господствующая пока по численности. Надо говорить, да и говорить без конца и всему с корней учить наших христиан, чтобы действительно среди окружающего мрака неведения истинного Бога они стояли как светильники на свещнице. Худо будет, если мы, занятые расширением своей Церкви, допустим подгнуть корням нашего молодого дерева: тогда уж лесу и не жди, все будет испорчено.

15/27 февраля в Прощеное воскресенье, ходя по домам христиан, мы нашли три ослабевших семейства. Один прямо признался, что ослабел духом. Отец С. толковал ему о молитве, об исполнении христианских обязанностей, о Святом Причащении и тому подобном. Христианин этот прямо сказал, что он и не знал этого и что он отныне это постарается делать. У него жена и мальчик сын. Он делает курума (тележки для дзинрикия). Лицо его выглядит добрым и искренним, и говорит он о своих недостатках искренно и со скорбью, узнавши, в чем дело. Другой христианин Захария Нецука живет с женой и четырьмя детьми, из которых уже двое не крещенных, — один семи, а другой четырех лет. Сами они в церковь не ходят, давно не причащались, а ребят не крестили только потому, что все некогда, да не соберутся, так как бедность заставляет-де работать непрестанно (живут действительно бедно). Отец С. и им толковал о том же, убеждал воспрянуть духом и помаленьку делать все христианское: совершать домашнюю, хоть краткую, молитву сообща и с детьми, детей крестить, ибо могут ведь и умереть не крещенные; благодать Божия для нашей души то же, что пища для тела; хоть попеременно в церковь ходить. Захария стыдливо все это выслушал, не поднимая и головы, а жена отнеслась к этому несколько хладнокровнее. Икона, как и у прежнего, у них есть, и молитву они будто бы совершают. В третьем доме — портной с матерью старушкой, трое детей, из которых тоже один

не крещен. Беседу отца С. он с таким вниманием (а также и старушка) выслушал, что позабыл даже и чаем угостить, который при нас же и для нас заварил. Икона есть.

В одном доме очень бедного семейства мы заметили весьма много благочестия, они крещение приняли совсем еще недавно, годов шесть назад; детей, кажется, семь человек. И все члены семьи такие благодетельные, набожные, скромные, внимательно слушали и расспрашивали о религиозном; на стене весьма много икон, а молитвослов свой он показал весь изношенный от употребления, очевидно, весьма и весьма частого. Одна вдова, очень хорошая христианка, занимается шитьем и между делом назидает в христианстве своих портних язычниц. Одна, кажется, хочет быть христианкой. Подобною же проповедью занимается и староста нашего собора Петр Исивара, приготовляющий печенье японское. Уже двое у него также обращенных в христианство, и теперь один слушает. Слава Богу, дело стоит довольно хорошо, а упадок духа у некоторых зависит от временного небрежения нашего, а между тем религиозное чувство, совесть у них сильно пробуждаются и говорят за себя, если с ними об этом побеседовать. Очевидно, положено прочное основание; беда только, что потом никто не постарался воздвигнуть ничего доброго на этом основании. Справедливо потому, что Петр Исикава в своем журнале уподобляет наших миссионеров уткам, которые, наклеивши яиц, потом их не знают. Конечно, это небрежение может привести и к еще худшим последствиям. Одна христианка теперь даже не знает и в торговле с православными и жертвует на идола. Муж ее все-таки был еще верующим, но она его похоронила по-буддийски и детей последних уже не крестила. Но и в этом все-таки оказывается воздействие истинного учения Христова: обыкновенный теплохладный спокойно отстал бы от христианства, а она с остервенением отворачивается от всего, с чем прежде имела дело. Очевидно, она все-таки искренняя последовательница Будды, а вместе с тем и Христос смущает ее совесть; в результате — борьба.

Февраля 21/марта 5 прочитали в газете «Дальний Восток» из Владивостока от 30 января о том, что война с японцами непременно будет, ибо японцы теперь ведут энергичные приготовления, их флот уже теперь сильнее флота любой державы, да они еще его увеличивают; но так как они все-таки пока еще не владеют всеми средствами для войны, то подождут, а потом года через два, до окончания нашей Сибирской железной дороги, выступят на Россию. Теперь-то японцы действительно ведут деятельные военные приготовления, но что из этого выйдет? Народ все-таки бедный; уже теперь, когда за один год все вздорожало малость, все ноют над этим, что трудно жить, а что будет дальше-то? Мне думается, что через два года вообще охладет военный пыл у горячих японцев и они увидят, что хотя у них и войско прекрасное и многочисленное, и флот громадный, но это все только на минуту, так как нечем будет содержать все это, особенно если война будет продолжительная. А может быть, они, с надрыва, что для чего же шли такие заготовления и производились затраты, — может быть, они и объявят нам войну, но тут-то им и будет гибель: у нас и военные силы есть наготове, да и народ не истощен будет специальными военными налогами. А впрочем, «не у явися, что будет». Во всяком случае, нам-то приходится задуматься. Можно предполагать, что в случае войны разнесут японцы всю миссию, да и нас не оставят в живых. А может быть, и это пройдет благополучно, — Бог весть. Только нам-то нужно всячески теперь стараться воспитать и укрепить себя в той мысли, чтобы непременно оставаться здесь: если убьют, то, Бог даст, наша кровь послужит семенем нового и истинного христианского дела здесь, а если не убьют, то наша смелость заставит японцев разубедиться в узконациональных задачах, какие они нам приписывают, заставит убедиться, что, напротив, наше дело духовное, далекое от политики; да и вообще смелость может размягчить сердца противящихся христианству японцев. Дай Бог, чтобы нам укрепиться в этой мысли, оставивши всякие разные опасения и расчеты.

В лондонском журнале «The Church Review» от 20 января 1898 года есть энергичная статья

о единении англиканской и русской Церквей на том главном основании, что Святая Православная Русская Церковь одна только в чистоте содержит все древнее учение и

при этом не обязывает всех непременно держаться одних обрядов. Конечно, желательно это единение, но для сего англикане должны отказаться от всех своих ересей и от общения со своими многочисленными сектантами, ибо это в конце концов у них нередко переходит в полное отрицание Божества Иисуса Христа. А тогда из-за чего же и огород-то нужно было городить? Здесь у протестантов был замечательный проповедник христианства японец Канамори; но скоро он усвоил основное начало протестантства и до того дошел, что даже книгу написал, в которой доказывает, что Христос и Будда по существу одно и то же, только один посовершеннее другого. Недавно в газете писали: сей Канамори приехал в блудилище, а извозчик ему: а я от вас христианство принял; но Канамори ушел. Он совсем оставил веру.

Это прямое порождение протестантства без догмата о Христе как Сыне Божиим, явившемся и Сыном Человеческим нашего ради спасения, а только с учением о Христе как Учителе и идеале нравственной жизни, почему-де догматы не важны, а важна добрая жизнь, поэтому нечего и разбирать много, кто как верует, важно, чтобы признавали нравственное учение христианства. Но отсюда прямая дорога к общению с разными сектантами, почему у них китайскими миссиями заведует и даже епископами управляет мирянин методист или конгрегационалист, — этого не знал даже и прист, думающий встать под его руководство и на мессе причащавший его Святых Таин. А отсюда прямая дорога совсем в сторону от Христа, ибо скоро скажут, что и вообще никаких догматов нет, а есть какой-либо дух и тому подобное. Так соблазняет диавол, завлекая некоторую высоту протестантского морального стремления и сердечную радость на пути этом, а потом совсем удаляя мысль от Христа в бездну мрака. Англиканам нужно совсем отказаться от своего англиканского протестантского мирозерцания, и тогда только они могут быть членами Православной Церкви не фальшиво.

Февраля 21 / марта 5. Суббота под воскресенье первой недели Великого поста. Я исповедал епископа, а вчера сам у него исповедовался. Замечательно молодая у него душа: при немалых годах (62 года), при постоянных житейских и деловых передрягах — совсем молодая душа молодого идеалиста, чуждая всякой неискренней прикрасы своего настроения, прикрасы хотя бы умными и высокодуховными словами; он, напротив, говорит так, как чувствует, — просто, искренно. И самопревозношения над другими никакого не заметно.

Преосвященный Николай Американский пишет отцу С., что старокатолик Вилат просит у него, Преосвященного Николая, священников для обучения ихних старокатолических в разных местах, а сам обличает европейских старокатоликов в лицемерии и вообще в ложном их направлении. И действительно: только что прочитал в «Православном Собеседнике» за декабрь 1897 года статью Вл. Керенского о «четвертом интернациональном старокатолическом конгрессе». Вл. Керенский был в специальной командировке на этот Венский конгресс. Он пишет оттуда, что теперь старокатолики все дальше уходят от первоначального принципа единения Церквей на почве древнецерковного учения и канона и теперь уже сошли на почву догматического безразличия; говорят о единении не на каких-то обязательных для всех догматических формулах одной Церкви, а на согласии всех в существенном учении вселенской Церкви, на почве любви. И они уже на самом деле на этом начале, — это доказывают их соmunion'ы с англиканами и высокомерное отношение их к Церкви древнецерковного предания, в противовес сочувственному взгляду на англиканскую Церковь.

Февраля 22/марта 6 долго я беседовал с преподавателем семинарии Хигуци. Он желал бы быть священником в Хакодате, но главным образом потому, что там христиане нуждаются в знающем русский язык для постоянных сношений с русскими. Из рассуждения его видно, что он не прочь быть приказчиком у своих христиан в их деловых сношениях. Заговаривает о

большом жалованье. Для более широкого дела предполагает завести там школу для русского языка; округ расширить далее Хакодате и прочее, вообще совсем не пастырское, а мирское, чисто внешнее стремление. О спасении совсем не хочет как будто понимать. Толкует об увеличении жалованья священникам и катехизаторам, так как им трудно жить, почему они и не занимаются часто делом своим, а для этого сократить количество их. Но вместе с тем, говорит, нужно расширить круг деятельности их, чтобы был простор, а также поощрять и обеспечивать дальнейшее благосостояние деятелей, и многое тому подобное совсем непереваренное. Я ему толковал, что пусть хоть свой-то малый приход ведаёт катехизатор, и для этого у него времени до гроба не хватит. Средства нужно теперь самим японцам изыскивать, а деятелям побуждать их к тому, так как ведь когда-нибудь Россия откажется от присылки пожертвований. Хигуци толковал, что вот теперь бы хорошо съездить в Россию, набрать пожертвований, чтобы обеспечить японскую Церковь, ибо, может быть, скоро будет война между Японией и Россией. А ведь это все академия наша наделала из них таких теплохладных; туда они ехали не такими.

С февраля 24 — марта 8 мы опять ходили по домам христиан участка Хонго в приходе отца Симеона. Здесь много лучше христиане, сравнительно с Кандой: радушия и неподдельности довольно, религиозного духа мы заметили много, интереса к слову Божию тоже немало, почти в каждом доме икон много и непременно есть лампадка, которую при нас и засвечали; молитвословы поистрепаны довольно. Особенно это нужно сказать относительно округа старосты (гийю) Итоо. Некоторые обязательно ходят на собрания и на молитву в свою церковь — молитвенный дом в квартире катехизатора (там это бывает в известные дни). Отец Симеон говорил обыкновенно о том, чтобы дома молились, в церковь ходили, причащались чаще и детей причащали, а в Великом посту, по обычаю русских и греческих христиан, перед Пасхой непременно причастились бы, детей учили бы всему христианскому, а по воскресеньям в воскресную школу посылали бы к нам на Саругадай. А польза от этой школы несомненна; например, одного мальчика мы заставили сделать крестное знамение; он прекрасно это сделал и на вопрос: этому тебя мать научила? — отвечал: нет, я в воскресную школу да в церковь ходил, а там все так делают. Надо как можно больше приучать христиан к церкви, чтобы сообща совершали церковную жизнь. Нашли еще одного рейтана, то есть охладевшего: он довольно богатый торговец известью и проч. Сибата; он из весьма старых христиан и был самым усердным, на церковь тоже много жертвовал, а теперь уж вот лет 15 охладел и даже детей не крестит, а недавно умершую девочку даже и погребал по-буддийски. У него были две сестры христианки очень ревностные; они жили в Йокохаме у другого брата, но такого заядлого буддиста, что он их ужасно мучил за христианство, почему они весьма долго сопротивлялись, наконец, не вытерпели и сделались буддистками; но умерли все-таки христианками, потому что под конец уехали от него. А Токийский Сибата им ничем не помог в защиту их христианства. У него есть сын лет 20 или моложе: этот, по словам отца Симеона, лучше и все еще слушает учение христианское. Сибата нас и принял даже в своей конторке, то есть почти на улице: может быть, у него даже идола стоят на месте икон. Должно быть, придется оставить этого упорного: может быть, после сам одумается. Научение отца Симеона он слушал, хотя с некоторой равнодушной улыбкой, а сын как будто интересовался очень.

Газеты угрожают войной: в Корее и Китае против нас, русских, возмущены; должно быть, наши офицеры зарвались и много заносчивости показывают, воображая всех окружающих своими солдатами. Будто бы Россия сделала запрос Китаю: уступает или нет он нам свой Порт-Артур? Иначе Россия употребит все меры, для нее возможные. Ответ должны дать к 26 марта. А запрос Корею: принимают

ли они русскую помощь или нет? Будто бы в Корею решено сменить всех русских инструкторов и прочих, а русский ставленник — министр иностранных дел лишен звания

действительного статского советника. Английские и русские суда стягиваются сюда на восток; Россия будто бы подрядила французские пароходы перевозить русские войска на восток. Япония продолжает горячо подготавливаться, но молча. А американцы со своим флотом разгуливают около Филиппинских островов, очевидно метя их взять у Испании. На белом свете собираются грозные тучи: что-то будет? Германия ведь тоже метит на Китай, и, между прочим, теперь в порте Киао-Чоу.

С 1/12 по 8/20 марта мы продолжали ходить по домам христиан Хонго и Ситая. В Хонго видели одно семейство переплетчика. Сам он давно христианин, а жена и дети только теперь слушают учение. Отец Симеон и катехизатор говорят, что жена-то хоть еще только хочет креститься, а лучше своего мужа, усерднее к вере. Дай Бог, чтобы это ее усердие осталось потом на всю жизнь и еще окрепло при помощи благодати. В Ситая одно семейство весьма бедное и многолюдное, но весьма благочестивое и к церкви усердное. В комнате при полной бедности — много и в порядке икон; ребята исправно и в воскресную школу к нам ходят. И вообще приходится сказать, что бедные и несчастные — лучшие христиане, сравнительно с богатыми и счастливыми. Зашли, например, в дом бедного ремесленника Андрея, давно-давно сделавшегося христианином и уже 20 лет состоящего старостой (гийю) среди христиан. У него в квартире все устроено как в домашней церкви: иконы, лампы, свечи, истертые молитвословы на особом аналойчике, покрытом парчой, разговор христианский, простота, смирение, молитва. Сам Андрей — уже порядочный старик — без волос и в очках, а у него жива еще мать, уже слепая, богомольная старушка (конечно, в церковь ходить не может), просит помолиться, как бы ей потихоньку в рай пробраться да поскорее умереть, а то уже в тягость приходится жить да грешить. Очень назидательная старица. И вся семья у Андрея хорошая. Сам он состоит как бы Веселиилом при нашей церкви: он единственный, кто может для церкви или христиан сделать подсвечник, крест поправить и тому подобное, и делает всем. Совсем не то в соседнем богатом доме ростовщика: его нет дома, одна жена, принимает холодно и не особенно, как видно, интересуется учением, ибо сыта, обута и прочие веселости жизни имеет; вот сердце и охладевает к Богу, как будто ни для чего не нуждаясь в высшей помощи. Так богатому и счастливому постепенно становится трудно войти в Царствие Небесное. Заходили в церковь — молитвенный дом — в Ситая: все устроено благообразно рядом с квартирой катехизатора, земля и дом уже церковные. Зашли в дом к отцу Симеону; и здесь та же церковность видна. Очевидно, он очень старается в деле Церкви. В переднем углу — иконы, лампы, свечи, аналой, молитвословы и другие книги; в библиотеке много книг религиозных, а остальные, нерелигиозные книги, в другом месте. Добрый батюшка. Совершенно неожиданно он нас накормил обычным японским обедом: это соба, или лапша, только обваренная в кипятке; она подается на особых решетках в деревянных коробках, но без воды; потом в особую чашечку вливают японской сои — особой кислоты соленоватой, как уксус, и туда вкладывают со-ба и хасими, или палочками, отправляют в рот; очень вкусно, только тяжело для желудка. Это обычное японское кушанье. Замечательно все у них чисто готовится: и самые хасими именно для того, чтобы и руки не запачкать. А на днях мы у себя ели по-японски приготовленную какую-то сырую красную рыбу, очень нежную, с разными приправами, и уху: все весьма просто, опрятно и замечательно вкусно. Около пруда в Уэно японцы выставили на огороженном месте два громадных якоря, взятых с китайского броненосца, в последнюю войну попавшегося в плен. Это очень практично: развивает патриотизм. Когда мы шли около пруда, то дул оттуда ветерок и несло гнилью пруда, да и у отца Симеона мы сидели некоторое время на сквозняке, а раньше разогрелись, так как погода была прекрасная — летняя, хотя мы шли в теплых подрясниках. Вероятно, от этого отец Симеон простудился и 6/18 марта с утра заболел. Мы опасались — не возобновился бы его прежний плеврит или не было бы воспаления в легких;

но доктор сказал, что до легких пока не дошло, а есть только катар горла. Дал лекарства, и все, вероятно, пройдет, хотя нескоро. Сегодня 8/20 марта архиерейскую литургию начинаю я, так как отец Симеон не может служить и лежит в постели. Благослови меня Бог. Вчера епископ рассказал об одном японце Кикуци как образце юркости, сметливости, живости японца. Кикуци еще в Сендае учился русскому языку у епископа в первые годы его пребывания в Японии; русский язык ему не давался. Однажды в полночь приходит он к епископу в полном старинном японском военном вооружении и говорит, что бежит, так как началась революция, правительство сменяется. Епископ в это время уезжал на полтора года в Россию. За это время Кикуци приобрел суда, но они погибли, и вообще успел разбогатеть, прогореть и сделаться доктором, каким его и нашел епископ по возвращении из России. Он устроил прекрасную образцовую медицинскую школу, весьма славившуюся. Но это ему тоже надоело, и он занялся изобретениями и изобрел огнеупорный горн. На объявлении его привилегии был даже министр внутренних дел; этот горн его выписывался и за границу; и день объявления его привилегии почти японский национальный праздник был — с флагами, музыкой и прочим. Но и это дело — горн — наскучило Кикуци, он объявил, что едет на юго-восточные острова овец разводить. Правительство дало ему субсидию. Но овцы у него погибли. Однако он не растерялся, а занялся рыбным промыслом и теперь на юго-восточном берегу Японии он считается самым богатым человеком. Он крестился, а сына своего Василия привел к епископу и сказал: хочешь — с кашей съешь, хочешь — в супе свари. Василий действительно был прекрасный юноша; он не ушел из школы, когда многие уходили, чтобы знанием русского языка добывать себе средства. Но когда еще епископ уезжал в Россию, то Василий помер, как раз пред окончанием школы. Теперь на юго-востоке Японии Кикуци занялся и проповедью христианства, и даже катехизатора выпросил у епископа.

Газеты до последнего времени не переставали ругать Россию в ее хищнических планах относительно Китая и Кореи; один номер английской газеты местной был сплошь наполнен извержениями такого сорта; говорили даже, что будто бы еще наш адмирал Гордон говорил, что Пекин все равно наш будет. Англичане всячески стараются поддержать японцев во вражде к России, чтобы, конечно, потом мирно воспользоваться плодами войны Японии с Россией, сидя на берегу или прогуливаясь по океану. Они даже подняли теперь старое подозрение японцев, что русские миссионеры присылаются правительством в Японию с политической целью. Но вот вчера телеграмма: наши возвратили из Кореи всех русских инструкторов и вообще русских чиновников, бывших на службе у Кореи. Это, очевидно, всех, и японцев и англичан, ужасно ошеломило: телеграмма без всяких комментариев. Теперь, вероятно, поймут, что мы не имели никаких своекорыстных видов на Корею, кроме оказания ей помощи.

На днях прочитал в «Московских Ведомостях», что богатые наши золотые прииски в Сибири на Китайско-Манчжурской границе, за неимением русских предпринимателей, переходят к иностранцам — американцам и другим.

В ночь (3 часа) на 11/23 марта в Хонго был ужасный пожар: ветер и раньше бушевал, а от пожара усилился, так что искры к нам летели — это расстояние весьма большое. Сгорело 1050 домов; в том числе Ханкоба, американская церковь конгрегационалистов; из наших выгорели только двое — один псаломщик Елисей Хаякава и еще один христианин. Кругом дома старосты (гийю) Итоо все выгорело, а его дом остался. Он очень хороший: усердный к церкви, и дети и семья таковы; в доме все по-церковному; он сам во время нашего обхода по христианам доказывал на себе пользу молитвы — как ему часто Бог помогал во всем. Дай Бог, чтобы это и других укрепило в вере.

На днях Преосвященный рассказал следующее. У одного старинного теперь катехизатора заболела сестра, и очень тяжело; в болезни она пожелала причаститься; и после Причастия сразу

ожила и встала, как ни в чем не бывало. Это рассказывал сам катехизатор Павел Исии, бывший у Преосвященного марта 13/25, и рассказывал совсем просто, не придавая этому особенного поразительного значения, а просто как нечто обыкновенное и неприменное для принимающего все от Бога по вере. И подобных случаев чудес среди наших христиан здесь очень много; и все они вот подобного характера, как бы вытекающие из рассуждения, что-де если иметь крепкую веру в Бога, то все так и будет, так как нечему удивляться, если, например, человек пообедавши будет сыт. Дай Бог силы веры еще большей, чтобы она руководила наших христиан неизменно и постоянно.

Японцы-католики в городе Коофу в количестве 37 дворов просят прислать им катехизатора и священника православного, так как они хотят присоединиться к православию. Но Преосвященный относится к этому осторожно: он послал туда одного нашего священника разведать на месте и от самих католиков, и от их катехизатора — не вытекает ли это их желание из того, что они почему-либо рассорились со своим патером или тому подобное. А намеки на это есть: они писали отцу Павлу Сато, что священник католический обманул их, не построивши обещанной церкви. Конечно, желательное присоединение их к православию, но если это их желание только из противления патеру вытекает, то не нужно и желать, чтобы они были нашими: очевидно, это только неверные овцы, а не серьезно желающие веровать в Истинного Бога. Будущее покажет.

Когда я получал в Йокохаме багаж, то обратился к помощи консульского переводчика японца Ханьюуда — язычника, но очень, говорят, хорошего человека. Он мне сказал все, что касается получения

багажа. Когда я уже хотел уходить, Ханьюуда попросил меня объяснить ему один текст: верую хожду, а не видением (он по-русски говорит хорошо). Я воспользовался случаем и объяснил ему это по-японски; он понял; я добавил ему и по-русски. Что из этого выйдет, не знаю; конечно, нужно бы воспользоваться и почаще заглядывать к Ханьюуда, — может быть, он и принял бы в конце концов христианство; а он-то и сам потом нам мог бы помочь в деле проповеди. Я передал об этом Преосвященному; он очень пожелал, чтобы Ханьюуда был православным.

Разбираясь в багаже, я показывал Преосвященному свои иконы и фотографии, памятные для меня по Кутаису или по Ардону; особенно ему понравилась большая фотография, на которой снималась вся Ардонская семинария в день моего оттуда отъезда. Он выразил пожелание, чтобы я потом устроил подобную же в семинарию в Осака, чтобы у нас было побольше людей деятелей: безлюдье, говорит, весьма надоело. Дай Бог видеть все это на деле. Я действительно предполагаю постепенно там начать это дело: сначала, например, устроить простые нештатные курсы в виде бесед с молодыми юношами, чтобы их постепенно воодушевить на дело проповеди и вызвать желание искренно поработать на этом поприще, затем можно будет мало-помалу придать некоторую определенную форму и вид предполагаемому делу воспитания проповедников. Мне думается, что эта школа должна иметь характер простой семейной среды, куда люди сознательно пришли для одного дела, чувствуют себя братьями, как члены одной тесной семьи, у которой все сходится к интересам этой самой семьи. Во внешней обстановке должна быть всецелая простота: нужно, чтобы ученики по возможности все сами для себя делали, как это есть и в особенности прежде было в нашей Ардонской семинарии; это для того, чтобы проповедник и после не барином себя чувствовал, для которого все подвези да поднеси, — нет, пусть он сам будет этим подвозчиком и подносчиком, чтобы он не отворачивался ни от какого простого жизненного дела: ведь Христос помогал Своему отчиму плотнику Иосифу; Апостол Павел работал палатки и тем существовал; да ведь не состояли на жалованье и остальные проповедники христианства. Проповедь христианства шла сама собой

между обычным делом. Да это так и быть должно: христианство не есть что-либо совсем от нас далекое, чтобы для этого нужно было все побросать и жить, пожалуй, между небом и землей, — нет, оно есть самое наше сердечное настроение, самое наше постоянное, во всех случаях жизни, неизменное хождение под оком Всевидящего Бога, постоянное памятование о Нем и сообразная с этим жизнь. А если взять проповедника, отвлеченного от всяких обычных дел, в виде белоручки, то получается некоторое подозрение: тебе-то, мол, хорошо, а нам-то каково при нашем многоделии? Нам уж не до спасения.

На днях приходил ко мне один ученик 6-го класса семинарии — Акила. Ему захотелось побеседовать со мной. На первый раз я ему советовал читать творения Святых Отцов, которые теперь переведены уже в большом количестве. Я приглашал его заходить и потом побеседовать. Да и для меня это полезно: я узнаю постепенно настроение учеников — будущих проповедников, а кроме того, и сам прислушиваюсь к японской речи. К христианам я все-таки еще не осмелился идти: стесняюсь тем, что не привык слушать разговор, хотя сам-то и могу кое-что сказать. Когда-то Бог поможет это сделать?..

Марта 16/28. Сегодня и я начал уже самостоятельно посещать христиан: со мной ходил только отец Симеон. Сначала я весьма трусливо выступал на это дело: и я, может быть, их не пойму, да и они меня совсем не поймут. Я шел, как бы на первую проповедь — экспромт. Но, слава Богу, все сошло очень благополучно; из своей келлии я вышел в 1 час дня, возвратился в половине 6-го часа вечера; посетили мы до 8 домов христианских. В общем это все хорошие христиане: у некоторых в переднем углу даже особый аналой с парчовым облачением; молитвословы довольно поистерты, в церковь по мере сил ходят исправно, причащались все, учение слушают усердно. Обыкновенно я говорил сколько мог ясно, а после спрашивал — понимают ли. Если не понимают, я иначе пересказывал тоже, а в крайнем случае отец Симеон объяснял мои слова; но иногда и он говорил, что понятно. Только одно семейство оказалось охладевшим к вере, — Моисей Китано (в семействе жена Ирина, дочь Екатерина — 17 лет, сын Федор). Они 6 лет назад приняли крещение и уже вот три года не причащались. По словам отца Симеона, жена-то еще лучше, а сам Китано уж очень охладел. Я им говорил, сколько мог, о том благе, какое для нас принес Иисус Христос, о том, что если мы что-либо доброе, какое-либо приятное чувство сердечное имеем, то вот это-то и должны возгревать в себе, чтобы постепенно поближе к Богу встать, так как Богу ничего не нужно кроме нашего сердца: все с нашею смертью кончится, а душа наша будет жить вечно; с нею мы и к Богу предстанем, и какова она окажется, соответственно этому или вблизи Бога, или вдали от Него будем жить; а худое, злое, конечно, не может быть вместе с Богом. Поэтому кроме спасения своей души, для чего Иисус Христос с неба на землю приходил, — кроме этого нет другого важного дела: ведь ради этого Христос разные страшные мучения претерпел, смертью позорною умер. Ведь если мы любим отца или мать, так как они о нас заботятся, то во всем будем поступать по их воле; а Христос для нас есть самый близкий Отец, который всем для нас пожертвовал. Я советовал им взаимно друг друга возбуждать на дело спасения, учить тому же и детей, так как если они с детства привыкнут к Богу и к молитве, то уж на всю жизнь таковыми и останутся; советовал вот теперь перед Пасхой исповедаться и причаститься Святых Таин, в которых мы Самого Христа причащаемся и принимаем Его к себе. Итак, я еще на одну ступень поднялся в деле проповеди.

В рассказе о Моисее Китано еще следующее нужно заметить. На мой вопрос о том, сколько лет они не причащались, Ирина, как бы с некоторым неудовольствием оглядываясь на Моисея, сказала, что уже три года; она как бы хотела указать на мужа как на главного виновника их общего греха. Может быть, в этом сказывается общая черта грешника — свалить с себя вину на другого, а может быть, и действительная правда в том, что Моисей и есть виновник этого греха. Следующие три дня я продолжал ходить по домам христиан и окончил приход Ситая. Отец

Симеон указал мне на одного христианина — Марка Фурука, который от прошлого года еще не причащался. Марк, как будто сознавая свой грех, встретил меня весь обливаясь потом и краснея от стыда; я ему сказал несколько слов, соответствующих его положению, и посоветовал причаститься перед Святой Пасхой вместе с другими христианами, постоянно причащающимися по воскресеньям и субботам. Это общий обычай христиан и Греции и России, и обычай очень хороший: перед таким светлым праздником, как Воскресение Христово, действительно нужно приготовить свое сердце, чтобы со Христом радоваться. Кобаякава Афанасий не особенно усердный христианин, но все-таки еще держится веры; а его жена Меропия совсем оставила веру и на место икон поставила идолов. Она даже еще прошлый год причащалась (крещение они приняли 8 лет назад); девочка Хива, лет 3—4, крещена, а еще маленький ребенок уже не крещен. Соседка ее христианка пошла звать ее придти, так как пришел симпу (батюшка), то есть я, чтобы со мной побеседовать. Отец Симеон, как он мне говорил, много с нею беседовал, но она не слушает. Долго ее убеждала соседка и наконец привела. Я прямо и начал говорить ей о том, что она оставила веру; говорил о великих к нам милостях от Иисуса Христа, ради чего Он претерпел всякие страдания и даже смерть; говорил о том, что нам приятно что-нибудь доброе сделать или хоть в сердце помыслить, а ведь это и есть сторона жизни христианской, и если ее расширить и старательно наблюдать за собой, то и стяжем тот мир и блаженство, которые имели все святые Божии человеки, мощи которых и поныне почивают, например многих святых в России; этой силы они сподобляются даже на земле; например, отец Иоанн Кронштадтский силою Божие творит чудеса, люди ищут его увидеть и побеседовать с ним или хоть получить его благословение. Все это сила Христова, благодать Его нам грешным; а ты, Меропия, от этого-то теперь и удаляешься. Если бы ты своему дитяти давала что-либо, а он бы это бросил и презрел, то, конечно, ты не хорошо бы посмотрела на такого твоего сына, наплевавшего на твое добро: вот и ты в таком же положении к Богу. Одумайся и воспрянь снова. Меропия сначала выслушала мои первые слова с некоторым волнением и искрой в глазах, а потом более спокойно, хотя, по-видимому, с искренним интересом. Что будет из сего, конечно, сказать трудно.

Есть и еще несколько печальных домов. А вообще все очень меня порадовало и воодушевило: много самых простых христианских нравов и привязанности к Церкви Божией; все исправно совершают домашнюю молитву, почему молитвословы порядочно затасканы; для молитвы устроен особый аналойчик в парчовом облачении; на нем разные книжечки для молитвы и чтения; перед иконами лампадка, а под ними подсвечник; почти все читают Евангелие и действительно имеют Евангельское настроение — мысль о том, что только Христовою благодатию и поддерживается наша жизнь. Особенно в этом отношении хорош гийю (староста) Илья: он хоть и весьма далеко живет от церкви, но приходит обязательно за каждую всенощную и обедню; сам исполнен самых благочестивых мыслей, и вся семья его очень благонравная и благочестивая, в его участке заметно особенное благоустройство среди христиан. В этом отношении есть еще очень благочестивый гийю (тоже в Ситая); он еще почти совсем молодой человек, но по своему настроению, очевидно, считается старшим, почему его и выбрали христиане старостой. Он очень бедный и занимается приготовлением кисточек для японского письма, нисколько не падает духом и всецело предан Церкви. Так как наши христиане живут очень далеко один от другого, то я говорил им, чтобы они старались при случае, вместо обычных пустых разговоров, заводить с язычниками речь о вере и потом приводить на слушание учения к проповеднику; а кроме того и Богу молиться, чтобы Он помог нам в деле распространения веры Своей, чтобы постепенно вся Япония уверовала в Него и чтобы таким образом составила одна общая единоплеменная семья. Ведь если какое-либо дело одному не сделать, то обыкновенно мы ищем посторонней помощи и общими усилиями дело

скоро приходит к концу; так и наше дело должно быть нашим общим делом: если ты желаешь себе спасения, то желай его и другому человеку, а если он об этом спасении не знает, то скажи ему. По местам я рассказывал или из житий святых, или из виденного в путешествии до Японии, или из русской жизни и тому подобное. Когда меня не понимали, то отец Симеон объяснял мои слова. И я иногда многого не понимал; все-таки постепенно стал привыкать и улавливать общий смысл речи. В общем, это мое первое самостоятельное почти путешествие по христианским домам очень было для меня приятно и полезно — для знакомства с христианами, для изучения языка, да и для назидания христиан: уж одно то, что я пошел к христианам, конечно, их очень заинтересовало и приподняло дух.

По газетам, Порт-Артур и Талиенван, китайские порты, теперь русские и уж с 15/27 марта в них выкинут Русский флаг; это, конечно, только аренда, а не присвоение. И теперь Англия сразу перестала бранить Россию. Очевидно, ее политика — всех рассорить — не удалась, и теперь она поворотила в обратную сторону и говорит совершенно против прежних своих слов следующее: конечно, России нужно иметь выход в море, а следовательно, и порт, каковым и является Порт-Артур; но и Англии нужно иметь тоже пристанище. И вот теперь она ведет уже переговоры с Китайским правительством о Вейхавее. Вот постоянная политика ее. Японцы, несомненно, весьма злятся, но теперь им неизвестно, с кем уж и воевать: ведь теперь все державы наперекор ее китайским стремлениям. Зато в Корее Япония опять возобладала. Наши сделали запрос корейцам: желают ли они иметь у себя руководителями русских? Корейцы сказали, что теперь они очень благодарны, что они теперь воспользуются мудрыми указаниями русских и сами будут продолжать свое дело. Наш посланник на это им заметил: очень рад, что они так скоро усвоят чужие указания, — и затем все русские оставили Корею. На месте их теперь там японцы, от которых и загорелся весь сыр-бор в Корее: они зарезали жену Корейского Короля, который убежал в русское посольство и только там спасся от очевидной смерти. Надолго ли будет, что он теперь сделал. А России не привыкать получать насмешки и плевки от покровительствуемых и спасенных ею: все славяне, за которых Россия свою кровь проливала, только издеваются над нею же. Но бедный Китай: очевидно, теперь мало-помалу приходит в исполнение мысль о его разделении, все рвут его по частям, а он как будто и не замечает этого. По поводу солнечного затмения Китайский Император издал приказ: нам донесли, что будет солнечное затмение, это за грехи наши, что дракон будет похищать солнце; и призывает всех к молитве. Ему как будто совсем не до того, что его со всех сторон разрезают на части. Впрочем, теперь и в Китае поднимается некоторое движение: в долине Янг-Секианга образовалась целая партия во главе с каким-то отчаянным князем; стремления этой партии — реформировать государственный строй Китая. Может быть, это и не на шутку дело начинается; и тогда, может быть, Китай действительно воспрянет; и тогда опять Монгольское нашествие и от него беда, конечно, опять прежде всего России же. Что-то будет.

В одном буддийском здешнем журнале, который печатается на разных языках и даже на русском, один христианин, конечно протестант японец, рассказывает, почему он сделался христианином (об этом он напечатал даже целую книгу). По его мысли, и буддизм не ниже христианства, почему он всегда в скорбные минуты прибегает к помощи великой индийской религии, как к родной и любящей матери. «А если спросят, почему же я сделался христианином? То потому, что мне больше нравится восход солнца, чем закат его, хотя мне и холодно утром любоваться на это; я думаю, что в основании нашей печальной жизни лежит все-таки радость, почему я и принял христианство». Это очень характерно для протестантства, стремящегося создать какие-то национальные безразличные Церкви христианские, в которых не может быть никаких общеобязательных формул.

По вопросу о присоединении 37 домов в городе Коофу от католичества к православию

ездил туда священник отец Феодор Мидзу-но; он оттуда пишет, что католики действительно искренно желают соединения с православными и что тут нет никакой фальши или личного разлада с патером или с катехизатором. Преосвященный все-таки несколько не доверяет. Теперь он затрудняется вопросом — кого послать на катехизацию в Коофу. У нас у всякого есть свое дело, которое оставить будет не особенно удобно.

Марта 21/2 апреля, вечер. Японские газеты издали спешное прибавление — листок-телеграмма из Пекина: между Англией и Россией на волоске; английские суда (29) вошли в Порт-Артур и сделали запрос Китайскому правительству о том, чтобы отдали тоже на 25 лет Англии Вейхавей, иначе они тотчас же берут Порт-Артур, несмотря на то, что он сдан России, срок ответа 5 дней. Если это правда, то нечто страшное готовится; Англия, очевидно, даже как бы игнорирует пребывание русских в Порт-Артуре и нахально вошла туда. Да ведь нам действительно тут и тягаться-то трудно: у нас здесь всего только до 15 судов, которые могут разве только потопить несколько английских судов, а воевать-то уж совсем странно. Но, с другой стороны, и Англии рискованно выступать с нами в войну: ведь мы можем легко двинуться на Индию и уж там-то, конечно, засядем основательно, тем более, что положение Англии там очень шаткое; да, кроме того, для Англии очень опасно и в Египте: там Франция тоже начнет свое дело и захватит то, о чем теперь у нее с Англией спор тоже очень горячий и легко могущий воспламениться. Может быть, и эта телеграмма — утка для японцев от самой же Англии, чтобы в конец их подбить против России и чужими руками, если удастся, жар загребать. Одно только несомненно, что англичане пришли своим флотом и требуют сдачи им Вейхавея, угрожая своими кораблями. А это, может быть, неумеренный политик и постарался раздуть.

Марта 22/3 апреля. Воскресенье утром в 6 часов 15 минут было маленькое землетрясение, как раз когда я вставал с постели; все-таки очень заметная тряска и качание всех предметов было.

Сегодня было крещено 34 человека; говорят, это мало для настоящего времени перед Пасхой, ибо потом начинаются сельские и другие работы, когда слушать учение не будут. Причастников было до 100 человек. Сегодня наша церковь была как бы мать, собравшая своих чад около себя: и до обедни, и во время обедни народа было полно, было много и любопытствующих язычников. Из разных мест тоже пишут, что есть случаи крещения. В одно селение в Акита был послан катехизатор по просьбе язычников, и вот там он теперь многих приготовил уже ко крещению. А из соседнего города один чиновник прислал Преосвященному письмо: он желает узнать христианство, но не знает, как этого достигнуть, почему и просит совета. Преосвященный и написал ему, что теперь в соседнем селении случайно проповедует катехизатор, с которым он и может увидеться и побеседовать, а тому катехизатору тоже написали, чтобы он постарался увидеться с этим чиновником. Катехизатор действительно и был в том городе; он пишет: чиновник этот очень прекрасный и благочестивый человек и с величайшим вниманием и наслаждением слушал проповедь; мало того, собралось множество и других чиновников единственно с целью послушать учение. Из другого места пишет один священник, что он был в одном селении и среди язычников (селение языческое) долго проповедовал; они так заинтересовались, что просили его и еще побыть у них и говорить, почему священник и оставался у них больше недели только для проповеди. Очевидно, в разных местах Японии есть сильное желание слушать учение о спасении; очевидно, все сильнее пробуждаются Богом человеческие сердца. Очевидно, нужно только идти навстречу этому глубокому желанию, а по местам уже отвечать на делаемые запросы. К сожалению, у нас не хватает деятелей для этого дела; приходится для этого нередко отнимать, хоть на время, катехизатора от его церкви для проповеди в другом месте; а это, конечно, может дурно

отозваться на этой самой церкви. Преосвященный в разговоре обо всем этом снова побуждает меня в Осака постараться собирать полезных для проповеди молодых людей и постепенно заводить катехизаторскую там школу. Дай Бог мне и ревности в этом деле, и умения, смысла, чтобы находить действительно хороших людей и потом их воспитывать для специальной их высокой цели — проповеди о Христе.

Эту же бедность в деятелях доказал и вопрос о присоединяющихся к православию от католичества жителей города Коофу, по каковому делу было устроено собрание всех священников марта 23/4 апреля. Из рассказа отца Феодора Мидзуно видно, что эти католики еще беднее наших христиан, так что иностранные миссии напрасно хвастают, что у них все почти интеллигенция и купечество; католический катехизатор до христианства был такого скверного характера и поведения, что даже отец, который кроме жены открыто имел множество наложниц и страдал другими пороками, — даже и он выгнал от себя своего безнравственного сына, да и теперь он замешан в разных любовных похождениях и преступных связях с женщинами. Патер весьма богатый человек; его сюда именно и назначили как богатого, так как здешние христиане очень бедны. Решили временно послать туда катехизатора Судзуки из церкви отца Тита Комацу, чтобы он изложил им православное учение в отличие его от католического; Судзуки сравнительно опытный катехизатор, а туда, конечно, молодого посылать не удобно.

Здешняя английская газета «Japan Mail» весьма сомневается в справедливости японской телеграммы о близости войны между Россией и Англией из-за Порт-Артура и Талиенвана; она говорит, что разве только вдруг бы голова закружилась у английского правительства, тогда бы еще можно было предположить, что, может быть, и справедливо, что оно объявит войну России. Да оказывается, и судов-то английских в Китае только 8, а не 29. А Вейхавей действительно Англия уже получила от Китая, и тоже на 25 лет. Вот теперь японцы, вероятно, злятся: прежде англичане утешали их, что Россия, вероятно, получит Порт-Артур, а Япония — Вейхавей; японцы себя чувствовали совершенно в союзе с Англией, и вдруг эта самая Англия отняла у них ею же обещанный Вейхавей. Теперь Японии уж если воевать, то не с Россией, а с Англией или даже со всей Европой, так как французы тоже теперь требуют себе от Китая, итальянцы тоже идут в китайские воды; и все это народы, совсем и не воевавшие с Китаем; а Япония воевала и ничего желаемого не получает. Конечно, должно быть весьма досадно. А дело, вероятно, кончится тем, что Япония заключит союз с Россией: она поймет же хищническую политику Англии и, напротив, совершенно мирные намерения России, не идущие в ущерб никакому государству. Дай Бог этого. Ведь прежде эти две страны были очень в мирных сношениях.

В той же газете все продолжают писать о печальной участи университета «Досися». Гордон пишет, что американец Харрис дал на него 100 тысяч долларов, причем высказал, что это на распространение христианского просвещения в Японии, чтобы непременно университет оставался христианским, какие бы противоположные течения ни начались в Японии, так как теперь век всяких сомнений и брожений. Эти деньги он предназначил прежде на благоустройство дела христианства в его родной Америке, и, только узнавши японских студентов, учившихся в Америке, и благодаря письмам и просьбам одного американского миссионера — учителя в Японии, он эти

деньги отдал на «Досися». Гордон все это говорит по письмам к нему Харриса и характеризует его как прекрасного христианина, усиленным трудом, честностью и сметливостью ума скопившего себе этот капитал; он и вообще отличался многоразличною благотворительностью, а это дело его — верх всего. Какой-то другой «японофил» в письме (там же) говорит, что японское правительство, принявши «Доси-ся», поступило так же, как если бы ко мне принес вор украденные вещи, а я бы их взял; конечно, я должен бы спросить его, где он

их взял, иначе, я умышленно согласен с ним и скрываю его.

Русская газета «Дальний Восток» доказывает, что «Порт-Артур в сравнении с Владивостоком лужа, в которой нас свободно могут запереть, да так тут и задушить; что проведение Сибирской дороги на него пойдет только в пользу чужой Китайской Империи, а Русский край останется в стороне от дороги и, следовательно, обречен будет на прежнее засыпание и бедность в разных отношениях». Тогда чего ради вся эта гибель поднимается, что на Россию злятся все, а может быть, и войну откроют, для всех весьма гибельную? Японцы теперь устраивают даже митинги, на которых поднимают вопрос — выразить протест против действий России; это — оппозиционная партия, а новая, правительственная, партия молчит. А Англия почему-то спокойно сидит на своем, никто ее не ругает, хотя она всех смутила, да она же и у японцев отняла Вейхавей, который раньше обещала Японии. Теперь английские газеты оправдывают Англию от взводимого будто бы на нее обвинения, что она-де отступила от прежних требований к России и замолчала перед русскими действиями; они пишут, что Англия не отступила, а только теперь дело выяснилось: прежде Англия думала, что Россия идет по пути захвата и расширения себя, а теперь оказывается, что этого желания нет; даже Порт-Артур открыт для всемирной торговли. А, конечно, взятие Порт-Артура только и обуславливается тем, что Япония стремится быть чуть ли не первой державой и уж, во всяком случае, схватить соседний нам Китай. Это тогда будет гибельно для всей Европы, ибо вся история Японии есть история постоянных или внутренних междоусобий, или внешних войн; поэтому и всполошились все европейские государства и сами пошли на Великий Океан, чтобы помаленьку застраховать общий мир. Поэтому нечего Японии и злиться на кого-либо, а лучше согласиться со всем светом, что мир для всех желателен и нужен, и потом спокойно и скромно заняться своим внутренним процветанием во всех отношениях, чем так заняты все европейские государства. А для этого Японии много и дела и средств: это страна, только оживающая, но богатая и естественными сокровищами, и вообще изобретательностью и сравнительной образованностью своего населения.

Марта 28/9 апреля я служил с диаконом утреню и литургию по-японски; Преосвященный одобряет. После литургии отслужили собором с владыкой панихиду по московском митрополите Сергии, о котором владыка сначала сказал несколько слов. На всенощной и на литургии в Вербное Воскресенье народу было очень много, хотя меньше прошлых лет, так как погода была скверная — дождь. Сегодня за богослужением были и язычники в большом количестве. Некоторые с большим интересом простояли всю службу; некоторые даже по-своему молились, когда владыка, например, шел на кафедру и был, следовательно, лицом к народу; они, вероятно, слышали, что вот это и есть Николай, который все здесь устроил из ничего; и вот, вероятно, считают самое лучшее — проделать свою четку, смотря на него. А более интеллигентные и, следовательно, безразличные к вопросам религии японцы смотрели на нас и на наше богослужение с некоторою ядовитою улыбкою. Деревенские посетители храма обыкновенно жертвуют медные деньги на храм и оставляют их на кафедре. Да, теперь и здесь уже создан церковный быт: в праздник — церковное многолюдное торжество и даже колокола звонят на весь город. Дай Бог постепенно и всю Японию просветить православным светом учения Христова. Сегодня японский праздник — 30 лет со времени перенесения столицы из Киото в Токио, поэтому и собралось так много народа из провинции. Пускают разные фейерверки; устраивают процессии, какие были при сёгунах, то есть в старину, для чего собрали именно таких людей, которые прежде участвовали в таких процессиях. На весь этот праздник ассигновано 20 тысяч иен. Газеты возражали против этого празднества, так как-де вовне Японию обижают разные государства, внутри дороговизна и угрожающий голод, так как свой рис съели и теперь придется употреблять привозной. Партия прогрессистов устроила

депутацию к первому министру, чтобы выразить неодобрение и протест против политики других держав. Министр отвечал, что политика правительства сумеет сделать свое дело и поддержать на высоте честь народа и вообще страны, а протест может быть даже вреден для Империи. Депутаты согласились.

Марта 31/11 апреля у Преосвященного был христианин из Одо-вара, принес 10 красных яичек на Пасху, рассказал о семействе; оказалось, что один его сын 7-ми лет не крещен; он говорит, что священник отец Петр не хочет приезжать для него одного в Одовара и велел привести его, когда в церкви бывают крещения; но это как же может знать издали христианин? И вот мальчик до сих пор не крещен только по лености священника. Во время путешествия по церквам Преосвященный находил и много таких случаев; бывало даже, что так-то не крещенный и умирать успевал. Это Преосвященный рассказал в пояснение того, как опасно иногда бывает полагаться на японских священников. Конечно, это отчасти объясняется и тем, что еще не привыкли к церковной практике. Этот христианин приходил только затем, чтобы получить благословение у Преосвященного.

В «Japan Mail» пишут, что на годичном митинге церкви в Кумиаи было высказано, что поступок управлявших университетом в Досися весьма безнравствен, и удивительно-де, что такие люди пользуются вниманием и доверием правительства и общества. Очевидный вызов к народной и правительственной чести. Конечно, очень печален и совсем ни для кого не желателен случай с Досися; но можно сказать протестантам: снявши голову, по волосам не плачут. В той же газете много писали, что и постоянно в Досися было скверное и принципиальное раздвоение и преклонение колен пред Христом и пред Буддой; да и вообще ведь протестантство построено исключительно на европейских деньгах, а за это всегда можно иметь сколько угодно христиан, но уж лучше не иметь никаких. Это говорит английская же газета, и совершенно справедливо. К этому еще нужно сказать самое главное, что христианство только принижают и обезличивают протестанты: они все дело сводят лишь к нравственному учению, а догматическую сторону всю объявляют не важной. Японцы, сравнивая учение христианское с буддийским, находят, что первое выше второго, но и только: несравнимого, единственного, Божественного достоинства в нем не видно. А в результате — безразличие вероисповеданий и далее — потеря веры и не редко бывало, что даже замечательные проповедники протестантские становились в равное отношение и к христианству и к буддизму, а потом даже и совсем оставляли веру. В Великий Пяток приходил к Преосвященному один бонза, только чтобы повидаться с ним; и в беседе говорил и о богах и о Боге, усвоив от протестантов общую мысль о безразличии верований и только о сравнительном их превосходстве одного перед другим. Этот бонза льстиво наговорил епископу разных комплиментов, а как епископ заговорит о деле, так тот сейчас же в сторону.

На Великий Пяток на страстях первое Евангелие читал отец С. по японским знакам, и весьма прекрасно, даже, пожалуй, яснее, чем сами японские священники. Богослужение в последние дни поста совершалось очень хорошо; собирался и народ, хотя не очень много, так как, вероятно, многие и не знают об особенностях в богослужении этих дней; притом прежде, когда еще не было собора, служили в маленькой домовый при миссии церкви, где, конечно, могли помещаться одни почти только ученики и ученицы, так что христиане поневоле должны были уходить и потом отвыкнуть, а другие за ними — не привыкнув ходить в церковь; к тому же ведь наши христиане большей частью ремесленники, для которых дорог всякий день, почему они, кроме воскресенья, совсем с трудом могут приходиться в церковь. Однако на вынос плащаницы понабралось народу; собралось порядочно и любопытствующих соседних язычников. Погода была прекрасная, певчие пели прекрасно. Опасались мы, что Пасха будет очень неудачна, так как почти весь день в субботу лил дождь; но к вечеру все стихло, и дорога

для процессии просохла. Преосвященный, по обыкновению, сам облачил в новое облачение все престолы, а нас только пригласил посмотреть их; эти облачения шили в женской школе; облачения из белого шелка, расшитые золотом; весьма прекрасны. В старой домово́й церкви христиане устроили особые полки и расставляли свои пасхи и прочее подобное. Все это было приготовлено в разных и причудливых формах: например, большой корабль, наполненный крестикам, — все из кондитерских приготовлений; или: в окне повешен во все окно пряник, на нем написано по-японски «Христос воскресе», разрисованы разные украшения... Во всех комнатах миссии христиане располагаются на праздник (я переселился в комнату отца Сергия). В 8 часов мы исповедовались у Преосвященного. Перед этим я прочитал по-японски одну главу из книги Деяний Святых Апостолов; впрочем, в церкви пока еще мало было народу. А в миссии семинаристы говорили по очереди проповеди, испросивши заранее благословение у владыки. А потом Кавамото (инспектор семинарии) устроил туманные картины и рассказывал о Палестине (там он был два года назад, возвращаясь из России после академии). Народ с удовольствием слушает, хотя слушатели переменяются, так как и внимание, должно быть, ослабевает, да и ребята у некоторых засыпают и капризничают. Некоторые, впрочем, и спят с непривычки. А в церкви тоже помаленьку собрался народ и семинаристы читают Деяния Святых Апостолов.

Нам несколько раз надоедал бывший вчера у Преосвященного бонза; он просил даже позволения проповедовать ему под Пасху, что, конечно, разрешено не было. Все напрашивался на разговоры, хотя мы и говорили, что положительно времени нет, ибо готовимся. Он потом был и за богослужением и все время читал какую-то книжку — должно быть, свой молитвослов. Язычников набралось весьма много, хотя час был и не совсем удобный. Собор был великолепно освещен; на нас было белое шелковое облачение; народ тесной толпой наполнял собор, держа в руках возжженные свечи; певчие торжественно и прекрасно запели «Воскресение Твое Христе Спасе». Недоставало только одного — звона не было, так как в такое время можно всех перепугать. На первых порах существования собора нередко протестовали против нашего колокольного громкого звона. Таким образом, крестный ход мы совершали только при пении, как бы опасаясь своей громкой радостью преждевременно испугать еще спящий языческих мир. Но и этому Бог положит конец, как Он прочно и начал из ничего Свое дело православия в Японии. Как не радоваться сердцу всякого православного при виде этой почти двухтысячной толпы, радостно празднующей и возвещающей миру свою радость воскресения Христова? А уж о радости владыки нечего и говорить... Богослужение шло торжественно и чинно, при трех парах священников и двух диаконах; певчие все пели прекрасно; особенно важно пропели оба хора вместе «Ангел вопияше»; многие и из христиан с восторгом им подпевали. Особенная сила слышалась во всей этой радостной песни, вещаемой множеством верующих. В конце утрени мы похристосовались взаимно в алтаре, а потом вышли к народу; но подходили только преподаватели: у японцев нет обыкновения целоваться, даже и слова такого нет; при поцелуях они иногда даже слюну выпускают, ибо совсем не понимают этого действия для выражения радости и любви.

В половине 4-го часа богослужение кончилось. Мы с владыкой пошли освящать пасхи, а отец Сергий угощать гостей. Христиане устроили себе общее угощение в разных комнатах и скромно, но весело встречали праздник; среди них были и представители от провинциальных церквей, по очереди являющиеся на этот праздник сюда; были и гости язычники. А владыка все это время бегал среди христиан, совсем и не думая, чтобы разговеться и отдохнуть, хоть немножко. А потом все христиане приходили к нему христосоваться, и он всякому давал по яйцу; всех яиц раздал полторы тысячи; можно судить — сколько было всего народу в церкви. А потом постепенно стали приходиться к нему ученики и ученицы, и он всякому давал по 10 сен, то есть по 10 копеек; потом приходили учительницы, которым он давал по 50 сен, но это по

ошибке, ибо, говорит, прежде давал по 1 иене, или по рублю³. Потом подходили все работающие на миссию, кончая прислугой. Утром мы были в посольстве — похристосоваться с русскими, затем они к нам приезжали, потом вечерня, а потом опять приходили разные поздравители. И так весь день прошел для Преосвященного, так что он только часик, может быть, успел отдохнуть; но и устал действительно, в чем он даже и сам сознался, хотя прежде никогда не жаловался, чтобы он уставал когда-либо. На другой день после обедни у нас пели пасхальные песни наши школьники певчие, и мы им дали 15 иен; а потом пели певчие церкви в Коозимацци, которым мы дали 4 иены. А затем для всех христиан этой церкви было угощение. Вот и Пасха в японской церкви. Вот это уж очевидное проявление некоторого прочного церковного быта: теперь все серьезно сходятся на всеобщую христианскую радость среди окружающего мрака языческого. Наше дело — расширять в количестве и углублять в качестве дело, основание для которого положено прочное, без всяких примесей человеческого украшения. В таких празднествах ведь выражается самая сущность церковной жизни, а поэтому и участие в них — участие в церковной жизни, проявление церковного духа. Так, не шутка то, что создал здесь Бог руками Преосвященного нашего Николая. Голоса невегласов, что японцы не способны к принятию христианства искренно и серьезно, должны умолкнуть: это голоса большей частью таких, которые и сами-то едва ли серьезно думают о том, что они христиане; они большею частью считают себя выше (будто бы) предрассудка — быть в церкви в великие по крайней мере праздники, хотя находят обязательным непременно отдать праздничный визит с праздничной улыбкой на лице. А серьезный христианин никогда, вероятно, еще не говорил подобных вещей, да и не скажет. Вот и Пасха — апреля 5/17 1898 года.

В американском журнале «Mission Review» напечатан разговор одного американца с японскими пасторами о состоянии христианской миссии в Японии. Теперь началась некоторая реакция в этом отношении, пробудилось патриотическое чувство и забота о сохранении своих бытовых устоев жизни в противовес всем иностранным веяниям. Но это к лучшему, так как прежде принимали христианство как моду на все европейское, — следовательно, принимали его как часть европейской культуры, чтобы не отстать от света. А теперь, может быть, будет количество меньшее, но будут принимать христианство действительно желающие спасения во Христе. Вообще, это не охлаждение в смысле индифферентизма, а спокойное, разумное принятие христианства. На вопрос: кто выше по вдохновению — пророк Исаия или Шекспир, — пастор только и сказал: различие не количественное, а по самому свойству; но совсем не определено и с большим затруднением. Ну и батюшка.

Апреля 8/20. Владыка, отец Сергей и я в 9 часов утра поехали в Тонусава; это наше миссийское дачное место, в котором теперь по летам живут бесприютные ученики семинарии или ученицы женской школы. Погода была совсем летняя. Дорога после Йокохамы по железной дороге и потом от станции Коодзу по конке весьма живописная, горная, много напоминавшая мне Кавказ. Проезжали несколькими деревнями; крестьяне живут довольно опрятно, хотя и просто: на улицах то и дело совсем почти голые ребята, да и взрослые не совсем прикрыты. В каждой деревне, кажется, есть школа, и весьма многолюдная — по-видимому, до 300 детей. Непременно — гимнастика и игры. Местами крестьяне вскапывают киркой землю, залитую водой, почему все пространство представляет вид болота; это для посадки риса. Вспомнился мне наш русский мужичок, который нередко и лошадь-то лениво, кое-как вспахивает сухую землю. А здесь с величайшим усердием напускают на полосу воды, да еще под дождем и обрабатывают землю. В попутном селении Одовара у нас есть хорошая деревянная церковь, и христиан не мало. Через пять часов после Токио мы были в Тонусава. Это в горах и на горе; все построено бывшим здесь миссионером И. В-м. Здесь есть церковь, дом и еще несколько мелких построек для службы, все деревянное. Теперь все это весьма обветшало, так как непрактично

построено для сырого места: все фигуристое, вычурное и тому подобное. Теперь владыка думает церковь переделать в простой молитвенный дом. Перед обедом мы принимали ванну горячей горной целебной воды. Потом поднимались высоко на гору до ворот, по священной дороге, ведущей в древний буддийский храм. С горы прекрасный вид на горы и нижние деревни, только вид тесный между горами. Вечером часа четыре подряд мы гуляли в саду. Епископ рассказывал из истории нашей Церкви Японской. На катехизаторов наших он смотрит не как на лентяев, а просто как на не особенно талантливых; они весьма бывают рады, когда Бог поможет кого-либо привести ко крещению. Смотрит он и на ослабевших в вере как на рейтанов, то есть оставивших веру; они все могут все-таки возвратиться к Церкви, — и рассказал следующее. Во время путешествия по церквам, он несколько раз заходил в дом одного рейтана, но тот все бегал, и жена постоянно говорила, что только вышел (а жена не совсем ослабела). В конце концов он застал его и говорил; сначала тот принял весьма сурово, едва не выгнал, но владыка все-таки присел на улице при входе и говорил, что и он ведь сын Божий, что для его спасения Христос пострадал и, следовательно, как же он снова оставил то, что давно принял как самое дорогое сокровище. Все это, конечно, для всякого христианина известно, не пустые слова, поэтому постепенно и лицо этого рейтана умягчилось, и он сказал: «Да ведь, я не забыл веры, вот и икона у меня есть, а в церковь теперь не хожу, так как стыдно — что скажут»; и потом даже принял в дом и угощал, весьма сердечно выслушивая поучение, а потом все время, пока владыка был в той церкви, и он был в храме. Таким образом, нужно тщательно относиться ко всякому человеку и никого не вычеркивать из числа спасающихся, а всякого наставлять и возбуждать.

Апреля 9/21 мы поехали на станцию Коодзу, откуда и разъехались — владыка в Токио, а мы в Осака. Сразу же погода изменилась, начался холод и дождь. Ночью, хотя в вагоне было и не очень тесно, но от холода мы совсем не могли спокойно уснуть, так как у нас ничего не было, кроме самых летних подрясников да камлотовых верхних ряс: вперед наука при отправлении в путешествие далекое. В Осака нас встретил отец Сергей Судзуки со своим псаломщиком и повез нас в церковный дом. Прежде всего мы осмотрели дом; он весьма большой (в нем прежде была обширная гостиница, да еще к нему пристроили), но совсем испорчен невнимательностью хозяев: крышу попортило и время, и бывшая когда-то ужасная буря, и никому не пришло на мысль тотчас же как следует ее поправить; а теперь весь дом протекает, почему местами испорчены потолки, полы и стены. Тамошние христиане и особенно отец Сергей Судзуки толкуют о том, что у них церковь плохая, непредставительная, почему-де соседи — язычники посмотрят на нее, да и головой покачают, по церкви заключая и о христианстве. А между тем сами они на это дело всего только 400 иен обещают, хотя народ все богатый. Мы, посмотревши, нашли, что нет необходимости строить теперь же все новое здесь, так как и христиан всего около 200 налицо, да и настоящая постройка нуждается только в хорошем ремонте. А что язычники будто бы не принимают православия, так как у нас церковные постройки не представительные, то это, конечно, не основательно, и толку от таких христиан мало выйдет, если они будут христианами только потому, что внешность их поразит. Места для широких построек здесь очень много. Место прекрасное, в населенной, но не торговой части города; на горе, на берегу реки, прекрасный вид на город. Самый город — центр японской промышленности и торговли, всюду видны фабрики и заводы; народ все зажиточный и чистый. Пообедавши в европейском ресторане, мы немного отдохнули, так как в поезде не пришлось спать, а потом с 4-х часов пошли по домам христиан. До 7-ми часов обошли 9 домов; наутро апреля 11/23 мы с 8-ми до 5-ти часов обошли еще домов 16, да в воскресенье апреля 12/24 обошли 9 домов; некоторых не застали дома, некоторые живут очень далеко или одиночно среди фанатичного языческого семейства, почему мы к ним не ходили. Всех домов до 50. Конечно, всякие есть христиане среди них. Но в общем Осацкая церковь напоминает Токийскую церковь

отца Симеона: в доме все устроено по-христиански, даже непременно аналой, покрытый парчой; на нем подсвечник или перед божницей лампадка; на аналое же довольно истертые молитвослов и другие подобные книжки.

Во всяком доме я совершал краткую молитву с одной задравной ектеньей, для чего предварительно переписывал имена всех в семействе, чтобы, кстати, иметь для себя общий список всех христиан. Христиане принимали нас радушно; по-видимому, сердечно молились с нами, внимательно выслушивали наши разные наставления. Есть очень ревностные христиане, постоянно посещающие церковь и ежегодно причащающиеся; но есть и очень изленившиеся и поотвыкшие от церкви, и таких больше, так что даже на Пасху было в церкви всего только 100 человек. Очевидно, в общем церковь порядочно спит, — может быть, потому, что предыдущий священник отец Иоанн Оно был человек совсем больной, страдавший ужасным геморроем с разными осложнениями, так что, может быть, не всегда и служил литургию; а теперешний отец Сергей хотя человек очень хороший, высоконравственный и старающийся, но очень смиренный и стеснительный; почему он, может быть, и не совсем подходит для таких бывалых людей, как наши христиане Осацкие — богатые купцы и ремесленники. Он, может быть, для них является несколько скучным. А катехизаторы — один с больной головой, а другой довольно спокойный и не особенно подвижный. Впрочем, катехизаторы не лентяи, а только не совсем умелые люди: один имел многих слушателей, да только очень долго их наставлял, да и не особенно интересно, так что некоторые, не успевши прослушать всего курса, успели переселиться уже в другие места для дела, а некоторые ушли от катехизации, так как, очевидно, не сумел их заинтересовать катехизатор. Под Фомино воскресенье я совершал бдение, сам говорил и ектеньи по русским запискам, причем немало ломал слова и перевирал, так как это в первый раз; а литургию мы совершали втроем: отец А. С-ий, я и отец Сергей Судзуки, диакона здесь нет; мы были без крестов, так как их и не взяли. Христиан собралось человек 30—35, кроме детей; на клиросе поют любители из христианок и несколько мужчин, всех человек 10, иногда разъезжаются все врозь очень сильно: поют и в один, и в два, и в четыре голоса; еще не привыкли. Но вообще здешние христиане приучены петь и в церкви, и в домашней молитве: во время нашего путешествия по их домам они непременно помогали нам в пении, хоть и сильно ввали, чего, конечно, они и не замечают, так как вообще слух у японцев не особенно хороший. После литургии отец А. С-ий, когда христиане приложились ко кресту, сказал поучение; сначала одобрил, что некоторые из христиан побросали всякую работу и пришли в церковь; но потом из малочисленности этого собрания заключил о сравнительной холодности и сонливости здешних христиан, почему и посоветовал всем постараться воспрянуть духом и ревностно приняться за общее церковное дело, что подобно жизни нашего организма, в котором при бездействии одного члена — вред для всего тела и бесплодная работа другого члена; поэтому и христиане своим усердием в общем церковном деле должны помогать священнику и катехизаторам.

А жалоба некоторых на убожество храма не основательна и не разумна: храм совсем не плохой, да и очень обширный, а главное: у преподобного Сергия Радонежского в обители сначала не было ни масла, ни свеч и тому подобного и, однако, монахи, засветивши лучину, горячие молитвы возносили к Богу. Преподобный Сергей теперь святой, да и его ученики святые, а обитель его теперь обширнейшая и богатейшая. Дело не во внешнем, а во внутреннем, в сердечной молитве. Итак, сообща нужно всем воспрянуть и ревностно приняться за общее церковное дело.

Потом мы пошли к христианам, собравшимся в особой комнате за обычным чаепитием. Отец А. С-ий тоже немного поговорил им кой о чем; а потом христиане пригласили нас на их обед в гостиницу и там действительно устроили прекрасный европейский обед; кроме троих нас были пять человек христиан. Вечером с 7-ми часов была вечерня и утреня, а утром тоже с 7-ми

часов литургия заупокойная (в Японии введен у нас, православных, обычай — в понедельник после Пасхи поминать всех усопших); совершал отец Сергей Судзуки, а на панихиду выходили и мы. Потом отправились на кладбище далеко-далеко; собрались и христиане, но не многие, так как и могил-то здесь только до 60, из них многие родственников давно отсюда переселившихся в другие места христиан; но наши христиане знают все могилы христианские, называя имена умерших, почему мы отслужили общие три литии в разных местах, распростились с христианами, которые нас радушно принимали и провожали. Дома мы уговорились с подрядчиками о ремонте квартиры миссионера и тому подобном, всего иен за 20, и уехали в Киото. Когда поправят квартиру, я приеду сюда жить: это полезно мне и для языка, да и за дело помаленьку я здесь примусь. Я заказал переправить хорошенько крышу и побелить мою квартиру. Через неделю обещали сделать, но, вероятно, затянут.

Апреля 13/25 в 5 часов вечера мы приехали в Киото в церковный дом к отцу Симеону Мию; он кандидат Киевской академии и уже лет 5 там священствует. Место церковное недавно куплено, и не дорого; прекрасный двухэтажный японский дом; вверху простая домашняя церковь, конечно без иконостаса, только с несколькими иконами; алтарь отделен завесой; внизу живет отец Симеон; у него трое детей и жена, очень приветливая для христиан, которые ее, кажется, уважают и любят, сколько мы заметили; да она и нас приняла весьма гостеприимно, как у нас на Руси; двор очень обширный, только для постройки отдельного храма несколько не удобен, так как между другими постройками храм будет как будто сдавлен и не заметен; впрочем, кажется, можно прикупить еще соседнее место. Здесь в Киото прежде жил отец А. С-ий; и поэтому христиане, обрадовавшись его приезду, мало-помалу приходили сюда. Христиане все очень хорошие, благочестивые, к церкви усердные. Около нас их набралось довольно порядочно; отец С-ий рассказывал им об Иерусалиме, Риме и тому подобное, они все с большим вниманием слушали и только около 10 часов все ушли. Тут случилась некоторая беда: поднимаясь с полу, я задел головою висевшую надо мной лампу, уронил ее на пол, она разбилась и керосин тотчас загорелся на ковре, а отец Симеон стал еще задувать его, но мы скоро забросали огонь фтонами, или подушками для сиденья на полу; все-таки беды я наделал. А ночью лопнула от сильного раскаления лампадка перед иконой. Неприятное впечатление.

Наутро апреля 14/26 мы ходили по домам христиан; всех домов до 15, а христиан до 50 или побольше; помаленьку начинают принимать христианство и коренные Киотоские жители, чего прежде не было, так как Киото — центр фанатизма языческого; прежде здесь были христиане, только переселившиеся сюда из других мест. Но Бог даст — постепенно средостение разрушится. Здесь молитву совершал отец С-ий. Христиане принимали нас любовно, с радостью и даже почти все угощали. Для отца С-ия это все почти родная паства, некоторых он прежде крестил или приучал к церкви, почему некоторые тут и говорили, что они не забудут его для них дела. Отец Симеон, кажется, трудится: он знает дома всех своих христиан, разбросанных по всем концам громадного города, — значит, часто посещает их. Трудится и катехизатор Афанасий Такай, брат Токийского катехизатора Антония Такая, только много живее того. Помогает им прежде бывший катехизатором, потом по болезни оставивший это дело и теперь состоящий чиновником, один молодой человек. Только напрасно они сильно интересуются русским языком, и даже вывеску сделали «Русская школа»; но едва ли будут хорошими христианами принимающие христианство только из желания научиться русскому языку. Впрочем, если воля Божия да искренность у проповедников будет, то и через это дело может пойти хорошее. По дороге видели пресловутый университет «Досия»; весьма обширное место, на несколько кварталов, постройки прекрасные, учащих много, но верующих, по словам отца Симеона, не много. Он говорит, что в этом деле сказался протестантизм, учащий одной нравственной системе христианства без всякой строгой догматической основы.

В Киото мы приехали как раз в праздник в честь Хидейоси, знаменитого в древности князя. Народом переполнен весь город, это все богомольцы на праздник; буддийские храмы громадные и богатейшие; движение в них такое же, как в наших Лаврах в торжественные лаврские праздники. Весь город разукрашен в продолжение всего месяца. Да, действительно Киото — центр язычества; буддийские и синтоистские храмы и старые-то обширнейшие и богатейшие, да еще вновь постоянно строят еще обширнее и богаче; на конце города построили синтоистский храм пятиглавый даже, почему мы заметили, что он когда-либо будет православным храмом. И ведь это большею частью строят на пожертвования, по крайней мере буддийские храмы (синтоизм — религия государственная и пользуется покровительством правительства, а буддизм нет). Дай Бог нам завести здесь основательное дело миссии, хоть и медленно. Здесь, очевидно, религиозный дух силен, а поэтому и не скоро принимает чужую веру; но чем больше борьбы, тем больше силы и искренности в принятии христианства и прочности в этом деле. Распростившись с добрыми хозяевами, мы поехали к трем часам на поезд; там собрались некоторые из христиан провожать нас. Поезд был битком переполнен. Ночь спать пришлось очень плохо. Поезд на час опоздал. В половине 11-го часа апреля 15/27 мы были на Саругадае в миссии. Из этого первого путешествия по церквам я вынес очень отрадное впечатление. Мне оно напомнило мое прошлогоднее весеннее путешествие по школам в Осетии, где я видел стремление народа к свету христианскому и искреннее к нему всех отношение. Наше дело здесь не быстро, но прочно идет вперед: основа положена хорошая, дай Бог нам это дело продолжить.

Апреля 19/1 мая воскресенье. За литургией народу было очень много: душа радуется. Много язычников. Владыка заболел, должно быть простудился, и проболел дня 3—4. Вообще он как-то больше стал поддаваться разным влияниям простуды или усталости: очевидно, стареет. Дай Бог ему еще здоровья на много лет. За это время накопилось писем до 60 с разных концов от катехизаторов, священников и христиан. Некоторые письма с сажень длиной на свертках. Из Вакаяма катехизатор Фома Танака пишет, что католический катехизатор начал подбираться к нашим христианам и совращать их в католичество, так как-де из русской веры легче обратить, чем из буддизма. Фома узнал об этом и сказал католическому катехизатору: чем соблазнять христиан, лучше мы поговорим о вере, для чего устроим собрание. Тот спросил своих патеров, которые не позволили вступать в спор. Тогда Фома стал усовещивать, что-де, очевидно, вы боитесь открыто показать свою веру и желаете держать во тьме своих христиан. Это заставило католиков согласиться на спор, для чего они вызвали из Киото самого лучшего катехизатора, так как сами патеры — французы, по-японски не вполне говорят, а их катехизатор в Вакаяма не вполне надежен на открытое состязание. В назначенный день собрались и православные и католики; но так как Киотоский катехизатор замедлил (может быть, нарочно это и устроено было), то спор начал местный катехизатор и изложил подробно все свое учение католическое; излагал долго, никем не прерываемый. В это время входит и Киотоский катехизатор; но Танака начал уже свой ответ в опровержение католичества: Апостол Петр в Риме был очень недолго, а не 30 лет, как говорят католики; в 58 приблизительно году написал Апостол Павел послание к Римлянам, но нет совершенно даже никакого намека на то, чтобы там был в это время Апостол Петр. На Иерусалимском Соборе весь вопрос решил главным образом Апостол Иаков. А что Апостол Петр постоянно говорит и делает первый, так, конечно, во всяком обществе кто-нибудь один начинает; а Апостол Петр именно потому, что он был горячее всех, Ключи и власть вязать и решить даны Апостолу Петру, но даны и другим Апостолам. А что Римский архиерей — преемник первенства и власти Апостола Петра потому, что сей умер в Риме, тоже не основательно: если бы японский Император, путешествуя по царству, умер в каком-либо городе, то разве губернатор этого города был бы только поэтому законным наследником Царской власти? — А почему вы мирян причащаете только под одним видом Тела Христова? — Ответ:

для удобства. — А между тем Христос ясно сказал о причащении и Тела и Крови для жизни вечной; значит, вы только для своего удобства лишаете христиан источника истинной жизни и искажаете Писание. — Католический катехизатор: вы приводите все тексты по греческой да по славянской Библии, а они там искажены, в латинской Библии не так. — Фома: покажите мне латинскую Библию. — Мы не взяли. — Да вы понимаете ли латинский язык? — Латинский катехизатор: — нет. — Так что же вы держите во тьме своих христиан? и прочее. Если можете и желаете, то отвечайте еще на мои возражения, я подробно показал вам, что истины у вас нет; вы называете нашу веру Русскою, а у греков-де не так все это; я вам показал, что эта вера не русская, а стоит на Писании и Предании, вся история Церкви ее доказывает. — Католики что-то начали шуметь, очевидно рассердившись и будучи не в состоянии отвечать. А Фома: что же вы сердитесь? Я не сердясь вам говорю, а только для выяснения истины; я говорю потому, что имею настоящую истину, несомненную. После некоторого шума все разошлись. Наши христиане были очень довольны и написали владыке письмо, в котором выражают радость, что теперь-де католики к ним не будут больше приставать. Когда я об этом рассказывал диакону Стефану Кугимии, то он мне рассказывал, что католики и Богородицу одели в японское женское кимоно (статую Богородицы), а на вопрос: зачем это? — они не могли ничего сказать, равно не могли никак объяснить ему католического обычая — при входе в храм водой мазать себе лоб. А в Китае, говорят, они и Христа изображают в виде китайца с косою; это все из их стремления приноровляться к местным условиям, чтобы свободнее распространять христианство, а в результате — полный индифферентизм.

Из Окаяма священник Игнатий Мукояма в послепраздничном письме, между прочим, совершенно случайно и спокойно рассказывает. В Цуяма есть хороший благочестивый христианин Фукасе Иоанн и жена его Ирина, весьма потрудившиеся при покупке для церкви хорошего места в Киото. Он на Страстной неделе заболел, так сильно, что и доктора ничего не помогали (человек он очень достаточный — торговец); предполагая, что ему, очевидно, в церкви на Пасху не быть, он пожелал хоть исповедаться и причаститься теперь; но священник, занятый делом, совершенно не мог к нему приехать; Ирина все-таки пошла в церковь в Окаяма на Пасху, но после службы поторопилась скорее ухаживать за больным мужем, да и сама слегла, так что оба лежали даже без всякой пищи и помощи. Тут они непременно пожелали причаститься, но отец Игнатий был в приходе, почему телеграмма его уж там нашла, и он числа 19—20 приехал к больным, исповедал и причастил их; и вот тут случилось совершенное чудо: оба они встали после причастия сразу, как совершенно здоровые, а 21 апреля Иоанн уже занимался своими делами. Теперь они оба ходят и хвалят Бога за Его к ним милость. И важно особенно то, что наши христиане не смотрят особенно изумленно на все подобные случаи, а их, по рассказам владыки, весьма много; они просто верят, сказано: просите и дастся вам, — значит, и нужно так несомненно верить и дано будет; а если не дано, значит, не просил или не так, как нужно просил. Это показывает, что веры много, и самой простой и живой, детской. Дай Бог, чтобы это еще более окрепло и обнаруживалось на славу имени Божия.

В русских газетах и журналах, а потом даже и в католическом журнале, рассказывается о только что бывшем под 8/20 марта нынешнего года чуде в городе Курске. Там есть чудотворная икона Знамения Божией Матери; какие-то злоумышленники или, лучше сказать, святотатцы подбросили тайную мину в храм, в котором была икона; все было действительно взорвано в храме, но икона Богородицы найдена совершенно нетронутою, как будто только она и стояла на другом совсем месте, далеко от беды; очевидно, желания обокрасть не было, а было совсем иное желание — именно надругаться над всеми чествуемой святыней. Преосвященный Ювеналий немедленно служил молебен, народу на который собралась масса; во время молебна, особенно когда владыка осенял народ иконой, все почти проливали слезы и громко со слезами взывали:

«Пресвятая Богородица, спаси нас». По всей России, по получении известия об этом новом знамении силы Божией, служили усердные моления. Как Бог-то милостив: не наказал злодея тут же при его злоумышлении, а явил Свою силу иным образом, чтобы хоть этим обратить грешника от заблуждения пути его; зато если сей и таким знамением не будет умягчен, то уж совершенно безответен будет на суде, ибо употреблены были для него все меры, показано полное милосердие и забота, но он и этому не внял.

Апреля 27/9 мая я с владыкой отправился до Осака, чтобы там поселиться по крайней мере на лето для окончательного изучения разговорного языка. Токийское духовенство меня провожало весьма сочувственно и как бы радуясь, что и я, Бог даст, выступлю на дело проповеди там. А мой учитель диакон Кугимия даже на вокзал приходил, хотя погода была весьма худая — лил дождь. В вагоне ехали вместе с корейским эмигрантом Букоико; он царской корейской крови и был видным министром в своем Отечестве. Но, недовольный тамошним настоящим правительством, он пристал к партии возмущающихся и с ними перерезал многих тогдашних министров, так что вся комната наполнилась кровью. Это было 14 лет тому назад. Так как перерезанные были родственниками королевы, то ему пришлось бежать из Отечества. А королева и держала все правление в руках, тогда как король весьма слаб и сквозь пальцы смотрит на все. Одна только беда за ней: она к высшим местам проводила своих родственников корейцев, а они почти постоянно всем этим злоупотребляли и возмущали народ. Он бежал сюда в Японию, и японцы его содержат до сих пор на свой счет. Но из Кореи подсланы были люди убить его здесь, только не нашли его, а он опять должен был бежать, и бежал в Америку. А так как он очень видной фамилии, то родственники его постепенно опять устроили дело так, что его опять пригласили возвратиться, и он опять сделался министром. Но тут опять не поладил с королевой и бежал в Японию. В это время убили королеву японцы; но он не замешан в это дело нисколько и говорит, что не сочувствует японцам и никакой революции в государстве не желает, только стоит за благо Отечества. В Японии корейцев беглецов весьма много, и они все не любят японцев, по его словам. Хочется ему побывать в России, только боится японцев, чтобы они не заподозрили его сочувствующим больше России, чем Японии. Спрашивает, и прежде спрашивал (он давно уже знаком с владыкой), — почему нет наших миссионеров в Корее; владыка сказал, что теперь, кажется, скоро будут. Жалуется, что нечего делать; владыка посоветовал ему описать свою судьбу подробно, что весьма будет полезно для его Отечества.

В Осака приехали около 8 часов утра; встретили отец Сергей Судзуки и катехизатор. Попивши наскоро чаю, мы весь день потом до 3-х часов подробно осматривали церковный дом и решили, что теперь пока еще не стоит строить совсем новый дом и церковь, так как и этот хорош, а христиан-то не много; нужно только непременно ремонтировать хорошенько все, и тогда достаточно будет лет на 5 еще. Позвали плотников, кровельщика и штукатура и сдали им все основательно ремонтировать в общем приблизительно на 600 почти иен, с тем чтобы они завтра же начали и до нюубая, или весеннего месячного ненастья, кончили. Владыка хотел тотчас же и уехать, но мы его удержали до утра. Вечером мы толковали о том, чтобы завести здесь катехизаторскую школу: теперь японцы всюду просят у нас катехизаторов (это язычники), а у нас их нет; вот и хорошо бы здесь собрать южан — людей бодрых, горячих. Как раз подошел тут один здешний молодой, но весьма ревностный христианин Андрей; он бедный, но содержит мать старуху; в церковь ходит постоянно и непременно встает на клирос. Очень хороший христианин. Я и в первую сюда поездку обратил на него внимание и хотел его помаленьку приучить к церковному делу; я так и отрекомендовал его владыке, что постоянно-де поет на клиросе за службой. Владыка завел с ним разговор и, узнавши, что человек он очень хороший, начал побуждать его взяться за проповедь слова Божия, для чего предварительно нужно поучиться в катехизаторской школе. Он высказывал свои колебания, что старая мать на руках и

ее нельзя оставить. Владыка говорил, что она немного подождет, а потом пойдет жалованье и дело Бог благословит. А дело-то какое? Ведь ничто с ним не может сравниться по высоте. Советовал ему все обдумать серьезно, если сердце любит это дело, посоветоваться с матерью, а главное — помолиться Богу усердно. После его ухода владыка еще больше и воодушевленное толковал о необходимости открыть здесь школу, и мы решили: если будет хоть 5 человек, то откроем после лета и здесь школу, а если меньше того, то учеников отправим в Токио. А отец Сергей Судзуки отправит письмо всем священникам юга Японии, чтобы указали хороших кандидатов в школу. Дай Бог, чтобы это дело действительно удалось завести и вести его прекрасно, чтобы из школы выходили настоящие ревностные проповедники христианства, отвечающие теперешнему горячему желанию японцев — слушать проповедь о Христе.

Когда все уже ушли, мы с владыкой еще долго разговаривали по поводу этого. Он советовал мне постепенно знакомиться со здешними англиканскими миссионерами; говорил, что они вообще люди очень хорошие и общительные; советовал мало-помалу знакомиться и с бонзами, так как из их среды можно приобретать очень хорошие силы в христианство и для проповеди. Говорил, что катехизаторы наши все по-своему трудятся и желают трудиться, но нет среди них таких, чтобы сами все начинали: они большей частью идут по течению и пользуются благоприятными для проповеди обстоятельствами. А вполне самостоятельных людей среди них действительно мало. На днях один катехизатор, прежде в катехизаторской школе весьма плохо учившийся, прислал владыке письмо, в котором говорит, что так как на маленьком жалованье в 8—12 иен катехизаторам очень трудно, то для пользы дела хорошо бы сократить их количество и увеличить жалованье, а потом — весьма полезно было бы, чтобы лекции преподавателей нашей семинарии литографировать и рассылать катехизаторам, так как большинство из них учились, когда еще не было преподавателей — академиков, а остальные после школы редко имеют что-либо под руками для продолжения и возобновления полученных познаний. Относительно первого все они давно кричат одно и то же и даже на соборах много раз предлагали такую меру; но это, конечно, не практично, так как и вообще катехизаторов мало: всюду их требуют и язычники, а послать совсем некого. Второе — очень разумное дело по мысли, но на деле едва ли много полезно, так как едва ли наши преподаватели читают своим слушателям что-либо особенно выдающееся и основательное, а, вероятно за немногими исключениями, делают краткую и не совсем исправную компиляцию из полученных ими обрывков русской науки. Владыка написал катехизатору — представить все это на собор своим проектом, а дело покажет. Относительно денег всегда был один ответ: больше выдаваемого денег нет, нужно теперь, чтобы сама Японская Церковь уделяла от себя на содержание своих учителей. Владыка советовал мне поскорее съездить в Кобе и побывать у тамошних христиан. Я взял из Токио ящик с сосудами и антимином, чтобы можно было или мне, или отцу Сергию Судзуки уезжать в провинцию послужить литургию. Владыка просил чаще писать или ему самому, или отцу А. С-ию. А в случае большой скуки советовал приезжать в Токио на некоторое время, чтобы в общении разгонять эту скуку.

Апреля 29/11 мая около 8-ми часов утра мы все провожали владыку на вокзал; всех провожавших было человек до 10, только христиан не было, так как они и не знали об этом, а были только живущие в церковном доме. Владыка проехал в Киото, так как он там не видел еще нового купленного места для церкви, а потом проедет в Нагоя и там, вероятно, переночует, чтобы 30 апреля возвратиться в Токио.

Проводя его, я с отцом Сергием до самого обеда ходил по городу и покупал разные разности, необходимые для хозяйства. Накупил много и на много.

Итак, я начинаю самостоятельную жизнь в Японии, призванный на дело проповеди христианства. Дай Бог, чтобы и мои благие намерения действительно Бог помог мне исполнить

на деле, а для этого, чтобы мне самому решительно и живо веровать только в единую во всем силу — силу благодати Христа Царя Небесного. Он Сам даже с неба пришел единственно ради спасения Своей непокорной и злоху-дожной твари от греха; Он всем пожертвовал ради этого спасения и действительно ценою Своей крови нас искупил от греха, чтобы быть нам с Ним вместе в раю вечном, как Его ученикам и послушным детям. А если такую дорогою ценою мы куплены, то как же нам и не дорожить всем этим делом и не стараться всеми силами привести его в действительную силу, чтобы нам и всем другим действительно и сердечно познать и жить ею во всей своей жизни? Вот наша цель жизненная, с которою ничто другое не может сравниться по высоте и вечности и единственности: это — спасение всех людей верою и жизнью во Христе Спасителе. Да и как же может быть иначе? Если только указ земного царя читают, то все непременно выслушивают внимательно и стараются потом как можно исправнее все это выслушанное привести в дело, ибо в противном случае окажутся преслушавши-ми царскую власть и противниками царя своего. А христианство вещает волю Самого царя Небесного, во власти которого все и небесное и земное. И это есть последняя и спасительная о нас воля Божия. Поэтому как же ее не вещать всем, кому возможно? А возможно, конечно, всем. Ведь это истинный свет, никогда не заходящий и не ослабевающий. Если даже при свете небесного солнца — создания творца — нелепо закрыть глаза, чтобы не видеть этого света и не пользоваться его прекрасным видом и великой живительной силой, то что сказать, если бы мы стали закрывать глаза перед великим светом, который истекает от солнца правды — Христа? Но так как есть люди, которые даже и обыкновенного солнца света не понимают или не умеют ценить, а некоторые и не видали его никогда, то тем более есть подобные относительно солнца правды. Поэтому и нужно стараться, чтобы как можно меньше было людей, которые не знали бы об этом свете, чтобы хоть малая часть из них действительно жила при свете Его и входила в жизнь вечную. Для этого и было и есть все домостроительство нашего спасения от Бога, для этого Христос и сказал Свою последнюю заповедь, чтобы Его ученики шли на проповедь о Нем всему миру. К этому-то делу в последок дней сих Он и нас призвал Своею благодатью, чтобы и мы, грешные, хоть немного потрудились на Его святой ниве. Дал бы Бог такую же сильную ревность о сем деле, какая есть у нашего владыки Николая. Дай Бог, чтобы я воодушевленно, искренно, постоянно делал порученное мне и от Него, и от людей дело проповеди, чтобы я силен был и других восставлять на то же дело, чтобы это общее дело Церкви действительно было общим делом всех верующих, исполненных единой святой цели в жизни.

1898 год, 13 мая. Господи, благослови мое второе начинание на японской почве. Третьего дня после обеда приходил здешний христианин Павел Кавагуци; он прежде был катехизатором в Нагоя, но оставил это дело и занимается торговлей — перепродает американские товары здесь. Теперь он человек довольно зажиточный, кажется. В бытность катехизатором он заваливал Преосвященного письмами, в которых излагал свои разные проекты о том, как бы нужно вести церковное дело; Преосвященный советовал ему вместо этого заниматься поисправнее своим делом; а он действительно в этом отношении поленивался и, очевидно, больше любил говорить, а наедине мечтать о своем деле, чем усердно и умело делать его. Подошел и отец Сергей Судзуки, и у нас постепенно завязалась беседа о разных церковных вопросах. Мы просили Кавагуци усердно помогать нам в отыскании хороших учеников для предполагаемой нами катехизаторской школы, ведь он сугубо призван к этому, так как Церковь дала ему даровое образование, желая иметь его своим слугою. Он очень обрадовался этому предложению о школе. Потом я долго рассказывал об отце Иоанне Кронштадтском, а по поводу этого и вообще много говорил о внутренней силе Православной Церкви, о чем постоянно говорит и отец Иоанн, как всецело живущий и крепнувший этой силой; говорил, что никакая другая сила не может сравниться с нею; приводил самые обычные примеры для этого, как после какого-нибудь малого доброго дела или хорошей мысли или теплой молитвы у нас на сердце оживает совсем иное, отличное от обычного, настроение, которое надолго желалось бы иметь, так как оно дает нам какую-то особенную жизнь, высокую и возвышающую, с чем ничто для нас не может сравниться. А ведь это и есть часть того, что дает нам, если мы принимаем, Святая Церковь. Говорил, что нужно как можно больше людей посвятить в эту тайну нашей Церкви, чтобы как можно больше было спасающихся. С этим делом по высоте может ли что сравниться? И теперь японцы весьма желают слушать проповедь о Христе и отовсюду просят у нас проповедников, но мы их не имеем. Хотел было я рассказать о споре с католиками Вакайамасского катехизатора Фомы и о его победе, а также о случае исцеления после причащения Фукасе мужа и жены в Цуяма (об этом рассказано прежде немного), но, оказывается, о том и о другом он уже знает. Вся моя речь была для обоих их понятна; они говорили, что это будет понятно и для остальных верующих, и просили как-нибудь рассказать. А я со своей стороны подогревал отца Сергия прочитать книжку об отце Иоанне и Дневник его (у меня есть) и сделать краткий перевод выдержек из той и другой; это будет весьма полезно не только для христиан, а и для язычников, так как даже маленькая книжка отца Павла Сато читалась и язычниками с большим интересом; а тем более рассказ об отце Иоанне как живом свидетеле и доказательстве силы истинной веры. Отец Сергей прежде был переводчиком при миссии и русский язык понимает, даже немного и говорить еще может. Дай Бог, чтобы эта затея удалась нам.

Теперь идет основательный ремонт дома; мастера обещают кончить работу к нюубаю; не знаю, успеют ли. В своей квартире я теперь совсем устроился. С понедельника, то есть с 4/16 мая придет учитель японского языка Павел Исогаи, с которым прежде занимался отец архимандрит С-ий; я даю ему по его условию 12 иен в месяц; жить он будет в нашем церковном доме. Теперь недостает только повара, который должен быть вместе и слугой; пока теперь стол беру из гостиницы, но весьма дешево: в три-четыре перемены очень сытный обед всего 30—35 сен. Слугу скоро обещали найти. Ежедневно читаю Библию, жития святых дня, отправляю с сокращениями ежедневно службу, кроме литургии (только у себя в квартире), смотрю за постройкой, повторяю китайские буквы, которые за это время позабыл.

Мая 3. Погода стоит переменная: то дождь, то ветер, а вообще сравнительно холодно, и я особенно ночью весьма прозябаю. Работа двигается вперед.

К христианам я намеренно не ходил, чтобы видеть, придут ли они сами ко мне, так как я уже был у них в первый приезд, а кроме того, они знают о теперешнем моем приезде. Под воскресенье — 3/15 мая — бдение совершал отец Сергей, а литургию мы совершали вдвоем. Христиан взрослых собралось человек около 15 — очень мало. Очень печально. С печальным сердцем вышел я к христианам на обычное их чаепитие после литургии. Говорить не было, по правде сказать, никакой охоты; и я только и принудил себя заметить, что очень мало собралось христиан; просил их взаимно поддерживать и побуждать друг друга к Церкви, так как для нас Церковь и молитва — все одно что воздух или для рыбы вода. Проговоривши это, я и ушел к себе, и даже чаю пить не хотелось. После обеда приходили двое христиан; я им поговорил о сегодняшнем чтении из Деяний (в Анти-охии в первый раз христиане стали назваться этим именем) и евангельском — о беседе Христа с Самарянкой о живой воде, то есть о вере, которую и получила она, а потом была страшно замучена Нероном (святая мученица Фотиния). Рассказывал о Риме и катакомбах, о согласной жизни первых христиан, почему они и представляли из себя силу, с которой ничто не могло бороться. Для нас теперь нет ни гонений, ни подобного, поэтому нам одно только и остается — сохранять и в сердце, и в жизни веру. Поэтому друг друга будем взаимно побуждать.

3/15 мая вечером в 9 часов я писал Преосвященному в Токио письмо, а после пяти часов я с Фудзии катехизатором ходил к христианам. Не торопясь, до 9-ти часов мы обошли три дома⁴. Я говорил о жизни первых христиан древних, о молитве, которая для нас что воздух или для рыбы вода, — через которую мы ближе к Богу, как через беседу или письмо ближе к человеку; советовал постепенно в обычных разговорах с язычниками заводить речь и о христианстве, вместо обычных судов да пересудов; а для этого не соблазнять, а привлекать их к христианству и своею жизнью; и взаимно друг друга поддерживать и побуждать к делу Церкви; немножко упоминал об отце Иоанне Кронштадтском. Жалуются, что не имеют-де горячей веры, а потому как-де другим ее будут предлагать. Я говорил, что это такое дело, которое если не начнешь, то никогда и иметь не будешь. Конечно, оно трудное, но зато самое главное, для которого все; советовал повнимательнее читать Евангелие, в котором слово не человека, а Бога, и мне тут же одна христианка рассказала о том, как постепенно она пришла к христианству, начавши читать Евангелие. Вообще, беседа везде была очень живая и как будто выслушивали везде с большим интересом. Я, конечно, спрашивал — понимают ли мою речь? Го — ворят, что понимают, да об этом я сужу и из их ответов или вопросов по поводу моих слов. Вот первый мой выход. Завтра, если не уеду в Кобе, то вечером опять пойду к христианам; вечером они все-таки свободны. Завтра начинаем занятия с Исогаем.

Андрей Мориока, с которым мы беседовали о катехизаторской школе, советовался с матерью. Она согласна, только на следующий год, так как после мужа остался долг, который Андрей теперь и выплачивает помаленьку, получая из полиции иен 12—15. Он и сегодня с Накано Мелетием приходил ко мне и весьма умилился, когда я своим ломаным языком рассказывал о Самарянке, потом бывшей мученицей Фотинии, и о катакомбах. Здешние с радостью слышат мысль завести и здесь школу, о чем им говорит отец Сергей. Мы, конечно, их призываем к помощи в этом деле.

4/16 мая сию вечер дома, так как и отец Сергей, и катехизатор ушли к христианам. И то хорошо. Очевидно, и у них появилось желание приняться за это важное дело. Дай Бог. Сегодня начал заниматься по-японски с новым учителем Павлом Исогаем.

Мая 5/17 я с 7-ми часов утра поехал в Кобе. Поезд идет только час времени. Накануне отец Сергей послал тамошнему катехизатору Варнаве Симидзу письмо, чтобы он меня встретил. Но

хотя было уже 9 часов, когда я, долго проплутавши под дождем по городу, вошел в квартиру, Варнава еще спал. У него гостит катехизатор Иаков Атаци из Химейдзи и Какогава. Я сделал поэтому поводу некоторое замечание, что если мы так и всегда будем спать, то проспим все наше дело. Оба они весьма стеснялись, что я их обрел спящими. Тотчас же я на дзинрикия, так как лил дождь, с Варнавой поехал по домам христиан и везде совершал краткое пасхальное молитвословие. Всех христианских домов в Кобе 11; среди них есть такие, что только жены православные, а остальные или язычники, или протестанты (всего пять домов). Катехизатор говорил, что в церковь на молитву они весьма неисправно собираются; я и говорил о значении для нас молитвы как средства возвыситься к Богу; в этом отношении она есть то же для нашего духа, что воздух или пища для тела или вода для рыбы. Поэтому без молитвы мы постепенно от Бога уходим, а это то же, что уходить от света в тьму. Говорил о жизни древних христиан, которые и среди гонений крепко содержали веру, спасаясь в катакомбах. Говорил о силе веры, совершающей чудеса и для тела и для духа, и указывал кратко на отца Иоанна Кронштадтского, за которым бегают толпы, чтобы только хоть благословение получить или прикоснуться к его платью. Указывал и на чудо исцеления в Цуяма Иоанна Фукасе после причащения. Просил всех помогать нам в деле проповеди — искать людей для слушания учения, а для этого в обыкновенных разговорах мало-помалу говорить и о христианстве. Я при этом говорил о важности и единственности того дела спасения, ради которого Христос крест претерпел. С этим делом ничто не может сравняться.

В доме, где только хозяйка православная, а прочие протестанты, я говорил о важности и значении икон, — как мысли мы выражаем словами или друга своего имеем портрет, так икона помогает нам ближе быть к Богу, представить Его, для нас Невидимого. А так как мы из тела и души, то для нас иконы и все внешнее в православии совершенно необходимо. А у Фудзии Манефы, муж которой слушает протестантов, я говорил о том, что теперь англиканская Церковь ищет единения с православием, сознавая свои ошибки и правильность православия. Кимура Иосиф прежде был помощником катехизатора; я его и теперь призывал к тому же, так как этим мы делаем дело Божие. К моему удивлению, мою речь почти везде понимали хорошо и весьма радовались моему неожиданному прибытию и приятной беседе. Конечно, дома я не заставал многих христиан. А совсем не застал только в трех домах. Между прочим, не застал двух сестер милосердия, по словам Варнавы очень хороших христианок. Мне очень хотелось их повидать и побудить их вести помаленьку беседу о Христе среди больных. Катехизатор, по общему их всех обыкновению, жалуется, что церкви нет, а есть только маленькая нанятая квартира; а здесь-де смотрят на внешность и поэтому не принимают православия, так как у него внешность совсем не заметная, тогда как протестанты имеют богатые храмы и тому подобное. Я одно говорил, что наше дело не внешность и не количество, а внутреннее дело спасения людей верою во Христа, что не настоящий христианин, который принимает христианство пораженный внешностью. Мы должны проповедовать, раскрывать слово о Кресте Христовом и возбуждать дух на дело спасения, а не поражать богатством и силой; первые христиане даже в земле делали дело веры, а преподобный Сергей Радонежский и с лучиной совершал молитвы. Они согласились. Воодушевлялись мыслью всем сообща приняться за дело проповеди, чтобы Церковь их росла и множилась. Вообще, христиане очень обрадовались мне. А катехизатор просил почаще приезжать для возбуждения Церкви, так как к ним — катехизаторам — христиане привыкают и не с особенным вниманием слушают их слово, почему когда побывает священник, то христиане на первых порах после этого весьма бывают усердны к церкви, хотя потом опять ослабевают. Я им советовал самим-то над собой усердно работать, чтобы поднимать свой дух и возбуждать живую веру; советовал читать Новый Завет и другие книги для уяснения учения, чтобы выработать миросозерцание. Советовал по вечерам чаще ходить к христианам для бесед. На

Вознесение и Троицу я обещал предположительно в Кобе устроить богослужение, приеду или я, или отец Сергей.

Заезжал к нашему консулу Федору Ивановичу Васильеву. Жена его, кажется, особа очень энергичная, а главное, религиозная. Она весьма скучает по церкви, проживши всю жизнь в Санкт-Петербурге близ Лавры; теперь в воскресенье ходит даже в католический костел, почему я сказал, что ее обратят в католичество, но она настойчиво и презрительно отрицается; а я заметил, что для этого не нужно и вашего согласия, чтобы вас провозгласить им католичкою. Она весьма обрадовалась, что иногда мы и здесь будем устраивать литургию. У них я совершил молебен. Потом мы долго спорили с Васильевым, так как он отрицает у японцев какую-то способность быть искренними христианами, в частности православными; говорит, что напрасно все мы едем из России, когда у нас и там всякой миссии по горло, на что я ему заметил, что если бы и апостолы так же говорили, то мы бы и сейчас не знали ни слова о Христе; а он: «а зачем и знать? пусть всяк живет по своей религии». И все ведь подобное говорят люди, которым ни до Бога, ни до беса нет никакого дела; жаль и прискорбно в наших же вместо помощи видеть полное отрицание и насмешку, а уж о том сочувствии, с которым к миссии относится общество, например, в Америке или Англии, нечего и толковать. Разыгрывая интеллигента, счел нужным посмеяться над верою в действительное существование дьявола. Подобные люди никаких возражений толком не разбирают, да и не принимают их даже в соображение, а мелют свое, почему я особенно и не старался продолжать спор, чтобы окончательно все уяснить. Говорит, что из здешних миссионеров лучшие православные и католические, а протестантские — отребье, прожектеры и торгаши, счастливо проживающие. Всех христиан в Кобе 32 человека. В семь с половиной часов вечера я возвратился в Осака. Дождь лил по-прежнему. Ветер сильный.

6/18 мая ходил к христианам в четыре дома, кончено опять вечером. Все они искренно жалуются на слабость своей веры; но ведь и евангельский сотник говорил: Господи, помоги моему неверию — и, однако, Христос его-то веру и назвал превосходящею веру израильян. Возбуждая дух, я и говорил, что это ведь самое главное дело и поэтому трудное, но для него-то и нужно употребить все силы; и говорил вообще о той силе, какую может дать нам Церковь, если мы действительно воспользуемся предлагаемыми ею средствами; например, после хоть краткой, но действительно от сердца излившейся молитвы как-то незаметно для нас в душе совсем другое настроение развивается; а таково и все дело благодати Божией, сообщаемой нашему молящемуся духу. Советовал, как и в прежних домах, вместо обыкновенных пустых разговоров при встречах с язычниками постепенно заводить речь о Христе; один древний писатель писал о первых христианах, что теперь о Христе они толкуют на всяком месте; вот как они заботились о распространении света истинной жизни, хотя им за это и угрожала опасность подвергнуться гонению. Го — ворил немного о службе в субботу в день Святого Николая Чудотворца; это будет молитва за владыку нашего, так как он именинник, — и призывал к обедне; но едва ли придут, так как в будни все они на работе и день дорог.

Отец Сергей на другой день все время ходил по христианам и уговорил их (хотя будто бы они сами предложили, радуясь восстановлению церковного дома) пожертвовать 100 или более иен на украшение храма и дома. Он хотел только употребить эти деньги, и дело с концом; а я сказал, что все-таки спрошу епископа, ибо он хозяин в Церкви и все должно делаться с его ведома и спроса; в этом смысле я и вообще сказал наставление, что в Церкви ничто не должно быть без епископа.

Отец Архимандрит Сергей пишет, что в Канде (в Токио) с прошлого воскресенья начались у христиан собрания для чтения Священного Писания и проповеди; говорил и отец Сергей; первое собрание прошло с большим интересом. Дай Бог, чтобы и дальше это дело росло и

множилось. Восторгается отец С-ий молодостью души владыки: сей после возвращения отца Сергия с собрания быстро прибежал в его комнату, расспрашивал и сам рассказывал о своих катехизациях в старину. Дай Бог и нам сделаться такими же молодыми.

Владыка пишет: «Благодарю Вас за письмо. Оно показывает и крепость духа, и гибкость в Вас, и то, что благодать Божия с Вами. Да будет же и всегда с Вами, и да хранит и направляет течение ваших мыслей и движения Вашего сердца ко благу Вашему и спасению ближних, для которых приехали сюда трудиться, и да поможет Вам мощно во всем». Приложил 100 иен — на обзаведение моей квартиры (50) и на работу (50). Беспокоится о поваре и слуге для меня и просит дать телеграмму, если не нашел, чтобы немедленно можно было выслать человека из Токио. Говорит, что часто вспоминают меня и гадают о том, что я делаю. Из Кобе катехизатор Варнава Симидзу пишет: извиняется, что проспал мой приезд; просит почаще приезжать, так как это важно для возбуждения духа верующих.

После вчерашнего ливня теперь погода прекрасная. Но к христианам я опять не ходил, так как много времени проговорил с отцом Сергием; а потом все ушли по домам христиан. Дай Бог, чтобы мои помощники и всегда вели себя в этом отношении так же прилежно, как теперь. Японский язык мой двигается вперед: теперь токухон (начальные книжки) читаю гораздо быстрее, чем прежде. Мой понятный и сравнительно хороший японский разговор весьма изумляет всех японцев. Должно быть, мне в этом отношении Бог помогает за молитвы всех моих русских доброжелателей; в Ардоне даже во время моего путешествия совершали молитву о благополучном моем плавании. Такая сила любви, конечно, проведет к Богу. Дай Бог, чтобы и дальше мне Бог помогал и самому мне дал истинно апостольскую ревность и силу.

На днях приходили из Цуйяма Иоанн и Ирина Фукасе, последняя с отцом (Симеоном) и матерью (Марией) из Нарая (недалеко отсюда); весьма радостные, что Бог посетил их Своею благодатью, восставивши от болезни чудесно. Они и вообще очень хорошие христиане. Я советовал им не умалчивать об этой силе благодати Божией: мы о своих добродетелях действительно должны молчать, а дело Божие скрывать грешно. Ибо таким образом дух ослабевший хоть одного какого-нибудь человека и воспрянет, слыша явный голос пришедшего всемогущую благодать. Просил их помочь нам в приискании учеников для предполагаемой катехизаторской школы.

На днях приходили к отцу Сергию англиканские катехизаторы японцы; спрашивали о Церкви. Отец Сергей рассказал им о количестве христиан, о количестве крещений, о жертвованиях христиан на церковь, о проповеди и о внимании к ней. Усыхавши только о внешнем положении церковном, катехизаторы, однако, весьма удивлялись действительной силе православия, хотя в разговорах отца Сергия с ними об этих предметах и не много показано было силы нашей Церкви. Что же сказать вообще-то о нашей Церкви в сравнении ее с еретическими здешними общинами? Жаль, что нет у нас многочисленных и хороших для проповеди катехизаторов. Очевидно, почва есть глубокая для принятия именно истинного христианства, если бы только его мы сумели всем сообщить. Бог наша помощь.

9/21 мая я отслужил бдение и литургию по случаю именин Преосвященного; народу было весьма мало, ибо, конечно, все на работах. С отцом Сергием мы послали поздравительную телеграмму на японском языке: «Поздравляем с днем ангела и молимся о Вас». Дай Бог сил ему.

После бдения под Неделю о слепом катехизатор Иаков Фудзии привел ко мне для благословения троих слушающих у него теперь учение; в Троицын день они получают крещение. Я говорил им, что для них великая радость, что сподобились услышать и принять учение и благодать, ради которых Сам Сын Божий сходил с неба и претерпел крест. А как много людей здесь, которые ни слова не знают о Христе? Поэтому поделитесь своим благом и с другими и старайтесь привлечь к христианству своих знакомых. Так как после первого часа отец Сергей

рассказывал о перенесении мощей Святителя Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари, то я кратко сказал о виденной во время путешествия прекрасной церкви, в которой теперь мощи Святителя; говорил, как свято чтут русские имя Святителя Николая и крепко веруют в его постоянно благодатное заступничество: в путешествии непременно молятся ему; рассказал случай из жизни недавно умершего Казанского архиепископа Владимира, как он еще на Алтае зимой едва не слетел в пропасть, так как лошади сильно разбежались; и только по молитве к Святителю Николаю, икону которого он имел при себе, лошади внезапно остановились, так как вместо пропасти попали в глубокий снег. Дал я им по кресту для крещения, а приходившим с ними двум христианкам по бумажной иконке Богородицы. Они ушли весьма обрадованные. Слава Богу.

10/22 мая перед обедней приходил старик Иоаким Огасавара с сыном Николаем, который теперь имеет фамилию Судзуки. Последнего я еще не видел, и он сам пришел первый. По обыкновению, я советовал в праздники похаживать в церковь, так как хоть один день в неделе нужно употребить по-настоящему для Бога, для спасения своей души. Просил помогать нам и в деле проповеди. Обедню совершали мы вдвоем; в конце отец Сергей сказал поучение, которого я, признаюсь, не понял. После обедни на собрании я говорил христианам по поводу сегодняшнего евангельского чтения о том, что Христово учение для нас есть действительно свет, возводящий нас с земли на небо и просвещающий наш дух: мы теперь понимаем, что наша жизнь главным образом не здесь, а будет после смерти; что эта жизнь вообще не в грехе и во всем, что мы обыкновенно любим, а в святости, в чистоте сердца; после смерти мы и придем к Богу. А если желаем быть действительно вблизи Его, то должны постараться о том, чтобы быть достойными того, чего достигаем, исторгая из своей души все плевелы греха и таким образом постепенно восходя к Богу. Об этом я, сколько мог, говорил подробно; говорят, что поняли; по крайней мере слушали притаивши дыхание. Мне весьма приятно было видеть собравшихся в большем против прежнего количестве; вначале я и сказал по этому поводу, что теперь как будто и действительно праздник. Говорил еще о мощах святых, которых так много в России, о мощах Святителя Николая, которые я видел по дороге в Японию. Потом отец Сергей поднял вопрос о пожертвованиях на украшение церкви и перечислил все, что нужно поправить; а я со своей стороны прибавил, что хорошо бы крест водрузить над церковью; и тотчас же сообразили всю важность этого и решили поставить стеклянный крест, тем более что Николай Судзуки мастер стеклянного дела. Помогите нам, Господи, утвердить твое святое дело между людьми. Призывал я всех христиан согласно взяться за все церковное дело: одну палку я переломлю, а целую связку их едва ли, так и церковное наше дело; говорил и о катехизаторской школе здесь, для которой просил приискывать и учеников при случае.

С четырех с половиной часов я вместе с катехизатором Иаковом Фудзии ходил по домам христиан. В первом доме Фукуда Пантелеи-мона засиделся больше часу. У него старуха тетка язычница и 15-летний сын некрещеный, так как при крещении отца был в другом месте; в переднем углу рядом с иконой какая-то фигура, но оказалось, что не идол, а фигура древнего военного человека, только для украшения. Старуха прежде учение слушала, а теперь нет. Пантелеимон на мои вопросы о том, ходит ли в церковь и тому подобное, отвечал как-то уклончиво; я сначала не понимал, а потом на вопрос: причащался ли в настоящем году? — он сказал: нет, да и зачем исповедь? человека не убил, у него не украл, а в чем же и каяться? я не вижу; прощать другому я немного научился, молитву изредка делаю, чего же еще больше? Тут я понял, в чем дело, и толковал ему о том, что не в этих только грехах нужно каяться: наша жизнь есть святость наша, мы призваны жить с Богом, а между тем постоянно ползаем по земле и таким образом постоянно от Бога удаляемся; поэтому и нужно каяться в этой нашей удаленности от Бога и просить постоянно у Бога силы на борьбу с грехом; подобно тому как для

развития ума можно работать в бесконечность, так как есть разной степени ума люди, так тем более это в деле нравственности, так как здесь для нас Бог на самом конце; поэтому-то святые, не совершая уж конечно никакого грубого греха, между тем все время проводили в слезах покаяния и в молитве, именно потому, что желали быть ближе к Богу. — А я думаю, что до крещения у нас грехи, а после их нет. — Я объяснил, что действительно так, благодать очищает нас от грехов; мы и приходим к крещению, так как сознаем, что грешники, и просим у Бога благодати на борьбу с грехом, всецело предавая себя Богу, но на самом деле постоянно забываем Бога и потому презираем или отталкиваем от себя Его благодать; поэтому обыкновенно-то мы в грехе живем, а поэтому и нуждаемся опять в покаянии. Веру если не поддерживать, то погаснет и тогда в учении Христовом все покажется непонятно.

Во время разговора подошла и жена Фива, так что и она главное выслушала от меня. По мере беседы постепенно исчезла искривленная фальшивая черточка самоуверенного скептика с лица Пантелеимона, и Фива, сначала только насильно улыбаясь, под конец стала серьезно слушать. Весьма холодный человек. Хотя, кажется, под конец-то и искренно слушал, судя по лицу: оно как-то умягчилось и приняло вид некоторого конфуза, как будто у человека, которому не удалась насмешка, притом же и не нужно было делать-де эту насмешку. Рассказ о Фукасе он выслушал с немалым искренним изумлением. И катехизатор говорит, что прежде Пантелеимон совсем не слушал слов ему, а теперь кажется, что искренно слушал мои слова. Под конец он даже сам спрашивал — до каких лет дети могут не исповедоваться. Я просил их почаще приходить в церковь, исповедоваться и причащаться: дело нашего спасения так важно, что даже Сын Божий приходил к нам, — следовательно, как мы должны дорожить этим делом, если желаем быть настоящими детьми у Бога? Просил и детей присылать в церковь и в воскресную школу. Старухе и сыну некрещеному советовал слушать учение и потом креститься. Много еще придется употребить усилий, чтобы поддержать искреннюю веру в них, теперь еще теплящуюся. Бог поможет, если только мы не будем лениться. А вера у них, очевидно, еще есть, только важно теперь разбить холодную самоуверенность в их сердце. Пантелеимон хотел было даже угощение предложить, но я воспротивился; все-таки каких-то сластей, зовомых «нерииоокан», подал. Кажется, что он немного размяк и стал поискренней.

В следующем доме у Накано Мелетия — староста — я об этом и рассказал; и Мелетий сказал, что Фукуда весьма ослабевший в вере. Он жаловался вообще на то, что вера у здешних христиан ослабела, и просил восстановить ее. Я со своей стороны призвал их к общему в этом деле участию, чтобы наша жизнь была действительно церковная треобщинная, подобная телу, в котором все члены действуют заодно, и тогда все тело здорово. Рассказал о чуде в Курске с иконой Бо-жией Матери, чему Мелетий весьма удивился.

У Исида Хрисанфа я тоже просидел больше часу, за что пришлось принять некоторое угощение, как ни отнекивался от сего. Семья эта очень хорошая и со вниманием слушала мои рассказы о мощах русских святых, о богомольцах в монастырях, о Николае Чудотворце, о Таинстве Причащения, через которое мы входим в общение со Христом. Призывал и их помогать нам в деле проповеди: в обычных разговорах говорить и о Христе, ибо ведь таким образом и в древности христианство распространилось. Сюда же позвали и Исида Павла — сына Хрисанфа; тоже очень благочестивый человек. Домой я возвратился уже в восемь с половиной часов. Господи, помоги нам.

Все это я писал Преосвященному сегодня 11/23 мая. А потом, придя от христиан, прибавил следующее.

«Был в доме Иоанна и Веры Китадзима, очень хорошие христиане и в церковь постоянно приходят; по душам долгонько побеседовал там. А потом попал к Луке Араки; жена у него язычница, прежде слушала учение; но сам Лука теперь ослабел, оправдываясь, что уж очень

делом занят, да и до церкви далеко. Я долго говорил ему о важности всего того дела борьбы с грехом, посредством которого мы постепенно восходим к Богу; после смерти все должны будем дать Богу ответ: что же тогда-то мы скажем в свое оправдание? Он сам согласился, что действительно, так как и в церковь не ходит, и проповеди не слышит, и дома неисправно молится, и Евангелие не читает, то вера постепенно ослабела. Я советовал в воскресенье хоть иногда обязательно иметь отдых, чтобы сходить в церковь и помолиться Богу; говорил о приближающихся праздниках Вознесения и Троицы и советовал приготовиться к исповеди и Святому Причастию. У него есть работник, и тому я то же говорил. Что выйдет из этого, не знаю, увидим, да еще будем говорить и говорить. Вчера Фудзии говорил, что ему из Какогава прислали письмо и спрашивают, когда я к ним приеду; я сообразил, что самое удобное ехать туда в Духов день, чтобы служить там литургию, так как в Троицу я служу в Кобе. Я попросил так об этом и написать катехизатору Атаци, чтобы хоть немножко приготовились пропеть литургию. Только я немного затрудняюсь: как расспросить христиан о катехизаторе? Ведь я обыкновенно хожу с катехизатором, как проводником и рекомендателем своих христиан. Разве попросить ходить со мной старост; но они, может быть, очень заняты и затруднятся в этом. Владыка в сегодняшнем письме пишет, что Атаци совсем как мертвец в проповедническом деле и считает его совсем не годящимся для этого дела; так что и удалить бы его совсем или иметь вблизи и постоянно понукавать; он и советовал спросить о нем христиан.

Относительно отца Сергия Судзуки. Я пока никак не могу понять — трудится и трудился он в своем деле или нет? По крайней мере, везде заведен по домам хороший христианский порядок; а когда заговорит он, то христиане слушают его весьма внимательно, как действительно авторитетного для них пастыря, и он действительно говорит с некоторой властью. Не знаю, как прежде, а теперь все они чего-то подтягиваются и ежедневно ходят к христианам. Поживу — увижу. Надеюсь, что отец С — ий не сердится на мое молчание на его письма, ведь все равно он эти мои к вам письма читает; а мне, право, совсем некогда писать дважды одно и то же; вот и без того сегодня не писал иероглифов. А он-то пусть не забывает меня своей корреспонденцией. Привет ему. Радуюсь его радостью по поводу собраний в Канде; дай Бог и мне что-нибудь здесь устроить церковное».

Мая 13/25 под Вознесенье христиане собрались, но очень мало; а в самый праздник и еще того меньше, человек до 20. Когда я спросил после обедни, знают ли христиане о сегодняшнем празднике, то мне и христиане, и катехизатор Фудзии сказали, что нет; они довольствуются тем, что на стене перед церковью вывешивают объявление о богослужении в праздник. Я сказал, что так как здесь все церковное дело совсем молодое, то мы должны с великим тщанием стараться ввести в жизнь христиан все церковные обычаи и порядки; ведь мы живем среди подавляющей массы язычников и как бы тонем в ней; поэтому всякий раз нужно настоятельно обо всем церковном напоминать, чтобы постепенно приучить знать все церковное. Мы призваны совершать великое и единственное дело, а потому все силы должны употреблять на него, чтобы действительно делать дело Бо-жие, а не казаться только делающими. За бдением я совершил литию, а на помазании после Евангелия раздавал благословенные хлебы. Евангелие я читал уже по японскому переводу (катаканой). Отец Сергей ездил совершать богослужение в Кобе. Об этом он заранее писал тамошнему катехизатору Варнаве Симидзу; но сей почему-то только одно понял из письма, что на Троицын день я приеду служить туда, и поэтому весьма удивился, увидевши отца Сергия. Тотчас же сказали ближайшим христианам; но из всех 40 к бдению собрались человек 13, а к обедне 18. А ведь если бы они знали о сем, то несомненно многие бы пришли и даже, вероятно, были бы причастники; по крайней мере, приходившие за богослужение весьма радовались такому случаю — выслушать литургию. Так наши катехизаторы иногда не только не помогают, а даже еще портят в деле. Обидно и больно мне

было слушать об этой новой небрежности Варнавы; но и радостно было слышать о радости христиан — быть за литургией. Вера есть, и крепкая, только бы поддерживать ее и возводить на должную высоту.

Вечером ходил я в дом имеющего скоро креститься Мориока; у него мать и жена тоже вместе с ним слушают учение. Тут же был и его племянник — язычник; он об учении совсем ничего не понимает. Я говорил о силе христианства для спасения души; Христос Сын Божий для того только и приходил, чтобы нас спасти. Все, что Он сказал о Себе, исполнилось, а потому исполнится и все, что Он сказал вообще о Своем учении. Истинно и то, что Он Сын Божий; поэтому и апостолы возвратились от Елеона с радостью, ибо увидели силу Иисуса Христа. И вот, действительно, эта маленькая горсточка первых христиан благодатью Божией постепенно покрыла все лицо земли именем Христовым. Если и мы действительно будем содержать это учение, то увидим, что оно действительно для нас сила: когда придется человеку от сердца помолиться, то совсем какая-то иная жизнь начинается в нем, хоть на минуту; а если мы будем повторять эти минуты, то постепенно и вся наша душа совсем сделается иною, чем как мы привыкли жить в суете. Жизнь святых и была совсем иною, они и здесь носят в себе Царствие Божие, и после смерти вполне делаются членами его. Конечно, для язычников очень непонятно все вообще учение христианства. И, прежде всего, непонятно — как это крест нас спасет, орудие казни делается орудием победы. Но если мы сердечно и опытно примем это самое учение о Христе, то увидим на самих себе, что действительно только путем креста, путем борьбы с собой, путем страданий можем приближаться к Богу (это последнее я с великим трудом старался выяснить, да так, кажется, и не выпутался, так как совсем не было на языке подходящих многих слов). Я просил их после крещения мало-помалу говорить о христианстве и с собеседниками язычниками. Племянника просил заходить когда-нибудь ко мне для разговора. Он вчера приходил к нам (в первый раз только) в церковь и простоял бдение. Он участвует в какой-то здешней японской газете. Очевидно, и у него душа чего-то просит нового, не удовлетворяется бредом не верующего в Бога буддизма.

Потом заходил к другому Мориока — Андрею; у него мать старушка и гостит бабушка из Кооши. Очень хорошая благочестивая семья. Андрей — служащий в полиции, и теперь часто ходит на проповедь, помогая нам; я и просил его поговаривать о христианстве с тем племянником Мориока. Просил его иногда заходить и ко мне: это будет и мне полезно для языка, и ему; мне хочется постепенно подготовить из него настоящего катехизатора, сообщить ему по возможности ясное понимание учения и не сбивчивое; а воодушевление у него есть большое.

Когда я проходил по направлению к этим двум домам, то на меня с великим удивлением все посматривали и принимались усиленно спорить — кто я? Одни уверяли, что американец, другие, что француз, а третьи и далее, может быть, и еще что-нибудь лучшее. В этой стороне об учении православном и не слыхивали совсем. Вот как. Ах, если бы действительно христиане приняли к сердцу мои слова о том, чтобы всем сообща приняться за церковное дело и по мере сил стараться распространить православие как можно между большим количеством своих знакомых. Только так и можно внести свет Христов во тьму неведения массы.

А после обедни сегодня приходили катехизаторы и гию Накано Мелетий. Я говорил им, что в России весной и летом всякая деревня празднует свой праздник в память или избавления от пожара или от холеры или тому подобное. Говорил о крестных ходах и молебствиях, какие совершают в такие дни; говорил о храмовых праздниках и, кстати, упомянул о здешнем храмовом празднике.

Мая 15/27 утром едва просидел урок до 11 часов и отпустил учителя; совсем невмоготу; вчера у Мориока я долго говорил, а потом, вспотевши, вышел на улицу, да еще у Андрея

Мориока в комнате попал на сквозняк и, должно быть, простудился. Потом я и до обеда, и после все время ходил на солнечной стороне до усталости; должно быть, этим и помог: простуда незаметно кончилась, а я, признаюсь, опасался. Сегодня мастер подал смету на поправку желобов цинковых; всего на 202 иены; я написал епископу, согласен ли он на сие. Вечером к христианам не пришлось идти: немного опасался за простуду, да и некогда было, да и дождь потом пошел. Я просил катехизатора Павла Сакума пройтись к Фукуда Пантелеимону и поговорить с ним еще о покаянии и вообще о вере, чтобы возбудить в нем дух. Но он, оказывается, не ходил, ссылаясь на дождь, а вероятно, просто по лени, так как другой катехизатор Иаков Фудзии ходил вместе с моим учеником, который вообще теперь вместе с нами ходит к христианам; Фудзии и возвратился уже в 11-м часу. Он рассказывал христианам жития святых (это мне говорил мой учитель Павел Исогай).

Мая 16/28 епископ пишет: «В Какогава побудьте и литургию там совершите. Ходите по христианам с катехизатором. Узнать мнение христиан о катехизаторе вообще довольно трудно: японцы не очень откровенны. Если уж очень надоест им катехизатор, они жалуются на него; но тогда уж только держись — наговорят столько, что катехизатора хоть смертью казни; и это сделают без катехизатора, искусно отведут тебя в сторону, или на гору, или еще куда в уединенное место. В Какогава и Химедзи едва ли так поступят. А нужно догадаться. Например, при катехизаторе у всех христиан взять метрику в руки и по ней проверить всех христиан; добрый катехизатор расскажет тут же все, что нужно; про отсутствующих поведает, кто куда переселился и прочее; нерадивый отзывается незнанием, а отвечают за него христиане. Тут же по метрике вы увидите, есть ли плоды служения сего катехизатора или нет. Если нет, то спрашивайте при всех: а что же вы делали доселе? Как проводите ваше время? Часто ли посещаете христиан? И если нет у вас слушателей из язычников, учите ли по крайней мере христиан? Их детей? Все ли дети у вас в церкви знают молитвы? Да тут же и испытаете детей. И так далее. Из всего в совокупности и выведете очень ясное представление о том — хорош катехизатор или нет. Так вообще. Так и об Адаци».

А сегодня я как раз пригласил катехизатора Павла и с ним стал просматривать метрику. О многих он совсем не имеет никакого понятия — куда подевались они, а может быть, даже и в Осака, да не знает, в каком углу. Некоторых семей совсем не знает состава и кто как кому приходится. О некоторых совсем даже удивлялся, когда я называл имя члена в той или другой семье. А относительно того, кто исповедался или нет, нечего и толковать. Я ему и сделал замечание, что так нельзя; нужно наставлять христиан на путь благочестия, а вы не знаете, где и взять христиан-то, а если знаете, то не знаете — что ему нужно, чего ему особенно недостает. После я об этом и еще посерьезнее поговорю с ним. Оказывается, из всех здешних христиан за настоящий год не исповедалось больше 60 человек. Впрочем, нужно сделать оговорку: у отца Сергия не отмечены некоторые несомненно причащавшиеся; это тоже небрежность отца Сергия, о чем я и скажу ему после, разобравши все. Действительно и правда, как говорит отец А. С — ий, с чем согласен и Преосвященный, что у нас христиане в общем лучше катехизаторов: христиане с радостью, например, меня встречают и с вниманием выслушивают мои мало понятные им глаголы, а катехизаторы равнодушно относятся к своему делу и, очевидно, только теперь при мне подтягиваются на проповедь, ибо чем же объяснить такую халатность, как не прежним небрежением о сем деле? Но теперь и я с ними немного иначе буду поступать и буду понукать на дело, как ленивых людей.

За бдение собралось человек 20; у меня все время была на сердце перед Богом молитва о том, чтобы Он Сам помог мне сделать Его святое дело во славу Его святого Имени, чтобы Он подал мне и моим помощникам ревность и силу, да и мудрость, а главное — облагодатил всякое наше слово и дело, чтобы воистину во всем нашем являлась Его всесильная благодать, да

познают все Его Единого. Это теперь у меня постоянно на сердце. И действительно, весьма и весьма много дела предлежит нам; иногда не знаю, с чего и начать, так много всего, что нужно вот сейчас же и сделать. Но Бог поможет. Он видит мое искреннее желание трудиться на том деле, к которому призвал меня.

Под неделю Святых Отец за бдение собрались, хотя не особенно много; а сегодня за обедню набралось и порядочно, человек 40, а может быть, и больше того. На собрании после обедни я говорил о той опасности, какая угрожала от ереси Ария: простой человек нас спасти не мог, а только Сын Божий, Который действительно и пришел и спас нас; в сегодняшнем Евангелии молитва Его к Отцу о нас грешных; в ней Он указал самую высокую жизнь для нас: это полное единение всех в Церкви. Какая иная жизнь может сравниться с этим по высоте? И тогда Христос действительно среди нас. Да Он и действительно среди нас и в нас, Он в каждой хорошей мысли и деле, хотя бы и маленьком; а если мы и вообще будем стараться проводить жизнь в этом добре, то постепенно и вообще и существенно Христос будет среди нас. Потом начались разговоры о пожертвованиях на церковь и счетах их, по поводу моего упоминания о радости епископа ради этого; потом я ушел в воскресную школу; ребят немного, человек 11—12.

Одна христианка Варвара Ямамото помогает в этом деле, рассказывает разные благочестивые истории. Я попросил ребят пропеть что-нибудь; под гармонию, совсем разбитую, они пропели из бдения и литургии многое и очень хорошо; я предложил катехизатору постепенно обучать их для пения в церкви; очень бы хорошо было, и ребятам это понравилось бы; я упомянул, что в России в церкви всегда поют школьники. Дай Бог. Сегодня как-то весело на душе. Дай Бог и дальше. За литургией мне как-то особенно хорошо было молиться, так как я видел некоторое собрание церковное. За бдением опять был тот язычник Мориока. Обо всем этом я подробно и написал Преосвященному и в конце добавил: «Все это я Вам в письмах делаю подробные выборки из дневника, чтобы при случае Вы и поправили или досказали что-нибудь мне. Конечно, все хорошо, что я Вам пишу из своих разговоров с христианами; но ведь это больше то, что я хотел сказать, а не то, что сказал, так как где же японцам понять мои японские разглагольствия? Это Вы и по себе судя (по первоначальному) скажете. И для меня упражнение постепенно привыкнуть и научиться говорить. А японцев все еще с величайшим трудом понимаю, а иногда и совсем не понимаю».

После обеда приходил катехизатор Фудзии и гийю Сираи Андрей (доктор), очень хороший христианин. Я говорил ему об идеальной жизни христиан, согласно с молитвой первосвященнической Иисуса Христа; но очень кратко, за недостатком слов.

С отцом Сергием я просматривал метрику; и он многих христиан совсем не знает, где взять; ссылается на то, что так получил их от предшественника отца Иоанна Оно. А во многих ослабевших домах здесь он совсем не бывал; о некоторых знает, что они здесь, но не знает места жительства (9 человек); всех знаемых 190 человек; из них в настоящем году не исповедывались 99 человек. Я спрашивал: чем же это объяснить? Говорят ли катехизаторы о необходимости исповеди и вообще наставляют ли на путь благочестия? Отвечает, что говорят, но силой нельзя тащить. А я: слушателей из язычников нет, по крайней мере наблюдали бы за своими-то овцами. Отец Сергей говорит, что здесь христиане холодные, не то что на севере, на который он вообще часто указывает как на образец. Я с некоторым сердцем сказал, что нам пока нет дела до севера, мы в Осака.

С 6-ти часов с катехизатором я пошел к христианам. Сначала не застали Ювасе Анну; она массажистка и по целым дням ходит по больным. Потом пошли к Китадзима Стефану старику плотнику; теперь и его жена старушка слушает учение от отца Сергия и в Троицын день, вероятно, получит крещение. Очень бедные, но благочестивые. Я говорил им о спасительности для нас Христова учения, о том, как оно действительно спасительно делается для нас: это

бывает через молитву, которою мы постепенно приближаемся к Богу, а в сердце складываем все доброе и им только постепенно начинаем жить. Просил и их в разговорах с соседями беседовать и об учении христианском; советовал хоть по очереди приходить в церковь; Стефан иногда приходит; и исповедь и причастие непременно принимает. У них очень хорошие смиренные сердца. Потом прошли к Мори Петру, жена Вера и маленький ребенок Александр, — его в Троицын день окрестят. Они в церковь ходят очень ревностно, почти постоянно. Я просил ходить их и других побуждать к ревности и таким образом делать дело Христово (Китадзима я говорил еще, чтобы и детям говорили о Христе: если себе желают спасения, то и другим, наипаче детям того же должны желать; а дети живут в других городах и язычники). У Мори Петра я говорил об ослабевшем семействе Асад-зума Акилы: сей, будто бы стыдясь за свою бедность и плохое кимоно, не выходит в церковь, так как-де осакские жители очень обращают внимание на кимоно; я и говорил, что это для Бога не оправдание; апостолы были ужасные бедняки, да они-то и провозвестили всем людям учение Христово; может быть, вначале и была правда в этой отговорке у Акилы, но он постепенно и совсем отвыкнет от церкви и всего касающегося веры, и уж тогда постепенно начнется леность и перейдет в полную сердечную холодность к делу веры. Как злой человек не поймет доброты доброго, ибо он привык жить и заботиться только для себя, так и человек, не трудящийся в деле веры, постепенно совсем охлаждается и утрачивает всякую веру, так что ему и трудно даже мыслить о Боге и о всем святом. Я и советовал Петру Мори как-нибудь видеться с Асадзума и убеждать его воспрянуть духом.

Оттуда я и пошел к Асадзума; у него жена Мария и сын Кирик (7 лет), а другой, Никон, живет у бабушки в Токио. Асадзума переселился из Токио сюда. Мария училась в нашей женской школе в Токио. Акила выделяет гребенки для женской школы в Токио. Я прямо и спросил: почему они не ходят в церковь? Оправдывается слабостью здоровья. Я сказал, что нездоровье не всегда же бывает и что это так, простая только оговорка. Говорил о необходимости, важности и единственно существенной пользе молитвы для нашей веры и, следовательно, для всей духовной жизни, для спасения. В Церкви повсюду неисчислимые сокровища, а мы от них бегаем. А бегая, постепенно и совсем удаляемся от Бога, и вера потухает. Он в этом и сознался. А тогда для нас совсем кажется непонятным и является недоступным все, касающееся веры и спасения, как не понять злomu человеку доброго. Для нашего только спасения Сам Сын Божий приходил и претерпел крест, а мы презираем и отталкиваем от себя эту Его неизреченную и превосходящую все любовь. А если бы дети презирали любовь своих родителей, не приходили к ним, не исполняли их волю, то как бы это было печально и больно для родителей. Тем более скорбны Богу наши грехи и удаление от Него, — так мы вторично Ему составляем крест своими грехами и холодностью. Они и исповеди не совершали; почему я и сказал: кончено, мы, может быть, и не имеем никаких грубых грехов, но в жизни-то постоянно удаляемся от Бога и забываем Его; вот в этом-то и имеем нужду постоянно и искренно каяться, чтобы возвращаться к Богу и на Его только силу надеяться. Оказывается, в Токио живя, он весьма усердствовал разными способами для Церкви; я и советовал вспомнить все это доброе старое и воспрянуть духом, а к этому взаимно побуждать им друг друга. Говорил о приближающемся празднике Святого Духа и призывал придти к этому великому торжеству Церкви; кстати, в этот день будут креститься трое или четверо. А в посту апостольском советовал и исповедоваться и причаститься и сказал со слов Христа о важности и непременно обязательности для нас сего таинства, если желаем войти в живот вечный. Кратко рассказал о том, как в Токио встречали ныне Пасху, сколько было народу, о язычниках, собравшихся на это наше торжество, и о всеобщей радости в этот праздник. Говорил, что семинаристы весь вечер говорили проповеди, а инспектор Кава-мото показывал картины из

Палестинской жизни и природы с рассказами об этом; народ усердно и внимательно слушал все это. Так как у Асадзума нет молитвослова и календаря церковного, то я советовал катехизатору завтра же снести это им. Дай Бог, чтобы они приняли к сердцу мои слова. Домой я возвратился уже в двадцать минут десятого. После целодневного и только к вечеру прекратившегося дождя пришлось ходить по грязи; хотя в крайней части города дождя совсем не было и грязи нет.

Мая 20/1 июня. Вчера вечером я не ходил к христианам, так как принимал ванну, да и христиане теперь большею частью заняты расчетами с хозяевами или работниками, по случаю конца месяца. Сегодня с 6-ти часов вместе с Павлом Сакума я и пошел сначала к Исида Павлу. Застал только жену его Марину. Они очень верующие христиане, но в церковь совсем почти не ходят, а в нынешнем году даже и не исповедывались еще. Я и говорил, что так и совсем постепенно отвыкнете от церкви и от Бога: если я редко буду читать книжку, то и совсем разучусь понимать ее; так и молитва, и вся наша жизнь христианская; мы называемся христианами, а поэтому и должны всячески стараться как можно ближе встать ко Христу, чтобы потом быть в Его Царствии. Если не грамотный пойдет в школу, то там он ничего не поймет из всех уроков; так и мы, постепенно отвыкнув молиться Богу и радоваться Его радостью, радостью веры, потом после смерти тоже не пойдем ничего в Царствии Божиим, так как и не думали о нем как следует, а потому и будем жить не в свете его, а в печали и страданиях.

Я и советовал вообще хоть по очереди ходить им в церковь, а особенно призывал на Троицын день, так как это праздник великий, с него началась проповедь о Христе; а в посту советовал исповедаться и причаститься, чтобы жить вместе с другими христианами одной жизнью; ведь как приятно бывает проводить время в задушевном обществе дорогих друзей: тут за задушевными разговорами забываются всякие печали, душа только радуется; так и в церкви: если бы все христиане согласно и дружно собирались в церковь на молитву и вообще все церковное делали сообща, то какая бы была это сила и сколько радости в этом для всех. Это все я просил ее пересказать и мужу Павлу, и родным — семейству Хрисанфа Исида, и просил тоже расположить их хоть по очереди ходить в церковь. Марина во время разговора по поводу того, что она не причащалась и в церковь не ходит, как-то покраснела и потом сказала: теперь я постараюсь как-нибудь ходить в церковь. И вообще как-то очень расчувствовалась. От предложения принять удон (японский рыбный суп) я отказался и пошел в дом Киносита Симона; но он с семьей живет в Вакаяма, а здесь только жена Варвара с маленьким, еще не крещенным, ребенком. Она в церковь тоже не ходит, да, может быть, и трудно ей одной-то; а живет весьма бедно, в доме у язычников. Она прямо созналась, что и дома теперь иногда совсем не молится за суетою; я и говорил, что Богу не нужно наших многих слов, а нужно только одно сердечное пред Ним сокрушение, хоть краткая, но действительно от сердца исходящая молитва; и если мы действительно так будем молиться, то действительно пойдем силу молитвы для нас и радость от этой молитвы. А все чаще и чаще небрежно совершая это дело и все чаще и чаще удаляясь от церкви, постепенно и совсем забываем церковь и все Божие, а потом и совсем охладевает в нашем сердце вера, а вместе и сами совсем охлаждаем для Бога и становимся весьма далеки от Него; тогда уж мы совсем не понимаем никакой радости в Боге. Потом рассказал о празднике Духова дня как начале христианской проповеди, которую теперь вот и японцы принимают; призывал сохранять в сердце и возгревать это наивысочайшее сокровище: ведь для нашего только спасения Христос и крест претерпел. Советовал придти на этот праздник в церковь, да и вообще ходить по мере сил на богослужение; советовал в этот праздник и ребенка крестить, из опасения смерти для него, еще не крещенного; тем более что в этот праздник четверо или пятеро принимают крещение, и большие и маленькие. Отсюда я пошел к Сато Кириллу; но его не застал, а его сын (9 лет) язычник спросил: не из церкви ли мы? Мы и объяснили ему и просили передать это отцу, а также и то, чтобы он приходил в воскресенье в

церковь, так как тогда будет очень большой церковный праздник сошествия Святого Духа на апостолов; мальчик сказал на наш вопрос о крещении, что он в будущем месяце примет крещение; поэтому мы и рассказали ему кратко об этом празднике; советовали приходить в воскресную школу и вообще ходить за богослужение. Он согласился и даже как будто обрадовался, тем более что теперь он в школу не ходит. Тут же стояли и хозяйские дети язычники, и они выслушали наш рассказ; я обласкал их, что им очень понравилось.

Отсюда мы и пошли к Миками Георгию; у него жена Варвара, дочь Афанасия и другая (4-х лет), некрещеная, и отец — старик Филарет. Они очень усердно постоянно ходят в церковь, а Георгий постоянно поет на клиросе; в доме все устроено совсем по-христиански: перед божницей аналой с разными книгами для молитвы; только Варвара совсем не ходит в церковь и ныне еще не исповедовалась, ссылаясь на недосуг. Я и говорил о пользе для нас молитвы и опасности без молитвы совсем позабыть Бога и после смерти жить вдали от Него. Она созналась, что и действительно молитвою мы всё постепенно привыкаем делать перед Богом. Я и прибавил, что это особенно в исповеди, когда мы исключительно перед Богом стоим, исповедуя Ему свои грехи. Если бы мы и вообще постарались почаще думать о Боге, то постепенно вся наша жизнь была бы под Богом и по-Божьему. Призывал я их всех пособить общему церковному делу и взаимно побуждать христиан к усердию церковному; говорил о той силе, какая в общем согласном деле верующих. В самые первые времена вера и молитва верующих преобледала все препятствия и преследования, какие налагали иудеи и язычники на апостолов, почему они и среди всех этих неприятностей и гонений содержали крепко и в чистоте веру, и вот теперь мы ее получили. Мы теперь начинаем дело христианства здесь, полагаем основание, на котором постепенно воздвигается все здание церковное; а поэтому и должны постараться прекрасно построить это основание. Девочку я советовал в Троицын день крестить вместе с другими, имеющими креститься. Около половины 9-го часа я возвратился домой.

Сегодня мастер принялся за покраску иконостаса и позолоту его (за 18 иен); это на пожертвования христиан; на это же и многое другое будет поправлено. Мне особенно это усердие христиан приятно, что таким образом они больше любят церковь, как свое хозяйство, а следовательно, и вообще будут к ней усерднее; и вообще, ведь весьма приятно иметь что-либо хоть сравнительно плоховатое, да свое собственное. А доселе христиане имели здесь церковь, построенную исключительно на русские жертвования, как и вообще все церкви здесь. Дай Бог постепенно христиан ввести в обладание церковным как самым родным и единственным своим делом.

Мая 21/2 июня утром во время урока приходил Сато Кирилл, которого я вчера не застал в квартире. Он адвокат; говорит, что в церковь не ходил потому, что жил далеко, а теперь переселился на другое место и намерен ходить в церковь. Я советовал ему во время поста и исповедаться, что он в настоящем году еще не сделал; по этому вопросу я и говорил, что нам нужно часто и с сокрушением обращаться к Богу, от Которого в жизни мы постоянно уходим в суету. Потом я начал было говорить о значении для нас молитвы и вообще всех благ, какие мы можем получить в Церкви, если серьезно исполняем ее дело; но Сато скоро ушел, будто бы стесняясь (как он потом объяснил это катехизатору) мешать мне во время урока. Не знаю, может быть, и так. А мне, признаюсь, хотелось ему поговорить о том, чего он лишается, удаляясь от Церкви; ибо в другое время его ведь, может быть, и не увидишь. После обеда приходил Павел Кавагуци; в разговоре он казал, что в Токио депутаты опять требуют смены министров, так как-де последние не заботятся о пользе Отечества, ввиду современных событий в Китае.

Вечером с Сакума я пошел сначала отыскивать затерявшегося Фурубаяси Акилу, след его вчера нам указал Миками Георгий, который вообще очень старается для Церкви и имеет

карточки почти всех здешних и бывших здесь прежде христиан. После долгих блужданий наконец нашли его квартиру, в которую он перебрался совсем недавно; но его не было: он до полуночи занимается в типографии какой-то. Язычнице хозяйке я сказал, что приходили из церкви, просил передать приглашение придти в церковь в воскресенье, так как это весьма большой праздник, и вообще по временам в свободный час просил его приходиться ко мне. Христианское имя Акилы знает и называет его им и хозяйка язычница, и в квартале, где прежде жил Фурубаяси, тоже на наш вопрос: не здесь ли Фурубаяси? — спрашивали: это Акила? Может быть, ведь действительно человеку и некогда заглянуть в церковь-то за крайним недосугом, а веру он, очевидно, сохранил, если даже имя его знают язычники, тогда как вообще-то японцы называют себя языческими именами и христианские вообще почти неизвестны. Дай Бог, чтобы его как-нибудь увидеть.

Отсюда мы пошли к Сакамото Титу; дзинрикися и дома бывает только ночью; я застал жену его Софию, старушку, и сына Сергия (12 лет); а дочь Надежда живет в услужении; я просил Софию похаживать в церковь, говорил о празднике Святой Троицы; а главное, просил сказать Титу, чтоб когда-нибудь в праздник и пришел в церковь, да и исповедался, ведь так мало-помалу и совсем уйдет из церкви, ибо вера ослабеет; а тогда что же: Христос за нас крест даже понес и спас нас, а мы снова Ему этот крест создадим; ибо если худой сын — печаль для земных родителей, то как печально Богу видеть наше снова возвращение ко греху и лени? Просил я передать тоже и дочери Надежде; как-нибудь может ведь урвать денек-то для своей души. София-то хорошая старуха. Отсюда пошли мы к Массуи Марине, но ее не застали; она в церковь не ходит и не исповедовалась. Сын ее Антоний живет в Кобе, а я этого и не знал, бывши в Кобе, да, может быть, и катехизатор Симидзу этого не знает. Я советовал катехизатору Масуда к таким христианам, которых мы не можем застать вечером, ходить утром, чтобы хоть урывками, да сказать им слово о Христе, напомнить им об этом, чтобы вдали от всего церковного они и совсем не позабыли свое звание. Наконец, уже поздно вечером и уставши, так как пришлось не мало обойти мест, мы пришли к Йосида Павлу. Застал жену Марию, дочь Зинаиду и сына (10 лет) Тихона; остальные в Кобе по торговым делам. В своем нехождении в церковь оправдываются недосугом; я и говорил о той важности нашего исповедания веры, к которому мы и пришли, принимая крещение, и в этом дадим после смерти ответ. А поэтому нужно всячески постараться урвать время от дел на это святое дело, чтобы быть с Богом. Это же я просил передать и остальным, теперь отсутствующим. В доме все устроено очень похристиански: перед божницей на аналое даже разные молитвенные и подобные книги лежат. Сыну Тихону я советовал приходиться в церковь и в воскресную школу, где он услышит многое хорошее; а родителям советовал посылать его туда, так как они должны заботиться о воспитании детей. Около 9-ти часов возвратились. Сегодня почему-то мой язык не хорошо говорил, так что я после нескольких неудачных попыток говорить ясно и понятно иногда совсем молчал, побуждая говорить катехизатора; тот действительно говорил, и очень вразумительно.

Мая 22/3 июня с 6-ти часов вечера с Сакума я пошел к Судзуки Николаю; это очень богатый мастеровой стеклянных изделий, к церкви ревностный. В разговоре он говорил, что при Архимандрите Анатолии здесь церковь была в очень цветущем состоянии, а после него совсем упала, так как управители были слабы; да притом же эти последние как свои — японцы не имели и особенного авторитета для христиан. Я просил его помогать нам в деле привлечения христиан к церковной жизни, как он прежде весьма ревностно помогал. Относительно Савада Марины с семейством он сказал, что так как второй муж ее ревностный язычник, то она теперь веру совсем оставила и слушать не хочет. Очень жаль. Отсюда прошли мы к Уэда Петру; жена его Мария недавно родила девочку, которую назвали Силой; он хоть говорит о церковных делах, но, кажется, только тем и ограничивается, так как в церковь почти совсем не ходит. Я и

советовал ему по временам приходить, а в посту исповедаться; и толковал о важности участия в церковной жизни и о той силе, какая есть для нас в ней. Отсюда прошли к Канно Пантелеимону, сыну начальницы нашей женской школы в Токио Анны. Он доктор, меня видеть не захотел, не знаю — чем-то оправдываясь, что и передал через служанку; не знаю теперь, идти или нет в другой раз. Наконец, заходили в дом Мо-рита Иоанна. Они, кажется, приготовились спать, так что я, немного побеседовавши о предметах веры и посоветовавши ходить в церковь, да и исповедаться в посту, ушел и возвратился домой без четверти десять. Мест весьма много обошли. Сегодня я весьма устал; слушал и разговаривал с великим напряжением и трудом, в разговорах весьма мало понимая.

В алтаре стены оклеили новыми обоями; вхожу я в алтарь, и что же: престол выдвинут в церковь, а на его месте разные скамейки и стулья; а отец Сергей тут же стоит сложа руки и спокойно на все это посматривает. Я сделал соответствующее разъяснение и поставил престол на его место.

Сегодня во время урока с Исогаем мы говорили о том, что буддизм приучил людей обходиться без веры, так как он есть религия без Бога; поэтому для японцев и непонятна вера.

Мая 23/4 июня. За уроком я сразу почему-то почувствовал себя дурно, урок прекратил, а сам прилег до обеда спать. И действительно немного стало лучше, так что в 4 часа я мог ехать в Кобе; некоторые пришли встречать меня в церковь. Я рассказывал, как Троицын день встречают в России с цветами и деревьями в церкви и около домов; смысл: удаление от греха к Богу, как для евреев этот обычай напоминал выход из Египта и постоянное руководство от Бога. С половины 8-го до 9 часов было бдение с литией. Пели очень хорошо; христиан собралось только 9 человек, так как дождь, да и недосуг вечером. После обедни 7 человек исповедовались, в том числе один из Какогава здесь проживающий (18-ти лет); мужчины толковее и само-собранные женщин, подробно все рассказывают, а женщина говорит: различные и многочисленные грехи сделала. Но у всех есть искреннее сокрушение и смирение перед Богом. Особенно хорошо исповедался Иосиф Кимура, старичок. За бдением было и семейство нашего консула, но сам он стоял совсем небрежно, как бы стыдясь своей ошибки, что пришел в церковь; это, конечно, для наших христиан может быть и соблазнительно. В самый праздник с 8-ми часов Варнава для причастников читал молитвы; с 9-ти часов обедня. Христиан собралось до 30; после обедни я и сказал: если бы на наше угощенье наши друзья званые не пришли, то это, конечно, для вас было бы очень печально. Бог постоянно зовет нас к Себе; вот и сегодня ради такого великого праздника литургия, а между тем многие и не подумали явиться пред Богом; это для меня печально, а тем более для Бога — пренебрежение Его к нам любовью. Этим мы как бы второй крест создаем для Христа, раз уже пострадавшего за нас. Печально для родителей, если сын не слушает их и только худое делает; печально для Христа наше удаление от Него. А между тем только к этому все и идти должно: Бог от века о нашем спасении заботился и всячески ведет и призывает нас к тому. Мы умираем и тогда только начинаем настоящую жизнь, а земная жизнь только временное приготовление к той; там должны будем дать ответ во всем, а потом или у Бога, или вдали от Него в муке смерть. Если мы желаем первого, а не второго, то так и должны себя готовить: нельзя быть худому вблизи Бога (пример человека неграмотного, зашедшего в школу). А некоторые из христиан этого, очевидно, не сознают, ибо не пришли к литургии, раньше здесь не совершавшейся, да и в такой праздник. Все это произвело очень грустное впечатление, что, заметивши, я и сказал: а все-таки этот праздник несомненная радость и для меня, и для вас, а особенно для причастившихся — и советовал эту радость сохранять и поддерживать молитвою. Мне все-таки было весьма приятно видеть то одушевление и сердечность, с которыми относились к богослужению собравшиеся. Очевидно, истинная вера есть, что, несмотря на самый проливной дождь, пришли издали в церковь. Под этим

впечатлением я и рассказывал о жизни первых христиан в гонении и вообще о церковной общей единокорупной жизни христиан; язычники как древле, так и теперь ради этого приходили бы ко Христу, видя нашу нравственную силу, а это дело Христово было бы от наших рук; а этим мы, конечно, должны дорожить, ибо спасение для всех... Да и какая сила и сколько радости в единокорупной жизни христиан! Тогда Христос посреди нас, по неложному Его слову... Первые христиане среди гонений тем и были сильны и непобедимы, а, напротив, победили, что Христос действительно был среди них. Я это говорил живо и энергично и, кажется, произвел некоторое впечатление.

Просматривали метрику; Симидзу хорошо и всех знает. За литургией был один язычник; а на Пасху их набралось 20 человек. Некоторые христианки весьма ревностны к Церкви и постоянно приходят для богослужения и поют. В каждое третье воскресенье бывает женское собрание для объяснения Священного Писания и рукоделия в пользу церкви; теперь накопили уже 5 иен; я вложил 1 иену. К сожалению, по вчерашнему обещанию я должен был ехать к консулу на завтрак, и в четверть первого часа я поехал; христиане благодарили за посещение; я предложил им позаботиться сшить для церкви облачение, хоть недорогое, так как в Осака их и немного, и не особенно хорошие, да и возить не удобно. В первое после заговенья воскресенье я предложил опять приехать; тогда, по обыкновению, часа в 2 дня будет женское собрание: собираются будто бы очень охотно; надо познакомиться и с этим делом. У консула я застал Хакодатского нашего консула; он сразу же заявил, что не любит японцев. А В — в: а вчера бывшие в церкви все получают иен по 8-ми? — От кого? — От Николая, конечно. — Только катехизатор получает иен 10, но, конечно, на это далеко не уедешь; да и вообще этого не следует подозревать и говорить; мы хоть гроши, да тянем с христиан на церковь; вот я и сейчас им говорил об облачении; а ради праздника они охотно побросали все и собрались в непогоду, а многие и причащались. И удивительный это народ: ничего хорошего не думали даже делать для японцев, а их ругают, говоря, что они не искренно принимают христианство и не для них оно, а пусть остаются при своей религии, так как всякому своя вера, хотя сами с усмешкой говорят о религиозном и не знают, куда им, в церкви стоя, убрать руки — в карман или в жилет. После завтрака я поторопился ухать: душно было оставаться в этой предубежденной и не желающей слушать и видеть среде. Вот они наши-то интеллигенты: вместо умной и деятельной или по крайней мере денежной помощи делу миссии, они способны и желают и стараются всячески только напакостить этому и представить его в худом виде. В церкви я собрал вещи, постарался воодушевить Варнаву: видишь-де сам, как христиане радостно относятся к церковному делу и какая жажда к слову Божию кругом, — трудись. После сегодняшней службы он как-то особенно расчувствовался. Дай Бог ему ревности и сил.

С ним я поехал в Акаси; там есть христиане, но в церковь не собираются, да и живут теперь совсем почти как язычники, без веры. Но зато единственный настоящий христианин очень хороший — Си-ката Николай. Семья большая и очень христианская; в доме все устроено по-христиански; метрику он знает, как свою семью, дай Бог, чтобы катехизаторы так знали своих христиан. А здесь катехизатора нет. Очень ревнует о Церкви и часто с язычниками ведет речь о вере. Теперь здесь желающих слушать учение есть человек до 30 и более; но так как сам-то Николай хорошо объяснять не умеет, да и недосуг (фотограф), то все подобные так и не знают учения и не принимают крещение. Просит сюда катехизатора. Я и решил сам повидать всех этих желающих слушать, побеседовать с ними при помощи Си-мидзу и на обратном пути обещал быть здесь, а Николай тем временем известит всех желающих.

Около 6 часов вечера в Какогава встретил катехизатор Адаци и христиане. Оказывается, здесь настоящих христиан только 9 домов, а остальные оставили веру (3 дома). Но и из настоящих христиан только 9 человек придут в церковь для богослужения. В разговоре с

христианами я спрашивал: почему же некоторые ослабели? Да потому, что часто в церковь не приходили, а потом и совсем отвыкли. А катехизатор здесь бывает у христиан (он ведь живет в Химейдзи)? — Нет, очень редко; вот прежний был очень ревностный, и дело шло хорошо, а этот не особенно ревностен. — Может быть, потому некоторые и ослабели? — Христианин только улыбнулся на это. Когда пришел Адаци, я и сказал ему: а бываете ли вы здесь у христиан-то? — Бываю, но в последнее время редко. — Я и сделал ему соответствующее замечание: вы здесь только для того и поставлены, чтобы знать своих христиан и помогать им хорошо и крепко содержать веру; христиане вообще с радостью слушают всякое слово о вере, а вы этого не соблюдаете. Да и вообще что вы делаете? Язычники не слушают у вас учение, свои христиане утрачивают веру. Если вы действительно хотите работать для Церкви, то и работайте; а если нет, то и не нужно: Богу не нужны ленивые деятели. Вас Церковь воспитала для этого дела, а вы как неблагодарный сын не отвечаете на это, а презираете ее дело; это и в обычной жизни не хорошо — показывать неблагодарность, а тем более в Церкви. Так постепенно и все христиане у вас уйдут из Церкви, а вы не захотите им помочь остаться. Между тем за каждого христианина Христос понес крест; а вы снова их губите и теряете для Христа. — Христианин, раньше говоривший о лености Адаци, теперь что-то толковал в его оправдание, но я только понял, что Адаци хорошо знает и работает для христиан в Химейдзи.

Службу пропели довольно порядочно. После Адаци говорил поучение о том, что мы должны поддерживать в себе веру и просить благодати Святого Духа воспрянуть нам, так как только в этом и дело. После я советовал ему все это самому приложить к сердцу и позаботиться о том. После этого я начал кой о чем толковать с христианами и призывать их общими усилиями возвратиться к Церкви ослабевших, так как они ведь Христовы дети, а наши братья, и все мы во Христе как одно тело, в котором все связаны единством жизни; да и язычников помаленьку привлекать к Церкви. А хозяин дома, в котором церковь, Павел Ацуми пригласил двоих язычников, желающих слушать учение, и попросил меня побеседовать; я высказал свое затруднение, так как моя речь пока и для христиан-то не совсем понятна, а тем более для язычников. Но пришлось толковать. Я приблизительно сказал следующее. Если мы внимательно присмотримся к миру, то увидим, что здесь все имеет своего творца; никакая вещь не была бы, если бы ее для нашего употребления не сделал мастер; а если так, то как же существует мир-то вообще? Несомненно, и он имеет свое начало и своего Творца. Этот Творец и есть Бог. Затем, если мы обратимся к своему сердцу, то заметим, что обыкновенно оно или одобряет, или не одобряет наши поступки, да и в других нам нравится только хорошее; и этого голоса мы никак не заглушим, следовательно, он по существу не наш, а дан откуда-то свыше; это и есть действительно голос Божий в нас; он заставляет нас в нашей суете все-таки не удовлетворяться этой суетой и искать чего-то высшего и отличного от этого — словом, он требует иной жизни; это и есть жизнь душевная. В себе мы и видим что-то такое, что невидимо управляет всей нашей жизнью и никак уничтожиться не может; во время сна, например, тело ничего не чувствует, не понимает, а душа и тут живет, почему мы и имеем разные сновидения. Очевидно, душа не уничтожится и после смерти, как тело, которое истлевет. Все это так действительно и есть: душа со смертью освободится от тела и будет жить действительно духовной жизнью у Бога, у Которого только и есть истинная жизнь. Но, очевидно, вблизи Бога и может быть только достойное Его по своей чистоте; а остальное должно оставаться вдали от Бога, где, несомненно, мрак и мука. Как неграмотному трудно понимать книжку, так и далекому от Бога по душе невозможно быть близ Его по жизни. Таковы основные вопросы, приводящие нас к вере в Бога. Все это я говорил подробно и старался представлять как можно проще и яснее; но, кажется, не удалось, по крайней мере Варнава говорит, что это для язычников трудно. Я и заставил его толковать о разных религиозных предметах и между прочим для христиан об Евхаристии и ее

значении для нас, со слов Христа. Только в исходе 12-го часа язычники ушли, а христиане захотели поисповедаться. Здешние в исповеди более самособраны, чем в Кобе. Всех 8 человек. За обедней Адаци сказал поучение; после обеда я не много поговорил, дал несколько назиданий, призвал общими усилиями помогать катехизатору в деле проповеди; дома непременно совершать молитву, а по праздникам собираться в церковь, чтобы была действительно церковная жизнь.

Потом я пошел к рейтану (ослабевшему в вере) Луке Мацумото; но его не застал, а только поговорил немного с его отцом язычником и пошел на вокзал, чтобы ехать в Химейдзи. По дороге заходил и к христианам; все они живут недалеко один от другого; очень добрые христиане, и по настроению действительно христиане. Некоторые приходили провожать и на поезд. В вагоне со мной был и Адаци; я ему и давал наставления, сегодняшней радостью христиан по поводу праздника возбуждая его дух на проповедь, и в заключение сказал: даете ли слово действительно трудиться для Церкви? Он обещал. Относительно вчерашних слушателей язычников он сказал, что здесь много таких-то бывает, — послушает, да так с тем же и останется, ибо не имеет веры.

В Химейдзи только два дома очень хорошие христиане, постоянно и в церковь приходят; я их видел, хотя не всех, так как не заставал; говорил общие назидания, как и другим христианам, и призывал содействовать катехизатору в деле проповеди, привлекая язычников. Заезжал и в дом одной рейтанки, она приняла довольно нелюбезно, во внешней прихожей, и сесть не попросила, так что я стоя и говорил ей о том, что в церковь нужно ходить, причем подробно раскрыл ей значение для нас молитвы, и особенно церковной. А потом спросил, молится ли она дома? Созналась, что нет, хотя молитвослов имеет. Тут она немного стала любезнее и попросила сесть. Я и советовал ей вспомнить то, что она получила и чего лишается, и рассказал случай с Фукасе о том, что верую мы действительно получаем милость и помощь Божию. Она очень удивилась и стала еще внимательнее; не знаю, что выйдет в заключение. А двоих других рейтанов не видел, так как их нет дома. Один христианин приходил и провожать меня. В 4-м часу я уже уехал в Акаси, прежде еще, после обедни в Ка-когава, пославши туда Варнаву, чтобы предупредить там о моем приезде и известить об этом желающих вечером слушать учение. Голова у меня ужасно разболелась, и я с Варнавой в Акаси пошел на морской берег, чтобы разгуляться. Там мы толковали о деле проповеди, и он очень воодушевлялся; говорил, что буддизм есть религия без Бога, а протестанты только еще более прибавляют этого безразличия, так как множество сект у них наводит на сомнение японцев и учит их веровать всякому по-своему, а в существе никак не веровать. Поэтому у них и бывают постоянно и массовые случаи отпадения от веры, чего у нас — нет. Вообще, он мне понравился; видно, что хочет трудиться, а только, может быть, не удастся или не умеет. Отчасти то же впечатление произвел на меня и Адаци; поэтому я, сделавши им обоим по замечанию за леность, постарался возбудить их на дело проповеди; удалось ли это, конечно, сказать трудно.

Головная боль во время прогулки улеглась. С 8-ми часов действительно пришли два христианина и несколько язычников. Я обратился сначала к христианам, рисуя картину возвышенной жизни христиан в Церкви, толковал о молитве. Тем временем собралось язычников человек 11, и я постепенно перешел к общей для них речи. Я отчасти повторил вчерашнее, только в более простой форме, а главным образом говорил о душе и о Боге как личных и неуничтожимых началах, чтобы противопоставлять правильное понятие о них пантеизму буддийскому. По вопросу о душе подробно уяснял ту светлую чистую жизнь, которая нравится нам, но от которой мы постоянно далеки, ибо в жизни часто делаем не то хорошее, а другое дурное. Это плод нашего грехопадения, от которого в нашу природу, созданную чистою от Бога, и вкрался грех как господствующее начало. В этой раздвоенности мы и приходим

невольно к мысли — искать высшей какой-либо помощи против зла, чтобы сделаться лучше; а если наша жизнь от Бога, то и помощь только от Него, создавшего из ничего и могущего снова воссоздать. Так это и есть: все, действительно искавшие и сердечно воспользовавшиеся этой помощью благодати Бога, еще здесь на земле делались совсем иными, чем обычно живущие в суеде и грехе люди; в них ясно действовала сила Божия, возвышая их. Как доказательство этого — их тела оставались нетленными, ибо невозможно истлеть причастному благодати. По вопросу о Боге я толковал о Его Всемогуществе и о том, что Он есть действительная личность, всем управляет, к Которому все мы и должны придти в конце. По вопросу о Его творчестве кратко сказал о том, что теперь и наука приходит в изумление — как Моисей, не имея современных нам научных познаний, мог так правильно и определенно рассказать историю миротворения; очевидно, была другая сила, которая научила его этому; это Сам Бог вложил в его ум такой свет. Один из слушателей после окончания моей речи сказал: я не понимаю, что такое душа? Действия ее мы можем понять, а что такое она, этого не понимаю. Я сказал, что этого невозможно и понять вполне: мы не можем понять и видимых, материальных предметов, а тем более душу, которая так и называется; одно несомненно, что она существует и господствует в нас, в чем легко всякий убедится сам по себе. — Это через самосознание? — Да. — Тут он заговорил о силах души, но и сам согласился, что это особенно важного религиозного значения не имеет, а потому можно сейчас и не говорить. А потом: Бог, по моему мнению, мировая душа (и подробно говорил в смысле пантеизма). — Я и показал ему, что, значит, Он не выше этого мира, а только этот самый мир, а главное: значит, Он не совершенство; ибо как же в мире грех и всякое иное зло? — Он согласился. Я не мог ему объяснить правильно по-японски, что Бог непременно должен быть личностью, отличной от какого-то безличного Его пребывания или разлития в мире; это сделал Варнава, и вопрошатель понял правильно. Он был где-то преподавателем, потом бросил это и теперь шелковод, очень видный и образованный; веры у него нет. Слушал протестантов, но не одобряет их: у них, говорит, веры нет, а только теория, причем всяк толкует по-своему. Я и сказал, что, действительно, истина одна и мы должны веровать в Бога так, как Он Сам нам Себя открыл; если внимательно всмотритесь в православие, то увидите, что оно только таково и есть и оно себя доказало и доказывает самую свою животворную силою (кстати, кратко об отце Иоанне Кронштадтском); теперь и протестанты признают свои ошибки и ищут возвращения к православию. Бог даст, действительно будет одно стадо и Един Пастырь. Сегодня мою беседу понимали лучше, и вообще кое-что осталось у слушателей, и они, благодаря за все, уходили уже в 12-м часу, а один оставался почти до 12-ти; я советовал им слушать катехизатора, когда он придет сюда; они очень желали бы этого. Потом мы еще долго беседовали с Сиката Николаем; он все просит катехизатора; я говорил, что нет у нас их теперь, и просил искать учеников для школы в Осака.

Мая 26/7 июня я был уже в Осака. Здесь в праздник крестилась одна очень хорошая старушка Мария Китадзима и двое ребят. Христиан собралось человек 50, а в Духов день мало, человек 6—7 только. Пришли некоторые совсем неходившие; но не пришли такие, которых я призывал к тому; только некоторые послушали. Приехавши, я часа два спал после обеда и теперь чувствую себя хорошо: устал очень сильно. А теперь вот все пишу о своем путешествии. По японскому языку накопил массу иероглифов, не знаю, когда их и одолею.

Вчера был отец Иоанн Оно; говорит, что отец Симеон Мии только на днях возвратился из путешествия на север своей церкви.

Мая 29/10 июня. Вчера я не мог идти к христианам, так как катехизатор Павел Сакума, оказывается, еще после обеда ушел к христианам и был в четырех домах, возвратился уже ночью. И это хорошо. А сегодня после обеда с Исогаем я ходил в буддийскую тера Хига-си Хонгадзи; весьма богатая тера, вся в золоте; очень обширная, разве немного поменьше Троице-

Сергиевской Лавры Успенского собора. Впереди, по обыкновению, совершенно подобное католическим престолом место, таких три; богомольцев немного; все они, осматриваясь по сторонам и потирая приподнятыми ладошками, твердят ни для кого из них не понятные слова, вероятно, не особенно глубокой и умной молитвы: намаби дам. Некоторые для молитвы приносят особые накидки, похожие на кеса бонзы, только на спину спускаются больше; это похоже на двухсторонний передник. Тут же бросают и гроши свои на храм, некоторые с важностью, должно быть побогаче. Я стоял и думал: и чего ж это они вздумали молиться-то? Ведь нет для них Бога? А учителю Будде разве можно молиться? А если молятся какому-то духу, разлитому во всем мире, то ведь это какая-то мысль или идея, которою проникнут весь мир, — но ведь этому молиться нельзя, да притом же ведь в таком случае это и я сам отчасти; а может быть, и того меньше: думают молиться самому этому бытию мира, ибо, по-ихнему, Бог ведь — душа мира, исполняющая мир с самого его начала, пока он не превратится опять в ничто, в котором был. Но в таком случае зачем же молиться, если ничего не будет? Значит, в существе дела и нет ничто, а только так, временно является, как из трубы дым, который потом снова исчезает в воздухе, как бы превращаясь в ничто для нашего глаза. А ведь вот живут же люди и с таким неверием и шаткостью; вот сила быта религиозного: всякая ложь даже пред лицом положительной истины с трудом уступает ей место, — не потому, чтобы она была сильна сама по себе, а потому, что силен дух человека, воспринявший в себя эту ложь. И нам еще долго придется бороться с глухотой японцев к Слову Христову, пока постепенно не создастся и у нас быт противоположный, чтобы истина не насильовала человека и приводила его постепенно к свободному спасению. А все свободное прочнее, хотя создается и не скоро. А будет время, когда и этот храм будет нашим прекрасным собором и в него будут входить тысячи истинно верующих во Христа Царя неба и земли.

Потом прошли мы в особую громадную комнату для проповеди, там сидели на полу слушатели человек 150—200; пришел старик, очень упитанный бонза, сделал краткую молитву перед идолом, взошел не кафедру и начал проповедь, предпославши ей какое-то воззвание совершенно хриплым и диким голосом, как будто нарочно его так ломая и уродуя; народ что-то завопил и смолк, а бонза начал проповедь; но вся она почти состояла из набора старинных песен, так что даже и Исогай не понял. Во время проповеди бонза ужасно ломал свой голос, иногда как бы плакал, иногда кричал, а вообще говорил все смеясь и смешая; проповедь продолжалась 15 минут.

Оттуда мы пошли недалеко в такую же тера Нисину; эта немного побогаче, но совершенно копия первой. Отсюда мы тоже прошли на проповедь; здесь проповедовал молодой бонза; мы застали уже в середине; он толковал о том, что мы перед Богом как дети перед родителями, так и должны себя вести и очищать себя от грехов, какие имеем. И где он нашел себе такого-то Бога? Да и что за грехи для буддиста? Исогай объяснил, что это самые обыкновенные житейские проступки, а существа духовной жизни, сердца это не касается. Все-таки и у буддиста есть какое-то искание чистоты жизни. Не из христианства ли это они взяли и перевертывают на свой лад? Ведь протестанты ловко вложили японцам мысль о свободе верований всякому по-своему, так как-де это не важно, а важно признание Единого Бога. По временам среди проповеди бонза чего-то мычал, и тогда все принимались тоже что-то твердить и галдеть; тут просыпались многие и многие совсем заснувшие и теперь разбуженные этим гвалтом и воем. После проповеди бонза прочитал несколько слов из какой-то священной книги этого храма, написанной создателем его: это делают в заключение всякой дневной проповеди. Теперь здесь ежедневно в это время бывает по две проповеди; и если ежедневно собираются так, то это очень хорошо для буддизма, значит, у него еще есть много искренних последователей. После проповеди все оставляли на полу деньги. Вот если бы и наши христиане то же делали, то и наше

дело немного лучше было бы. Но пока еще для них все церковное создано чужими, русскими руками, а поэтому к чужому не так и сердце-то тепло относится: все думается, что поправит тот, кто и сделал. Ну да постепенно и это привыется, мало-помалу все будет от их рук, хотя бы в виде малого ремонта, а тогда и сами будут беречь все как свое. Это ведь и в России: если крестьянам построят школу, так они в нее не особенно с любовью и детей посылают, а уж о ремонте нелепо и толковать; не наша, думают, все равно поправят. А вот если хоть плохонькую, да сами мужики себе построят школу, так они за ней и ухаживают.

С 6-ти часов вечера с Сакума я пошел сначала к Ямамото Луке: он крестился, как мне сказал, пять лет назад. Теперь в церковь не ходит и не исповедуется, почему я не скоро и узнал, где он живет; все мои сотрудники оправдывались в своем о нем незнании тем, что он-де отстал от Церкви. У него жена язычница, и, должно быть, строгая в этом. Лука встретил меня в лавке и принял тотчас же благословение; я прямо начал речь с больного для него места: Иисус Христос для нас крест претерпел, а вы, принявши крещение и благодать Божию, пренебрегаете этой величайшею Его любовью; ведь если бы только к родителям вы это показали, то были бы весьма неблагодарным и худым сыном; а для нас Сам Сын Божий сходил с неба на землю. Если бы вы действительно содержали эту полученную вами благодать, то действительно нашли бы ее для себя величайшей силой и вам действительно помогла бы сила Божия. Помните, что мы все умрем и потом должны будем отдать ответ Богу во всем: какой же вы дадите в этом ответ? Икону имеет. Я советовал ему когда-нибудь придти ко мне на дом для беседы, так как, может быть, при жене-то он и затрудняется, да и ребята толпой обступили, так что он должен был их прогнать; советовал и в церковь по временам приходить, а в посту исповедаться и причаститься, и кратко сказал о таинстве Святого Причащения как средстве быть со Христом.

Потом мы прошли к Катадзима Стефану, жена которого в Троицын день получила крещение; я и хотел поздравить ее и передать иконки, но, оказалось, она принимает ванну. Между прочим, японцы вообще весьма не стесняются показываться совсем обнаженными и делают только препоясания; бани у них общие для всех. И, однако, кажется, нельзя сказать, чтобы их нравы были слишком развращены сравнительно с европейской распущенностью, где, например во Франции, население положительно вымирает. Заволновавшейся старухе сказавши, что придем в другое время, мы пошли к Мруяма Фео-доре, но ее не застали дома — висел замок. Прошли к Миямото Хари-тону и Наталии. Они живут весьма далеко от церкви; иногда все-таки будто приходят в церковь; только Харитон в этом году не причащался; оправдывается тем, что хотя пред принятием крещения он и уговорился с хозяином (табачником) по временам давать ему отпуск сходить в церковь, но хозяин язычник все-таки не отпускает и ежедневно заставляет работать; я все-таки советовал как-нибудь да устроить это, потому что без молитвы мы жить духовно не можем, а в посту советовал и причаститься; мы называемся верующими, а потому и должны жить и действовать по этой вере; всякий человек называется от своего труда — плотник от плотничества и тому подобное; так и мы: ведь только для нас пострадал Христос на кресте, чтобы даровать нам Свою спасающую благодать; но благодать хотя и в наших руках, но она может и не спасти нас, если ее мы не принимаем и не пользуемся ею. Например, в моих руках книга, но если я не понимаю знаков, то в ней ничего не пойму, а если постепенно пойму знаки, то пойму и книгу, так и благодать: если мы не будем ею жить, то так и будет для нас не действительна, и напротив. Наталия жаловалась, что у нее грудь болит; я и сказал, что особенно в болезнях мы должны обращаться к Богу, ведь если шкаф испортится, то я его сам не буду поправлять, ибо не могу и не понимаю, я призову мастера, он это хорошо понимает и сделает; так и в начале из ничего нас Бог создал, Он же только может действительно и помогать нам в наших нуждах и болезнях, и к Нему поэтому мы должны всегда обращаться. Если мы действительно с верою будем просить помощи у Бога для чего бы то ни было, то непременно

получим, ибо Бог нас хорошо знает и любит больше, чем родители: сии иногда могут и забыть детей, а Бог никогда не забудет, только бы мы обращались к Нему (рассказывал случай с Фукасе). Просил в разговорах иногда беседовать и с язычниками о Христе, так как Христос для всех принес Крест и всем одинаково нужно спасение. Спросил: где живет Моримура Аввакум с сыновьями Илиею и Иоанном? Он дядя Наталии. Ни отец Сергей Судзуки, ни катехизаторы не видали и не бывали у него, так как-де он в церковь не ходит. Оказалось, что Миямото знает, и указал нам, так что в следующий раз мы можем вдеть и его. Так, Бог даст, найдем всех, сами же христиане скажут о всяком — где он. Они друг друга знают. На обратном пути опять зашли к старикам Китадзима, но старик что-то строгал, так что я помешал и решил два слова сказать да и уйти; старуха весьма радовалась, лицо такое мягкое, доброе; я передал ей иконки Спасителя, Богородицы и Марии Магдалины. Она весьма благодарила; я внушал ей иногда похаживать в церковь (хотя сознаю, что для нее это трудно: живут далеко, да она и старуха уже); она весьма радостно сказала, что по мере сил всегда постарается, вот и теперь послезавтра придет. Попрощался я и ушел; и старик оставил работу и провожал. Около 9-ти часов возвратились.

Сегодня владыка прислал письмо, в котором пишет, что все, что я делаю, пока хорошо, так и следует; отец архимандрит Сергей проповедует в Канда на собраниях, и прекрасно, хотя, пишет владыка, он ничего и не говорит о своих проповедях, кроме обычных благодушных отзывов, например: старушки прекрасно спали, а потом усердно благодарили за слово; это смирение его. Он теперь знаков больше владыки знает, и японские газеты читает свободнее его (пишет владыка). Слава Богу. Мне, вероятно, до этого не дойти; у меня знаки вываливаются из головы, никак не могу запомнить, да и некогда совсем ими заниматься; вот и сегодня их не успел переписать. Владыка приложил письмо некоего Токито из Осацкой Ноогак-коо (средней школы), он хочет слушать учение и просит учителя; по указанию владыки я и советовал катехизатору Иакову Фудзии сходить и узнать сего человека, чтобы потом и самому познакомиться с ним, действительно ли он хочет слушать учение. Да, весьма хорошо бы здесь завести катехизаторскую школу: язычники свои уши раскрыли для слушания, а мы не можем им удовлетворить.

Погода переменяется, идет дождик. Что-то будет завтра.

Мая 31/12 июня. Вчера за бдение собралось человек 30 с небольшим, кроме ребят. Душа моя радовалась и при виде этой скудости, но сравнительно с прежним, можно сказать, некоторого богатства. Я невольно перед Богом встал с одной мыслью: Господи, размягчи сердца всех людей, наипаче же верующих и веровавших в Тебя; Сам просвети наши мысленные очи сердца, дай нам постигнуть силу Твою, сладость общения с Тобой и высоты для сего молитвы к Тебе от глубины души; пусть все искренно стараются придти в храм Твой на молитву к Тебе, а кому действительно недосуг, тот пусть хоть дома-то искренно пожалеет о том, что он не вместе с другими перед Тобою; и так искренно вздохнет перед Тобой, прося Твоей благодати. А тех, которые действием сатаны ослабли в вере или даже и отпали, Сам Твоими только премудрыми для цели средствами направь их снова к Твоему стаду, вложи силою обстоятельств их жизни в сердце их искреннее раскаяние и дерзновенное, хотя и смиренное, моление пред Тобою с искренним желанием возвратиться к Тебе; Господи, ведь это Твое дело, а мы только слуги Твои, работники недостойные на ниве Твоей. Действуй же действительно Сам через нас, как настоящий владыка сего дела, а нам дай Твою благодать, просвещающую, умудряющую, возбуждающую нас на дело Твое; всякому нашему делу и слову даруй искренность прежде всего, а потом оплодотвори Твоею благодатью, да ясна будет всем и верным и неверным Твоя сила, да исповедуют искренно Твое святое имя.

После бдения богомольцы еще долго пели в большой комнате; как сегодня оказалось, это пели новую «Отче наш»; я послал им вчера печенья: все-таки охотнее будут относиться к делу.

Сегодня перед обедней приходил Токито, о котором писал Преосвященный: Фуд-зии еще не было у него, а он сам услышал по расспросам, что и здесь в Осака есть православная церковь, и пришел. Я спросил его, как он пришел к мысли слушать веру; оказывается, сам додумался, что без Бога и истинной веры в Него жить нельзя. Он из Кагосима, где у нас есть даже священник, но учения совсем не слышал; есть отец, мать и брат.

Я сказал ему, что если действительно хочет слушать учение, то пусть навсегда прежде всего запомнит следующее: нельзя спастись только нося имя христианина, а закона Христова не исповедуя и не исполняя в жизни. Это бесполезно, как пройти школу мастерства и не сделать ничего по этому мастерству; нужно потому стараться ходить в церковь на молитву, совершать исповедь, причастие и вообще в жизни свято исполнять учение Христово: наша христианская жизнь совсем иная, отличная от обычной жизни; мы здесь постепенно приготавливаемся к смерти, чтобы потом быть действительными гражданами в Царствии Божием. Он два раза на неделе свободен, а потому так к нему для проповеди и будет ходить Фудзии, который теперь имеет (кроме Мориока) еще нового слушателя. Я советовал и теперь похаживать к нам в церковь, чтобы постепенно присматриваться ко всему церковному здесь. Жаль только, что он живет в школе, которая за городом и очень отсюда далеко.

За обедней было столько же, как и за бдением; двое причащались. Сегодня служба была для меня особенно почему-то радостна: должно быть, продолжение вчерашнего впечатления за бдением, хотя этого ясно я и не сознавал. Слава Богу, это Его дар: моя община начинает собираться. После обедни на собрании я говорил. Сегодняшнее воскресенье — воспоминание всех святых — есть явное доказательство жизненной силы православия: перед нами целый сонм святых как действительных челнов Царствия Божия. Если бы мы видели народ или громадное войско, которое за Отечество или, лучше, за веру положило свою жизнь, то поняли бы, что тут действительная сила, сила любви: по-пустому этого не было бы, то есть такого самопожертвования. И перед нами: одни из святых за Христа претерпели разные беды и лишения на проповеди Его учения для спасения людей, забывая свои удобства и спокойствие, и даже охотно и мужественно претерпевали мучения и смерть, — это святые апостолы; другие претерпели усечение членов и смерть в разных страшных для воспоминания даже видах и формах, опять-таки только ради Христа, — это святые мученики; третьи шли в пустыни и монастыри уединенные и, лишая себя всякого отдыха, совершали дело спасения, — это преподобные мужи; иные вообще в жизни трудились ради спасения, не жалели своих сил и тому подобное. И действительно спаслись: еще здесь в них явна была сила благодати Божией; они были действительно люди, всецело преисполненные и руководимые благодатью Христовой; после смерти их мощи и чудеса для верующих, как доказательство действительности их спасения, а следовательно, они и там на небе получили то, к чему стремились здесь. Это действительно доказательство налицо. Если мы действительно приложим к сердцу все то, что слышим в церкви, то и для нас сила благодати Христовой будет ясна и понятна, действенна. Японскую книгу вы хорошо понимаете, так как раньше употребили усилие понять все знаки и теперь они для вас свои и совсем не тайна; а я ту же книгу держу в руках и ничего в ней не понимаю, так как не постарался понять знаков. Так и благодать для всех действительная сила, но узнают ее силу и живут ею только действительно восприимлющие и принимающие ее к сердцу. Так вспоминая ныне всех святых наших, постараемся подражать им, чтобы и быть действительно христианами, а по смерти в Царствии Божием со святыми.

Потом я кратко рассказал о той радости, с какой христиане собрались для богослужения в Кобе и Какогава, и многие причащались; я советовал и им в этот пост поисповедоваться, посты суть нарочитые дни для покаяния. Конечно, мы всегда должны иметь в сердце покаянное настроение перед Богом, но часто забываем это, а потому хоть в посты-то должны приходиться в

себя и искренно каяться перед Богом. Так побеседовавши минут с 20, я пошел к ребятам в школу. А там регент уже уставил их в ряды для пения. Под скрипку, а сначала под фисгармонию пропели многое — почти все из литургии, а потом кое-что из бдения, очень недурно. Ребятам понравилось. Я ободрял их и говорил, что потом можно будет петь на клиросе (хотя и теперь можно, но пусть постепенно, чтобы выходило как бы мое согласие на их желание, а не мой совет, это будет прочнее потом). Потом я предложил им и угощение на первый раз — дал коробку печенья. В это время приходили и прощались некоторые из христиан, уходившие из собрания. Потом ко мне приходил Кавагуци Петр; в разговоре он мне сказал об одном ослабевшем семействе Цикахара. Их трое, но совсем отстали от церкви. Оказывается, они и в метрику не вписаны и, очевидно, их никто из наших не знает. Кавагуци подробно сказал и их адрес; постараюсь непременно найти и сделаю, что Бог благословит. Ровно с 1 часу было женское ежемесячное собрание; на нем две христианки говорят поучения, объясняя Новый Завет; а потом собирают по 10 или 5 иен с каждой в месяц; на эти деньги помогают разным несчастным или делают нужное для церкви. Сегодня собралось только около 10 христианок; поучение говорила только одна, ибо другая не пришла; потом говорили катехизаторы; но я плохо понимал их всех. Потом собирали деньги; дал и я 1 иену. Сам я ничего не говорил, так как это было бы для меня первое собрание, и я решил только познакомиться с этим делом. К христианам сегодня не пошел, так как катехизаторы уже разошлись, хотя я еще третьего дня говорил о сем Сакума. Рассказавши об этом владыке, я ему пишу.

«Я писал Вам, что в Акаси просят катехизатора. Но к прежде высказанному мною мнению, чтобы постепенно приучать христиан своими средствами участвовать и созидать нужды Церкви, я предлагаю: нельзя ли теперь начать проповедь уже на средства христиан? То есть нельзя ли предложить язычникам Акаси: если действительно желаете слушать учение, то содержите катехизатора и давайте ему на это в месяц столько-то. Может быть, это и затруднит дело быстрого присоединения к Церкви язычников; но зато будет больше обеспечения для дела. Тогда будут слушать только действительно желающие того; а действительно бедных-то и не могущих платить всегда можно найти. Гнаться за количеством крещений ведь для Царствия Божия и для спасения нет нужды; пусть будет немного, да крепко. Как Вы мыслите? И если такая комбинация возможна, то сколько нужно с слушателей на катехизатора?» А потом: владыка писал, что для обучения детей пению можно поправить старую гармонию или купить новую; я пишу: «пока погодим немного и поправлять, и новую покупать. Посмотрим, как это дело привьется и пойдет; тогда можно будет и сделать нужное; а теперь желающие бренчат и на этой скрипучей машине».

Июня 1/13 вечером ходил к Маруяма Феодоре; она с дочерью занимается расчесыванием женских волос и потому будто бы за много-деланием не имеет возможности приходить в церковь; я ей сказал, что так и совсем уйдет из Церкви, ибо если сегодня да завтра да послезавтра чего-нибудь не сделать, то потом уж и по привычке не сделаешь, а потом и совсем к этому охладеешь; так помни одно, что все мы умрем, а потом ответ перед Богом: что же мы скажем Ему о своем удалении от Него? Итак, по временам хоть по очереди приходите в церковь, а в этом посту непременно исповедайтесь. Хотя во время моих слов даже прослезилась (чего я еще не встречал), но слишком черствая натура; впрочем, я, может быть, и ошибаюсь: мне так показалось по наружности. Мы спросили ее о Цикахара, о котором вчера сказал Кавагуци; и она знает такого христианина и приблизительно указала место его. Мы и пошли его искать, но все наши многочисленные расспросы по улице не привели ни к чему; никто ни знает здесь такого. Может быть, Кавагуци немного ошибся; спросим еще у него и найдем-таки. Мы и пришли к Кисимото Акилине; она только с сыном школьником Кириллом; ведет небольшую, но весьма бойкую торговлю; говорит, что она и отлучиться не может; разве в субботу вечером может, и

действительно в эту субботу приходила; я говорил, что ведь это для спасения души, а поэтому хоть иногда, да прекратить торговлю в праздник, чтобы придти в церковь на молитву; а в посту непременно исповедуйтесь, тем более, что в этом году еще не исповедовалась. Кирилл в воскресную школу посылает, но так как очень далеко до церкви (и действительно весьма далеко), то один-то затрудняется; я советовал хоть дома прочитывать Евангелие и непременно утром и вечером совершать молитву, иначе сердце постепенно охладает к Богу. Она, кажется, все-таки хорошая женщина, только, конечно, не хочется терять доходу, закрывши в праздник лавочку. Авось внемлет и воспрянет. Потом прошли к Сираю Андрею, — доктор, очень ревностный христианин, почти всей семьей всякий раз за службой. Я призвал его и других побуждать к Церкви; ведь только в этом и дело; мы здесь только временно, а потом перейдем к Богу, и если достойны, то будем жить в Его Царствии, а если нет, то во тьме и муке. Итак, кроме этого нет никакого другого смысла в жизни; мы должны постепенно восходить к Богу. Так как все эти ослабевшие не проходили молитвы как следует, то и не понимают, что только в ней и радость истинная, ибо ведь мы с Богом живем в ней. В половине 10-го часа возвратились.

Июня 2/14. По случаю дождя я не выходил к христианам, а воспользовался этим свободным вечером для ванны. А сегодня сначала мы прошли к Накаяма Анне. Муж ее язычник, старший сын протестант. Муж протестантов слушал, но остался при своем. Анна в церковь не ходит, в этом году не исповедовалась; говорит, что трудно ей выйти; детей семь человек, да и далеко очень (действительно, совсем на краю города). А нам говорят, что и муж-то этому препятствует; я этого не нашел: он нас встретил и тотчас же сказал об этом жене и выслал ее; она очень внимательно с удовольствием слушала мои слова. У нее есть вверху и икона и масло; на Пасху она решила непременно быть в церкви, но, к сожалению, заболела. Я говорил ей, что как-нибудь нужно постараться, чтобы по временам приходила в церковь. В посту советовал непременно исповедаться и причаститься: мы постоянно должны помнить о своих грехах и каяться перед Богом, но за многодлительным часто это забываем; поэтому хотя в посты-то непременно должны придти к Богу и покаяться. Советовал беседовать и с мужем об учении; она очень сожалеет, что семья такая разношерстная по вере: она сама от рождения жила в христианской семье и была христианкой. Так как она не имеет календаря и молитвослова, то я и обещал выдать ей их, когда придет в церковь. Отсюда мы прошли к Ока Нине; муж в прошлом году умер язычником; дочь большая Ольга, да мальчик родился в Японии, еще не крещен; я и советовал в посту крестить. В церковь не ходит, так как одиноки, да и далеко; я повторил сказанное у Накаяма и прибавил: мы всегда близки к смерти, это и должны помнить; после смерти придем пред Бога, и какой ответ Ему дадим? Вот сегодня мы совершали панихиду по некоем Тите Уцикава; он в церковь давно не ходил, не исповедовался, да так и умер; вот такого-то конца мы и должны бегать. А это и будет: сегодня для Бога поленился, да завтра некогда помолиться и тому подобное, а послезавтра и по привычке одолеет лень и слабость, так и совсем отвыкнем от Бога и молитвы к Нему, сердце упадет духовно. Должно быть, это задело за живое, так как Нина прослезилась даже. Я и советовал им по временам хоть по очереди ходить в церковь. Потом мы прошли к Массуи Марине, которую прежде не застали; ее сын Антоний живет в Кубе. Она очень бодрая женщина, знает многих христиан. В церковь не ходит, так как постоянно на работе, да и одна совсем в доме. Я ей, между прочим, говорил: ведь нам бывает весьма приятно, если наши дети очень хорошие; тем более Богу, если мы действительно Его хорошими детьми бываем. А действительно совершая церковную жизнь, мы и живем с Богом, по Его слову: ведь сколько радости для вас, если соберутся к вам ваши друзья и родственники; тут забыты все печали; так бесконечно больше радости в истинно церковной жизни христиан; между ними Христос действительно. Этим и сильны были первые христиане, и среди гонений сохранившие крепкую веру, которую вот и мы теперь приняли, а поэтому должны ее сохранять и ею действительно

жить, так как и называемся мы верующими. В посту советовал непременно исповедаться. Советовал в разговорах с язычниками мало-помалу разговаривать и о Христе, так мы совершаем дело спасения людей, ради которого все от Бога сделано. В прошлое воскресенье она была за бдением, так как вечером иногда свободна. Около 10-ти часов возвратились.

Вышеупомянутого Тита никто из наших не знал; а когда он третьего дня умер, то дальняя родственница его Маруяма Феодора (о которой я писал прежде) и сказала об этом отцу Сергию; он и совершил погребение, а сегодня панихиду. Приходили и дети его язычники; им он и разъяснил немного смысл всего этого дела молитвы; семья совсем бедная. Я советовал отцу Сергию в воскресенье разъяснить христианам, как опасно ослабевать в деле веры: ведь мы всякий час можем умереть, тогда что же сможем сделать для себя? А церковь, как истинно любящая мать, вот как любит своих чад: она и по отошедшим от нее и отвергнувшим ее любовь молится; следовательно, как нужно дорожить этой ее любовью! А потом советовал призвать на общую молитву и совершить панихиду.

О панихиде по покойному Титу я и не знал бы, если бы случайно не зашла ко мне Маруяма Феодора; она мне и сказала.

Июня 4/16 принимали от Миками Георгия его бумажную работу во всем доме; все сделал исправно и красиво. После выдачи ему денег за работу (62 иены) я немного побеседовал с ним и с отцом Сергием. Теперь и церковь стала весьма красивая, в ней и молиться-то будет приятнее; поэтому христиане исправно должны теперь собираться на богослужение. В России из дальних деревень христиане приезжают целыми семьями в церковь, дома оставляя только кого-нибудь одного из семьи; в обыкновенное воскресенье в церкви дышать трудно. Конечно, летом и там не так исправно, как зимой, приходят в церковь, так как уезжают верст за 10 на покосы и там живут всем домом. По умершим почти постоянно правят службы (сорокоусты), старушки постоянно собираются на молитву. Вот хорошо бы, если бы и наши христиане не оправдывались дальностью расстояния до церкви и всячески старались приходить сюда. Конечно, здесь еще вообще не привыкли к церковному, так как дело новое, да и живут-то среди язычников; поэтому, например, детей не торопят крестить сразу после рождения, как это в России, где иногда и в непогодь батюшка идет к новорожденному. Но тем крепче мы и должны содержать и проявлять свою веру, так как называемся христианами, а живем среди язычников, которые, несомненно, на нас смотрят и если не видят веры в нашей жизни, то, конечно, посмеиваясь на это указывают и соблазняются принимать христианство. Это можно и по себе сказать, если себя поставить на место язычников. Миками очень хороший христианин, постоянно поет на клиросе и вообще для Церкви старается.

С 3-х часов идет дождь, и я сижу дома.

В настоящее время среди французского католического духовенства происходит противоположное движение. К этому движению примыкает все более и более членов духовенства, и, например, в самое недавнее время один из священников бовейского диоцеза — кюре Бурдери обратился к своему диоцезному епископу с заявлением о сложении с себя сана, сопровождая его следующим письмом (от 7 апреля н. ст.): «Монсеньер, искреннее призвание привело меня к священству в католической религии, которую я считал религией Христа. После долгого и серьезного изучения догматов и учреждений этой Церкви я должен был признать, что я не был уже католик и не мог долее оставаться священником... Для меня стало долгом добросовестности не заведовать более управлением вверенного мне вами прихода. Поэтому я вручаю вам сегодня просьбу о моей отставке. Перед Богом могу засвидетельствовать, что в течение всей своей священнической жизни я добросовестно распространял и развивал христианские чувства в душах. И с целью продолжать то же самое дело я отлагаюсь от вашей Церкви, которая — католическая, но не христианская. Сын Божий, открывшийся моей душе,

жаждущей жизни и истины, да утешит тех, кого я оставляю. Позже они поймут, каким глубоким убеждениям я последовал. Они поймут, как и я, что самый принцип общественно-католической организации есть не что иное, как торжество иудаизма и духа римского властолюбия над христианским принципом сыновнего благочестия и свободы чад Божиих, и они не осудят меня за то, что я порешил освободить мою веру и утвердить свободу моей религиозной совести против Церкви — слепо властной и угнетательной. Сын Божий да даст мне утешение и помощь. Совершаемое мною отпадение не прошло без тревожений, без тяжелых жертв. Но человек должен исполнять свой долг, и будущее принадлежит Богу. Так как я добросовестно исполняю мой долг, то все упование возлагаю на Бога, владыку будущего. Усердно прошу, монсеньер, простить меня за неприятность, которую я причиняю вам, и принять выражение моих почтительнейших чувств. Е. Бурде-ри» (Церковн. Вестник, 1898 г., апрель, 16 ч., № 16. «Летопись церк. и обществ. жизни за границей»). Только сегодня — июня 5/17 — я прочитал это. Как жаль, что все подобные оторвавшиеся от берега ошибок и заблуждений ничего не знают о настоящей истине, которая есть наше вселенское непогрешимое христианство. А в этом, грешным делом, виноваты мы сами: мы не возвестили миру наше истинное сокровище, вверенное нам Самим Христом Вседержителем. Вот подобный человек сам натолкнется как-нибудь через вторые, а то и через третьи руки на слух о каком-то будто бы православии и самостоятельно действительно дойдет-таки до православия, подобно протоиерею Владимиру Гетте.

Перед самым обедом отец Сергей привел проезжего христианина из Тойохаси — Петра Танака; он очень ревностный к Церкви; да и вообще там весьма прекрасная по духу церковь. Я советовал ему заботиться всячески о том, чтобы и язычники слушали слово о Христе, так как спасение для всех важное и единственное дело; а среди японцев ведь многие совсем ничего и не слышали о Христе; поэтому в разговорах нет-нет да и побеседуйте о Христе: авось кто-нибудь и серьезно заинтересуется и поймет это слово. На прощание на память я дал ему маленькую иконку Богородицы. Он просил меня когда-нибудь приехать и к ним в церковь. Я выразил и свое на то желание сердечное. Там священник Матфей Кагета, — ему я просил кланяться от меня.

Владыка пишет от июня 3/15: «В Какогава 15 лет назад было 7 христианских домов, а теперь 9», — «но вот то-то же и есть, что катехизаторы — вроде Адаци, — а лучших где взять? А без катехизатора Церковь и совсем бы замерла. Поэтому Симидзу и Адаци Вы журили

совсем не жестко, — не смущайтесь, — а, быть может, еще очень мягко. Во всяком случае, Вы, как видно, несколько оживили и подняли их: да не будет труд Ваш тщетным. Дневник отца Иоанна Кронштадтского переводится и скоро будет печататься в «Сейкёо-Симпо». Вчера он с отцом архимандритом Сергием уехал в Хакодате — узнать, останется там священник отец Петр Ямагаке или другого ждать? Через неделю владыка вернется, а отец Сергей проедет в Мориока и Сен-дай — видеть христиан. За неделю или в продолжение недели просит меня приехать в Токио. Дней через 10 после собора владыка с отцом Сергием думает посетить церкви в Хоккайдо — в Немуро, Сикотан, Саппоро и др.; а в это время идут маленькие ремонты в миссии, так что хозяин должен быть. Владыка и предполагает, чтобы я там в это время заменил его; советует захватить и Ремингтона. Увидим и посоветуемся с ним обо всем.

Июня 5/17. В 6 часов с Сакума я пошел к христианам; заморосил дождик, да и перешел в порядочный; по грязи мы кое-как дошли до Марины Цуцуми; у нее сын Андрей и бабушка Сусанна (80 лет). На мой вопрос: почему не ходит в церковь? — Андрей сказал, что ходит в протестантскую церковь, так как присоединился к ней. Я сначала слышал, что в католическую, и стал толковать о ереси папства как главнейшей ереси, искажившей все христианское в католичестве, поставившей на место Христа — Бога простого человека, который, конечно, нас не может спасти. Но тут начал говорить катехизатор, и я понял и сказал,

что неправильно выслушал, и потом сам кратко сказал, что у протестантов всяк может верить по-своему, а следовательно, и веры нет, потому что Бог Един и веровать в Него все должны одинаково, а если различно, то это только мое или другого человека понимание Бога или того, что каждый называет Богом. Это теперь и протестанты сознают и ищут соединения с православием, для чего недавно из Англии даже епископ в Россию приезжал, и из России потом в Англию ездил епископ. Веры в святых и молитвы им протестанты не признают; а между тем мы имеем мощи их чудотворные, а равно и разные чудотворные иконы, от которых христиане по вере получают благодатную помощь; ничего этого нет в протестантстве, а следовательно, где же его сила сравнительно с православием? Молитвы за умерших они тоже не признают, а, несомненно, мы всегда будем молитвенно вспоминать своих умерших родственников, ибо любим их... Катехизатор добавил, что протестантство и существует только с Лютера, отпавши от католичества. Я указал еще на чудеса как на признак действительной силы истины православия и рассказал о Фукасе, прибавивши: это только одно чудо, а вообще Православная Церковь ими преисполнена, и если мы действительно с верою будем просить у Бога, то и для нас благодать будет действительною силою. Я сказал ему, что это дело первой и единственной важности, а потому и делать его нужно не торопясь, а всесторонне обсудивши, чтобы вместо слова Божия, вместо истинной веры Христовой не принять простого человеческого размышления. Мы приглашали его для бесед приходить в церковный дом. Марина тоже в церковь не ходит, а в этом году и не исповедовалась: говорит, что все недосуг. Я и говорил, что для посещения знакомых или для обеда находит же время; так непременно нужно найти и, конечно, можно найти время и для молитвы, ведь это единственное дело, ведь это спасение души; если не трудиться, то, конечно, не будем и вблизи Бога, а вдали во мраке. Я советовал по временам похаживать в церковь, а в посту непременно исповедаться и причаститься. Старуха Сусанна что-то долго толковала, как будто радуясь, что я пришел, да я так и не понял многого, да и она толковала бы без конца; я попросил ее на молитве молиться и о мне, распротился и ушел; она иногда похаживает в церковь, несмотря на свою старость; очень сейчас сожалела, что в Пасху не могла быть в церкви, хотя и собиралась. Славная старушка, как ребенок. На улице было грязно и очень холодно; мы взяли куру-ма и поехали домой, около 8-ми часов возвратились. Погода похожа на осень. Что-то будет завтра; как мне ехать в Кобе, так непременно ненастье. Да и христиане-то, пожалуй, не соберутся, если будет скверная теперешняя погода; не придут и на фудзинквай⁵, познакомиться с которым я и еду завтра.

В 4-м часу приходил христианин Исикава Павел; я у него еще не был; он в церковь не ходит и, по обыкновению, отговаривается недосугом. Я говорил о единственной важности дела нашего спасения перед всяким делом; ведь для посещения знакомых находят же время или для обеда непременно найдут досуг; а после смерти дадим ответ во всех своих прегрешениях и удалены будем от Лица Божия. Только называться христианином, а ничего христианского не иметь, это не христианство. Нужно стараться восставить в себе веру и ею действительно жить. Кажется, довольно холодный человек.

В 5-м часу я выехал в Кобе, а в 7-м был там. Погода после проливного утреннего дождя установилась прекрасная. Я в первый раз хорошо наблюдал прекрасную живописную природу по дороге в Кобе. С одной стороны море с виднеющимися вдали островами, а на нем многочисленные пароходы и парусные суда, большие и малые; так бы и прокатился на пароходу по этой гладкой поверхности его; но вспоминаешь мучительные дни из морского путешествия до Японии, и это желание превращается в пыль; остается опять только спокойно, смиренненько любоваться на грозное море. А с другой стороны — зеленые горы, для глаза являющиеся как бы мягким ковром, на котором так бы и полежал среди природы; горы как бы купаются в каком-то особенно мягком голубоватом эфире, — таков здешний воздух; картина, довольно приятная для

глаз, умягчающая сердце. Горы обрисовываются в весьма разнообразных и причудливых формах, по местам на них громоздятся дома и мелкие деревеньки; под ними расстилаются сжатые поля пшеницы и заготовленные, покрытие водой, как болота, поля для риса; местами в этих болотах, вероятно с немалым удовольствием (ибо рис — главное богатство и радость японца), крестьяне сажают корни риса в грязь. Такова обыкновенная довольно грязная работа с рисом. Эта горная природа здешняя живо перенесла мою мысль на Кавказ и в те дорогие мне места, где я прожил предыдущие два года, особенно Ардон и вообще Осетию.

С 8-ми часов начали бдение; христиан собралось только 10 человек, но пели очень хорошо. Симидзу после бдения говорил поучение о посте Святых апостолов. Я в заключение и сказал, что в следующее воскресенье приедет для исповеди отец Сергей Судзуки; поэтому кто в этом году еще не причащался, а равно и причащавшиеся, пусть приготовятся к исповеди; просил об этом сказать и всем христианам. Бдение кончили около 9-ти с половиной часов; в 11-м часу христиане разошлись; остался только один протестант Мацуда, почти постоянно приходящий в православную церковь на вечернюю молитву; он прекрасно знает превосходство православия перед протестантством, но прожил там уже более 20 лет и привык, очевидно. Я говорил ему, что в протестантстве не вера, а соображения ума человека, и притом всякого человека по-своему, ибо в этом отношении свобода — принцип протестантства. Протестанты не признают молитвы святым, а между тем мы православные имеем их мощи, очевидно прославленные благодатью Божией; как же не молиться святым, очевидно богато наделенным благодатью Бога, вблизи Которого они и живут? И христиане по вере действительно получают помощь Божию через святых. Затем, своих родителей и родственников умерших, по любви к ним, мы, несомненно, всегда помним и в молитвах от сердца вспоминаем; и этого протестанты тоже не признают. Да и вообще Православная Церковь преисполнена чудес как явного признака живущей в ней благодати Божией, чего нет в протестантстве. Так как Бог Един и Христос и учение Его одно, то и вера наша должна быть одна, как открыл ее Бог Своей Церкви; для уяснения и подробного раскрытия ее в первые века были Вселенские Соборы, и они действительно все это подробно объяснили; а яснее это изложили святые Отцы, действительно жившие этим Христовым учением и, следовательно, жизненно прекрасно его усвоившие и понявшие. Этого не признают протестанты и предоставляют веровать в Единого Бога как кто хочет и может. А это, конечно, не вера, а неверие; эту коренную ошибку и ересь сознают теперь и протестанты англикане и ищут единения с нашей Церковью (рассказал кратко о сношениях по этому вопросу двух Церквей). Он жаловался на то, что мало среди японцев искренних христиан, которые бы действительно свято исполняли учение Христово: попроси, например, бедной помощи, и редко кто подаст ее, а о том, чтобы и рубашку последнюю отдать ближнему, об этом нечего и говорить. Я сказал, что есть и весьма самоотверженные христиане; а если не все таковы, так это сразу-то и трудно. Вот мы все, ревнители о церковном деле, и должны позаботиться, чтобы внедрить в сердцах и жизни христиан учение Христа. Оказывается, он староста у протестантов, и очень ревностный; побудил устроить больницу для бедных и сам главным образом постарался для этого, отчего теперь даже и обеднял. За литургию к нам не может придти, так как в 10 часов у них тоже богослужение и он обязательно там бывает. Он ушел от нас только в 12-м часу. После, по поводу статьи в нашем журнале «Сейкёо Симпо» о трудностях проповеди для православия, в которой, между прочим, указывается и на плохую обеспеченность катехизаторов, я говорил, что вместо этих праздных слов сами японцы — священники и катехизаторы — теперь должны стараться пробудить христиан к содержанию своими средствами своих учителей: будет время, когда Церковь еще расширится, а средства из России останутся все те же; позаботиться об этом должны сами же японцы: нам русским говорить об этом неудобно. А Русская Церковь уж, кажется, достаточно помогла, теперь нужно и самостоятельно приниматься помаленьку

здешней Церкви. Симидзу говорит, что все это прекрасно сознают, но средств нет. Я сказал, что буддисты содержат же и свои храмы, и духовенство своими пожертвованиями; после проповеди обязательно оставляют деньги. В России духовенство живет исключительно на приношения христиан; там кроме того за каждой службой с христиан собирают еще и на церковь, и всяк старается положить хоть немного. И здешние христиане помаленьку да постепенно могли бы содержать и церковь и духовенство.

Ночью ужасно мешали крысы, которых здесь весьма много, и весьма большие: когда упадет, то похоже на величину кошки. Мы заложили все дыры, так что к нам попадали только мыши.

Литургию начали только в 10 часов; все поджидали христиан; но их пришло только около 10 человек. Сначала я весьма припечалился, а потом размыслил, что собравшиеся, очевидно, хорошие христиане, что постоянно бывают за богослужением, и решил, что если Бог из-за 10 праведников не хотел погубить большого города Содомы, то, значит, можно трудиться и ради немногих верующих: постепенно и остальных Бог приведет к Себе, была бы только наша вера да дело на то. Хозяева дома церковного язычники, но были в церкви все время. После литургии Симидзу говорил поучение о первых апостолах, по первому зову пошедших за Христом. Потом и я сказал по поводу этого сегодняшнего евангельского чтения, что и мы теперь только начинаем здесь христианство, а поэтому, подобно апостолам, должны свято его соблюдать, чтобы положить прочное начало и расширить его всюду. Сила и судьба христианства вообще чудо. Вот почти две тысячи лет тому среди иудеев ходил по видимости простой плотник, помогавший старику Иосифу, — Иисус; Он по виду ничем не выделялся из толпы; и учение Его было просто: Он призывал к покаянию, к вере в Евангелие и во Христа Спасителя, каким и называл Себя. Но в Нем действительно была сила Божия: он исцелял всяких больных. Но эта сила внешняя, хотя она и привлекала к Нему толпу и заставляла считать Его необыкновенным человеком. Была сила более существенная, это — внутренняя сила Его учения и всего Его дела, спасительного для нас. Он ради нашего спасения действительно от злобных фарисеев даже крест претерпел и действительно сделался для нас Спасителем. Апостолы и поняли эту Его силу и действительно всецело последовали навсегда за Ним. И вот эти-то совсем бедные, незнатные и неученые рыбаки потом, обходя с проповедью народы, всюду побеждали силою Божью всех им противостоявших. И потом, много мы имеем святых, которые ради того же учения Христа, ради спасения претерпели мучения и страшные даже для воспоминания виды смерти; иные удалялись в пустыни и, забывая свой покой, трудились ради спасения и тому подобное. И они действительно достигли того: еще здесь они были всецело руководимы вселившеюся в них благодатью, почему их жизнь и была совсем иная, благодатная, высокая; а после их смерти мы имеем их святые мощи, от которых ради молитвы по вере получаем благодать Божию. Это чудо: благодать всецело изменяла их еще на земле и делала сильными своею силою. Теперь в Греции и России мощей святых очень много, и на поклонение им христиане издали приходят. Вот и мы должны стараться, чтобы учение Христово действительно исполнялось нами в жизни: язычники, конечно, зорко смотрят за нами — как мы живем. И если не видят у нас в жизни этого учения, то, конечно, соблазняются и в Церковь, конечно, не приходят. Вот, вспоминая сегодня обращение ко Христу первых ревностных Его последователей, и мы постараемся возыметь их ревность.

Потом я толковал об облачении для здешней церкви; кажется, сошьют, хотя не дорогое, из японского шелка. Они теперь сшили завесу, чтобы в обыкновенное время отделять ею место алтаря от комнаты. Помаленьку устроим. Обед приготовили рыбный прекрасный, хотя японский. С 1-го часу предполагалось женское собрание для объяснения Евангелия; но начали только уже в 3-м часу; было 6 женщин и двое мужчин; это очень хорошие христиане. Они

читают стихи для объяснения, а потом катехизатор предлагает кому-либо объяснить. Если нужно дополнить или поправить, то после он сам говорит, очень определенно и ясно, хотя и кратко. Объясняли из нагорной беседы [Матф. 5](#) гл., 13—20 ст. После окончания объяснений, по предложению и просьбе катехизатора, и я сказал: христиане действительно соль и свет для всего мира; мы сохраним истинное учение Христово, возводящее нас на небо к Богу; если мы действительно его будем исполнять в жизни, то оно для нас будет истинным светом и все люди ради нашей доброй жизни придут к Богу и прославят Его. А об этом мы, конечно, должны стараться: ведь приятно нам, когда наша семья или наш дом разрастается; так и относительно Церкви: ведь в ней совершается спасение всех людей, а потому мы всячески должны приводить неверующих к вере; поэтому в разговорах беседуйте о Христе, чтобы постепенно приводить к Церкви новых членов.

Наше назначение высоко: мы призваны жить с Богом, в Его Царствии, а для этого непременно должны себя приготовить, ибо грешному, недостойному жить с Богом нельзя, как нельзя быть вблизи Императора обыкновенному человеку; и мы должны очищать свое сердце и вообще жизнь от всего скверного, — напротив, усвоить все святое. Если я хочу жить в японском царстве, то все силы употреблю, чтобы научиться говорить по-японски; так и относительно спасения: если мы действительно желаем быть чадами Божиими, истинно верующими во Христа, чтобы потом войти в Царствие Божие, то для этого и должны стараться всеми силами, постепенно восходить своим духом и жизнью к Богу. Мы все сообща должны делать церковное дело, так как перед Богом все мы братья и как бы одно тело и по сотворению от Бога, и по спасению во Христе; а как в моем теле болезнь одного члена чувствует все тело и другие члены помогают к уничтожению болезни, так и мы все сообща должны делать дело и помогать друг другу материальною или духовною помощью, советом убитому горем. Евангелие в часы досуга постоянно читайте: это Слово Божие, нам завет; а ведь и завет родителей для нас дорог, и мы постоянно его стараемся припомнить; тем более это о законе Божием. В заключение сказал, что если теперешнее их собрание и небольшое, то унывать не следует или бросать его, а продолжать ревностно и располагать постепенно к тому же других: всякое дело делается с маленького; апостолов было только 12 человек, да Церковь процвела. Так и здесь Бог поможет, только нам нужно искренно стараться ради этого. Советовал и женщинам помаленьку приниматься за объяснения Евангелия на собраниях, чтобы привыкнуть отчетливо все понимать. Пропели «Достойно есть», я пожелал, чтобы они трудились для Церкви и ее распространения, благословил их и отправился на поезд; все пошло меня провожать и весьма благодарили за посещение. Вообще, эти собравшиеся христиане очень хорошие; значит, зерно есть, а колос выйдет благодатью Божией. Один христианин даже провожал до следующей станции в поезде. Сегодняшняя моя беседа была очень понята, по словам Симидзу; вообще, по его словам, моя речь становится все более и более понятной для японцев.

Дорогой опять я любовался природой, но оставил это праздное мечтание, взял японское Евангелие и прочитал из Матфея 26 гл. — понимаю почти все прекрасно. В 5 с половиной часов вечера я был в своей квартире. По словам регента Исаака Масуда, сегодня за богослужением в хору пели уже и ребята (6 человек), и не дурно; им это понравилось очень, а равно и христианам; после обедни он опять пел с ними; значит, это дело настраивается; слава Богу. Христиан собралось до 40 человек. И это прекрасно. Часов в 7 вечера, когда я писал этот дневник, отец Сергей привел ко мне проезжего токийского из Канда христианина Канда Матфея; он с женой и маленькой дочкой, которая, помню, ожидая нашего к ним прихода с отцом Сергием, и гулять не выходила целый день. Этот христианин староста среди христиан. Он сознался, что сравнительно с прежним я теперь умею говорить по-японски и понимаю.

С Варнавой Симидзу я говорил и о слушателях учения в Акаси; но он сказал, что

настоящих-то слушателей и немного, а остальные так, из любопытства пришли тогда слушать, тем более, что интересовались послушать русского симпу, да еще только начинающего говорить по-японски. А о Сиката Николае он говорит, что тот вообще любит все преувеличивать и торопливо делать; так будто бы и относительно сказанного им количества желающих слушать учение. А не говорит ли в этих словах самого Симидзу нежелание ездить для проповеди в Акаси? Во всяком случае, я посоветовал ему несколько раз съездить туда и написать мне подробно об этом после. На случай, если он затрудняется в средствах на проезд, я дал ему 1 иену, хотя он и отказывался, но, вероятно, стесняясь только.

Сегодня июня 8/20 я сижу дома, так как катехизаторы ушли уже; зато я переписал и просмотрел все иероглифы. Весьма трудная это история. Выученные постоянно забываю, а переписываемые с трудом запоминаю. Вечером приходили два гийю Накано и Намбу (они собрались совещаться о сборах на собор в Петров день в Токио). Я рассказывал им о том, как заботятся русские люди о своей церкви, — как о своем доме; за службой собирают деньги на церковь; конечно, всяк дает по силам, богатый дает и много; всякий почти ставит непременно свечку; и таким образом собирается доход для церкви помаленьку. Церквей много и большие, к службе весело звонят в колокола — душа радуется; собираются в церковь, особенно зимой, весьма тесно, так что дышать трудно. Рассказывал, как проводят день ученики Ардонской семинарии, в которой я был в последний год, и высказал пожелание, чтобы и здесь создать такую же школу.

Июня 10/22 с 6-ти часов вечера с Сакума я пошел к Исикава Павлу, который был у меня в субботу; у него сын Тимофей; но его не застали. Почему не ходит в церковь? Далеко. А выйти к приятелям или их у себя принять — это не далеко, хоть бы на край города было идти, и время для этого найдем непременно. Это только отговорки, а дело нужно прямо говорить: просто поизленился человек и позабыл все, а может быть, теперь даже и непонятно все церковное дело, нет в нем никакого блага и радости спасительной. Так и все у нас: если что-либо сегодня не сделать, да завтра поленишься и так далее, совсем это позабудешь делать. Так вот с вами и относительно церкви и молитвы; конечно, и дома молитвы не совершаете, да и иконы-то нет у вас, нет и молитвослова и Евангелия; так вы и удалитесь постепенно от Церкви, а следовательно, и от Бога. А после смерти ведь дадим непременно ответ перед Богом во всем: что же мы скажем Богу о своей лености?

От Него ничего не скроешь; да и теперь от нас можно утаить истину, а Бог все прекрасно понимает и видит, поэтому напрасны всякие отговорки. Он, тотчас же сознавшись во всем этом, поторопился в сторону и говорил о том, что вот в Нагасаки протестанты хорошо собираются в церковь, видно, что у них вера есть, что они действительно христиане; потом толковал, что так как отец Сергей Судзуки не мастер говорить поучения христианам (какие — я не понял: в церкви ли или к христианам не ходит для поучения на дом), то и в церковь ходить не любим и не хочется. И благодати не получаешь никакой, так и не хочется приниматься за молитву. Я сказал, что если мы не будем искать этой благодати, то и не получим: не буду я читать книжку, и не пойму ее никогда, и наоборот. Если я хочу войти в дом, то стучу в дверь и мне отворят для входа; так и благодать: не молись, так и не получишь, а и последнее растеряешь. Благодать для нашей души что хлеб для тела: не питай его хлебом, оно постепенно дойдет до смерти от слабости; и душа без молитвы и благодати умрет и не поймет ничего духовного и божественного. Святые отцы в пустыню удалялись и, забывая свой покой, только трудились ради спасения и действительно достигли его. А вы теперь совсем и не понимаете сего, ибо и не трудились для сего; а между тем все только к этому спасению души и должно клониться, так как другой жизни нет, как только жизнь с Богом в Его Царствии, а иная жизнь есть мука и тьма бесконечная. Для этого-то и нужно непрестанно трудиться; а только называться христианином, в этом толку мало.

А он: после этого я буду трудиться. Я: конечно, вы сами должны воспрянуть, иначе никто вас не поднимет, как не поднять вас утром, если вы сами не хотите вставать с постели. А это вечное дело; воспряньте же духом и трудитесь; по временам приходите в церковь, в посту исповедуйтесь; это же скажите и сыну своему Тимофею, ибо и за него вы ответите перед Богом, так как он сын ваш. В воскресенье, если вы придете в церковь, я дам вам молитвослов, календарь и иконку. Купите Евангелие, оно для вас не дорого, а в нем воля Божия для нас, — если мы почаще или всегда будем почитать его внимательно, то постепенно пойдем волю Божию, она для нас будет близка; а не приняться за дело, так, конечно, никогда не поднимешься к Богу. Но, вероятно, он высказал желание трудиться только для того, чтобы выпроводить нас поскорее, уж очень не искренна у него физиономия. Впрочем, увидим.

Потом прошли к Циба Анне; он Хакодатская старинная христианка, прежде была учительницей в нашей женской школе; у нее молодой племянник Павел, женат на язычнице, теперь слушающей учение. Есть маленькая иконка, но стоит на столе внизу; я посоветовал ее повесить, чтобы всякий видел и мог перекреститься при входе: таков православный русский обычай. Теперь жена Павла в больнице; почему — будто бы — и не могли ходить в церковь; недавно сделалось ей лучше; я и советовал теперь-то похаживать по временам хоть по очереди и говорил о важности молитвы для нас как средства постепенно восходить к Богу. Говорил о том, что постепенно можно и совсем охладеть к вере, а ведь только в вере и спасение своей души и жизнь. Они предложили арбуза; мы попробовали и ушли; но так как было уже около 9-ти часов, то пошли домой; в половине 10 часа пришли.

В церкви новый ковер, но это я узнал только проходя мимо церкви.

Июня 11/23 в 3 часа дня приходил консул из Кобе; он был с визитом у здешнего нового губернатора. По обыкновению, ругает японцев и считает их неспособными к христианству; по пути ругает и епископа, тратящего на них массу денег, которые лучше бы употребить на нашего бедного русского крестьянина. Я с ним на эту тему не долго разговаривал: бесплодное толчение воды в ступе ⁶.

С 6-ти часов с Сакума мы вышли к Фурусей Василию; он живет далеко. Я убеждал его хоть по очереди с женой ходить в церковь, тем более, что он и гийю, — следовательно, должен показывать пример христианам и их к тому же убеждать. Отговаривается недосугом и дальностью расстояния; я говорил о важности дела молитвы и вообще всего церковного дела для нашего спасения. В церкви за богослужением все приводит нас к Богу, и мы действительно можем жить с Богом, если бы действительно исполняли с сердцем это дело. А если в церковь не ходить, исповедь исправно не совершать, дома как следует не молиться, то постепенно и все для нас будет непонятно в церкви и постепенно уйдем от Бога совсем. А между тем в этом все и дело, чтобы приготовить себя жить потом после смерти с Богом. Этого мы не понимаем, как не понимаем и смысла молитвы, потому что не трудимся в ней нисколько и так она далека от нас. Младший сын, еще не принявший крещение, так как жил далеко, теперь слушает учение. Я советовал по временам присылать его в церковь, чтобы он постепенно освоился с церковной жизнью. А самим в этом посту советовал исповедаться; посты для того и существуют, чтобы в это время мы особенно жили для Бога, размышляли о своих грехах и приходили с покаянием к Богу, — как праздники для молитвы среди обычной суетливой жизни.

Отсюда мы пошли к Фурубаяси Акиле, которого с трудом разыскали в первый раз, но и теперь не застали дома; хозяйка его квартиры сказала, что он 15-го числа каждого месяца бывает свободен от дела; мы и просили ее сказать ему, чтобы хоть тогда-то он пришел к нам для разговора. Отсюда пошли к Сува Иоанну и Марии; их отец Сергей не видал, да и не знал, где они живут, так как они в церковь совсем не ходят. Иоанн гордо принял нас, даже и не поклонился; он занимался с учениками, так как и сам-то учитель школы. Я спросил — когда

принял крещение? Он притворился не понявшим, пришлось повторить те же самые слова катехизатору; оказывается, уже 20 лет христианин. Почему в церковь не ходит? — Недосуг. — А в воскресенье ведь отдыхаете? — Да, но после ежедневных трудов нужно отдохнуть и телом. — Тело истлеет после смерти, а душа останется жить навеки; душевное дело важнее телесного; поэтому для него нужно хоть в воскресенье потрудиться. — Он все время говорил, что не понимает, так что пришлось сказать, чтобы Сакума рассказал это пояснее. Оказывается, в конце концов, что веры в Бога он совсем уже не признает и души не признает. Так же мыслит и жена его Мария. Все это он говорил сквозь ужасный торжествующий отчаянный смех, какой только и бывает у совсем отчаявшихся во всем, но страшно самолюбиво-самоуверенных людей. Вероятно, таким же, только несравненно более сильным смехом, смеется диавол, если только он может смеяться, будучи духом. Жутко становится быть вблизи такого существа: это нечто сатанинское, безотрадное состояние пустоты в душе, с насильно достигнутым равнодушием ко всем ее запросам, несомненно заявляющим о себе, ибо их только присутствием и можно объяснить тот отчаянный смех, которым с услаждением смеются подобные люди, как смеется гоголевский сумасшедший, уверивший себя, что он испанский король, и постоянно разуверяемый в том окружающей действительностью, которая более действительна, чем грезы его разгоряченного мозга. Вот уже 10 лет, как он оставил совсем веру; а прежде привел к Церкви многих: Исида, Китадзима, Каяно (теперешний катехизатор), Кугимия (теперь диакон в Токио). Так как все-таки мы мешали их уроку, что он прямо нам и сказал, то я спросил: можно ли придти к нему для беседы когда-либо в воскресенье? Он прямо сказал, что так как не понимает необходимости иметь веру, то не имеет и желания слушать о вере и вообще с нами ничего общего не имеет. Нам оставалось извиниться за беспокойство и уйти, а он хоть бы капельку мотнул головой. Гордый и совсем холодный, отчаянный по настроению человек. Очень жаль. С великой скорбью я вышел и возвратился домой около 9-ти часов с напрашивавшейся на душу молитвой.

Из разговора с отцом Сергием Судзуки я узнал, что Сува Иоанн говорил: «сделайте меня катехизатором, так и буду жить как христианин». Отец Сергей, оказывается, однажды его видел. Очевидно, это уже совсем неискренний человек.

Июня 14/26 к обедне, несмотря на проливной дождь, собралось человек 20; но ребят пришло меньше прежнего, почему сегодня пение их в церкви не удалось; впрочем, немного попели. Пришел к обедне даже Павел Исикава, совсем отставший было от Церкви (у него я был недавно). Я дал ему молитвослов, шейный крест, иконки — Спасителя, Богородицы и апостолов Петра и Павла. Советовал ему похаживать в церковь и таким образом подогреть веру в своем сердце. Дай Бог ему сил и искренней веры всему, что касается спасения. Советовал я ему и сына Тимофея по временам присылать в церковь. С христианами после обедни беседовать не пришлось, так как все старосты ушли совещаться о том, что им нужно сказать на приближающемся соборе в Токио; а остальные христиане скоро разошлись ради сильного дождя, пока я потреблял дары и читал благодарственные молитвы. Сегодня литургию я совершал с особенным каким-то чувством: дай Бог поддержать мне на будущее время такое хорошее настроение. Но да не в обольщение сие мне будет... Вчера отец Сергей говорил, что христианка Варвара, помогающая катехизаторам в воскресной школе, не имеет денег купить картинки для раздачи детям (это иллюстрации к евангельским рассказам или текстам); а она хочет приводить сюда и язычников детей. Я и дал на это 2 иены. Гийю на собрании решили: отправить на собор Кавагуци Павла и Намбу Евфимия; поблагодарить епископа за поправку церковного дома; просить еще катехизаторов в Осака для проповеди, так как город большой, а здесь о православии и не слышали многие нисколько, тогда как протестантов и католиков здесь очень много; решили также снять фотографию с дома с двух сторон, когда поставят крест на крыше, и представить ее епископу.

После обедни прислал мне особое японское пирожное Миками Филарет (старик), недавно причащавшийся (в позапрошлом воскресенье, а в прошлое я был в Кобе), и вот будто бы от особенной радости это его подношение мне. Я отдал это ребятам, которые собрались в воскресную школу, читали молитвы, слушали рассказы из Евангелия и по поводу Евангелия и пели разные песнопения. Фисгармонию я заказал поправить, так как приглашенный еще прежде для этого мастер брал только 9 иен. Эта гармония все-таки будет лучше новой маленькой, о покупке каковой пишет владыка. Поправят после собора.

Июня 15/27 Судзуки Николай принес сделанный им крест на церковь; в середине дерево, обложено стеклом внутри позолоченным, по верхним бокам обито жестью; размер — около сажени; очень тяжелый; на случай ветра очень опасно, хотя я и говорил, что не мешало бы и поменьше сделать, о чем писал и Преосвященный. Ставить его будут завтра; хотя очень опасно для черепицы: уж очень он тяжел.

После неприятной беседы с Сува Иоанном (11 июня) я весьма призадумался: вот-де какие люди могут встречаться. Какими средствами действовать на них? Да и можно ли еще это с успехом хоть некоторым? А так как всегда бывает так, что при нарушении душевного равновесия или радостью, или скорбью воображение работает не останавливаясь, именно в направлении этой минутной черточки душевной жизни, то и со мной случилось то же. Я невольно остановился над вопросом о том, как трудно нам здесь действовать, когда у народа нет никаких религиозных связей с верой, да и мы не обладаем духом настоящих апостолов Христовых, не имеем их благодати, богато восполнявшей их крепкие силы. Впрочем, говорил я себе, если бы в России я так же неустанно действовал для народа, постоянно входя в его среду и говоря ему попросту от души слово Божие, то там можно бы было высоко поднять приходскую жизнь; наш народ исполнен веры, только стоит немного его возбудить. И вспомнил я минувшие два года службы в России, особенно последний в Ардоне, где я начинал действительное общение словом с народом, да и в семинарии завел дело очень прочно, да и на всю Осетию весьма развернулся. А здесь вот сколько времени ходишь и в дождь и в грязь, и в немочи, и в недосуг, и мало пробуждается народ, уже уверовавший прежде, но ослабевший; а относительно внимания язычников к слову о Христе нечего и говорить: не внемлют. И в этих сердечных противоречиях я долго и много ходил, сердечно молясь к Богу, да дарует нам Духа Своего Святого, наставляющего, умудряющего нас, просвещающего и исполняющего Своєю Божественной силою, чтобы мы действительно были носителями и того Божественного учения, о котором вещаем, и Той Силы Божией, к Которой, как спасению всех, призываем народ.

Июня 16/28 в 4-м часу вечера неожиданно для меня скоро возвратился отец Сергей Судзуки. С его слово расскажу. В субботу к бдению в Кобе пришли только человек 6—7; в воскресенье к обедне человек 10 или побольше; одного больного он причастил на дому; окрестил одну девицу и ребенка. Посетил два дома христиан. Не особенно усердствуют в Кобе христиане. Да и отец Сергей не из усердных, если был только в двух домах. Я просил его повидать Веру Мацумото, на которую муж ее Георгий жаловался, что она оставила его и живет с другим мужчиной; он ее не видел, так как-де она за работой; а христиане и катехизатор говорят, что дело наоборот: муж ее оставил и живет в блуде и вообще как язычник, причем обнищал до того, что занимается воровством; а Вера живет чисто и самостоятельно добывает себе малый кусок хлеба. А Георгий мне на свою жену жаловался в присутствии катехизатора, и этот ни словом его не опровергнул и после ничего не сказал мне. Нехорошо. Потом в воскресенье отец Сергей отправился в Какогава; там собралось человек 7, четверо причащались; ребят не было, так как у них в школе экзамен; некоторые из причастников причащались прежде и у меня. В соседние селения, из которых в одном два дома христиан, а в другом один, он не ездил, так как от дождей разлилась река и попасть никак туда нельзя; даже городу в некоторых местах

угрожает наводнение. Потом проехал в Химейдзи и там был только в двух домах действительно ревностных христиан; а у ослабевших не был (2 дома); катехизатор-де сказал, что они постоянно отсутствуют; но во-первых, катехизатор соврал; одна ослабевшая, напротив, всегда дома, так как лавочку содержит, а во-вторых, все-таки нужно бы было навеститься — может быть, и дома; очевидно, и тут не хватило толку или ревности. Катехизатор и христианам заявил, что после собора он к ним не вернется, так как уже и епископу писал, чтобы его перевели куда-нибудь в церковь со священником, так как он-де один не умеет вести дела. Христиане Химейдзи этим опечалены, так как с катехизатором они сошлись, а о другом не знают, каков будет; а христиане Какогава положительно не желают, чтобы он был у них катехизатором; он никогда почти к ним не заявлялся и не учил их. Отец Сергей говорит, что Адаци совсем трезвый, сердце хорошее, силы есть, да не умеет вести дела проповеди, так как не был около священника; а трудиться для Церкви он искренно будто бы желает, по его словам. Взял бы я его к себе в Осака, но наших нельзя ни одного туда перевести: Каяно (Фудзии) уже там был и ничего не сделал, а Сакума ненадежен. Увидим в Токио, как думает Преосвященный об этом. Я спросил отца Сергия: а когда поедете в Вакаяма? — Теперь некогда, уж после собора, так как до собора времени остается немного. — Я сказал, что в посту нужно бы съездить для исповеди. — А вот, говорит, в Успенском посту. — А то дело само собой: тогда и еще можно бы съездить. Да Вы писали в Вакаяма? — Нет. — Э-эх, а я ведь говорил ему прежде, даже сам и за дорогу хотел заплатить.

Июня 17/29 приходил ко мне священник Окаяма Игнатий Муко-яма. Он мне очень понравился, и даже внешний вид его привлекательный, мягкий, вдумчивый. Я толковал с ним о его церкви. Говорит, что в последнее время число крещений очень порядочное — до 20—30 человек в год. Он вообще, кажется, трудится для веры. Расспрашивал, какие порядки церковные в России, я говорил ему о собраниях христиан для богослужения, о самых храмах, о пожертвованиях и приношениях христиан на храм, о сборах натурой, о сборах и постройках новых храмов, о паломничестве русских на Восток, Афон и по русским обителям, о проповеди для христиан. Увидел он у меня на столе портрет отца Иоанна Кронштадтского, я и рассказал о нем, о той вере, с какой сходится к нему на молитву народ. Он потом заходил и июня 18/30, и долго мы с ним проговорили о разных церковных предметах и высказали пожелание, чтобы здесь завести катехизаторскую школу.

В тот же день проходил старик Огасавара Иоаким и просил от его и от лица всех Осацких христиан Преосвященному сказать следующее: поблагодарить за ремонт церковного дома; теперешних катехизаторов не переменять, так как Осака весьма большой город, а многие не имеют здесь даже малейшего понятия о православии; так как здесь протестантов весьма много, то дать сюда еще одного по крайней мере катехизатора; прежде один катехизатор жил отдельно от церкви в городе, за квартиру платили христиане; но теперь квартиры вздорожали, и поэтому христиане не могут за нее платить, а между тем для проповеди язычникам одному катехизатору удобнее жить в городе; поэтому и просят епископа дать деньги на наем квартиры для катехизатора в городе; а они-де, осакцы, весьма желают расширения своей церкви, только не имеют средств на содержание катехизатора и квартиры для него. Я сказал, что едва ли это исполнится, так как денег мало, а и самим христианам надо приниматься за денежное участие в церковных делах; кроме того, пока теперь достаточно и настоящих двоих катехизаторов, если мы будем старательно делать свое дело. Да и христиане должны нам в этом помогать: в разговорах с язычниками беседовать и о Христе, а заинтересовавшегося приводить к катехизатору; тогда у нас дело кругом пойдет прекрасно. Но к вечеру приходил гийю Мелетий Накано и сказал, что они теперь уже не будут об этом просить на соборе. Я удивился, но о причине не спрашивал, так как и сам не согласен с их просьбой. А потом для разъяснения

просьбы Огасавара я пригласил катехизатора Каяно, приходившего с ним; в это время пришел Кавагуци Павел, которого на собрании в воскресенье гийю выбрали отправиться на собор от лица здешней церкви. Он вдруг сообщает, что так как в воскресенье отца Сергия не было на собрании, то сей — отец Сергий — признает это собрание недействительным и требует нового. Он-де и вообще вот так расстраивает церковные дела: вот теперь христиане действительно как будто принялись за церковные дела, о чем прежде совсем не хотели и думать, а теперь опять все пропало, так как-де христиане опять потеряли интерес к сему, расстроенные подобным отношением к их делу со стороны отца Сергия. Да он-де и всегда вот так относится к христианам, хотя сам и не понимает ровно ничего. Теперь я понимаю и слова Накано Мелетия, что они теперь уже не будут просить о катехизаторе и квартире для него. А еще Накано говорил: христиане отца Сергия не любят. Почему? Потому, что он все делает отдельно от христиан, не посоветуется, не потолкует с ними о церковных делах; а ведь, конечно, много лучше, если все вместе делают дело. Я заметил, что это нерасположение христиан к отцу Сергию для меня все-таки непонятно: он человек хороший, для Церкви старается. А он мне на это: для Вас и для епископа он хорош, а для христиан не хорош. Я спросил: не думают ли они сказать на соборе, что его не желают? Он отвечал, что нет, так как при нем-то это трудно высказать (так, кажется, он это объяснил).

К Каяно Иакову ученик Ноогаккоо Нокито для слушания учения не приходил ни разу; должно быть, не желает или испугался моих слов о том, что нужно, чтобы быть истинным христианином. А может быть, ему и некогда теперь, да и очень далеко досюда, потому и не приходит.

Июня 20/2 июля ставят крест на крыше. Дай Бог, чтобы этот видный со всех сторон далеко крест и христиан наших привел в церковь — ревностно трудиться для своего спасения, да и язычникам указал на место истинного света жизни, которое есть Православная Церковь. Положи, Господи, в сем кресте прочное основание для проповеди о Тебе здесь.

Сегодня отец Сергий советовался со мной о следующем: Мориока старушка, вместе с сыном и снохой теперь слушающая учение и желающая креститься, хотя еще не вполне теперь понимает учение, однако весьма желает креститься, так как больна. Я и посоветовал отцу Сергию и порасспросить старушку об учении и узнать — если у нее искренняя вера и если все это есть в некоторой степени и, главное, есть искренность, то можно и крестить только ее одну, а других подождать еще; а потом все-таки продолжать ей излагать учение после крещения.

Часа в 3 дня приходил христианин из Кооци с острова Сикоку; он пришел в Осака искать работы; языческое его имя Ариса Энкичи, а христианского своего имени совсем не знает, позабыл и только говорит, почесывая в голове, что оно весьма отличается. Оказывается, он крещен уже 13 лет, но, кажется, с тех пор ни исповеди, ни причащения не принимал; в церковь не ходит, молитвы не совершает, креста на шее не имеет. Своего катехизатора Хиромидзу знает, а священника не видывал. Я и сказал ему, что если бы хоть изредка похаживал в церковь, то знал бы, что иногда к ним приезжает священник для исповедания и причащения; а вот теперь не только этого, а даже христианского своего имени не знает. Это худо. Я сказал ему, когда бывает у нас богослужение, и советовал по временам похаживать в церковь, а также поскорее, даже, например сегодня или завтра, исповедь совершить, хорошо подумавши о своих грехах. Дал ему иконки Спасителя и Богородицы, а также крест на шею, и советовал обязательно утром и вечером молиться Богу, для чего хотел дать ему молитвослов, но он едва может только катакану и хиракану читать, а китайских иероглифов не понимает. За бдение, кажется, не приходил. Июня 21/3 июля, идя в церковь к обедне, я заметил человека, похожего на Сува Иоанна (11 июня см.), но удивился и решил, что это не он конечно, он не пойдет в церковь. Оказывается, это был он, простоял всю обедню и ушел только во время проповеди; он говорил катехизатору Каяно, что не

имеет времени, чтобы простоять всю обедню и поговорить со мной, хотя и желал бы этого весьма. Дай Бог, чтобы это были искренние его слова, — значит, еще можно как-нибудь на него действовать, Бог поможет. К обедне собралось человек до 40, так что даже и христиане говорили, что сегодня много их пришло. Впрочем, может быть, только ради фотографии, которую сегодня после обедни и сняли с церковного здания (крест теперь поставили и утвердили проволокой и железом, кажется, крепко). После литургии я кратко поблагодарил Судзуки Николая, поставившего этот крест; поблагодарил и вообще христиан, что они приняли участие в ремонте церковного здания, причем заметил, что и вообще они должны стараться для церкви, как для своего дома. Выразил желание, чтобы теперь, когда все внешнее в церкви стало так хорошо, постарались сделать истинным храмом Божиим свою душу, в которой обитает Бог; поэтому христиане теперь, взирая на этот издали видимый крест, пусть охотно собираются сюда на молитву. Потом поздравил новокрещеных, сказал, чтобы они укрепляли в себе веру в Бога молитвой и вообще хорошей жизнью; называться только христианином, а не быть им на самом деле, это дело плохое, как худо, зная какое-либо дело, не желать ничего сделать при этом знании; нас Бог зовет к святой жизни, чтобы мы потом могли жить с Ним в Его Царствии, а для этого нужно подготовиться; вот теперь, зная истинное учение, и нужно постараться приготовить себя к смерти, чтобы после нее быть с Богом. Я дал им по иконке Спасителя и Богородицы и велел выдать молитвословы. Их имена я узнал, присутствуя при крещении (крещение продолжалось с 7-ми часов утра до 8-ми часов с половиной): Мориока Игнатий и Агафия, Косуги Кира и Уэда Сила. Народу на крещение собралось много. Был в церкви за обедней и вчера приходивший христианин из Кооци. А в доме этого христианина все остальные язычники, да и сам он совсем еще молодой, даже не женатый. Однако вера и общение с Церковью, очевидно, есть и у этого затерявшегося: иначе зачем же бы он стал отыскивать в Осака православную церковь? Христианам после обедни я еще говорил, что по возвращении в Осака из Токио я намерен собрать всех гийю и посоветоваться, как нам сообща восставить наилучше церковную жизнь.

Пообедавши, а после фотографии простившись с христианами, я и отправился на поезде в Токио; некоторые христиане оставались в церкви провожать меня. Погода до этого времени стояла прекрасная, а потом заморосил дождик, да и полил ночью страшным ливнем, так что в одном месте даже железнодорожный путь размыло, но крестьяне уже немного позабросали тут камнями, землей и сучьями, так что мы перебрались благополучно. В вагоне 1-го класса почти все время я ехал только с двумя молодыми: очевидно, француз по физиономии, женатый на японке; прекрасно объясняется с ней по-японски. Дорогой я читал японское Евангелие катаканой (не иероглифами) и почти все понимал; а читаю я, стараясь всматриваться в знаки, чтобы постепенно сами собой они запоминались и припоминались; и действительно, некоторые как-то заметнее становятся для памяти таким путем. Поезд запоздал на час до Токио. В миссию мы приехали около половины 11-го часа утра июня 22/4 июля.

* * *

Сам собою напрашивается вопрос: как я освоился с японской речью? Нужно заметить, что изучение японского языка — дело весьма трудное. В средние века один римский миссионер хотел всех уверить, что сам сатана нарочно придумал такой трудный для иностранцев язык, чтобы воспрепятствовать распространению христианства среди японцев. Трудность изучения этого языка состоит во-первых в том, что японская фраза, при своей замысловатой витиеватости, не походит на строй фразы европейских языков. Японец ради особенного изящества и деликатности нанизывает слово на слово, но и при этом его речь поймете, лишь когда в самом конце длинной фразы он поставит сказуемое, нередко, из особенного уважения к почтенному собеседнику, удивительно разукрасивши его добавочными частицами и в

завершение возведя его в квадрат; затем, кроме того, он может еще более запутать непривычного собеседника, когда целое длинное предложение особой вставочной частицей возведет в подлежащее и все начнет снова объяснять. Во-вторых, трудность в том, что ради принятой японцами китайской иероглифической письменности они одинаково употребляют в речи слова и японские, и китайские с особым их произношением; а китайские слова в силу своей односложности весьма трудны для запоминания, а иногда по произношению вовсе не разнятся одно от другого; например, китайское «син» значит Бог, душа, дружба, родители, сердце и тому подобное, а пишутся все эти слова различными китайскими знаками. Понятно, что в разговоре на первых порах весьма не легко разбираться в таких словах.

По первому совету Преосвященного Николая я с учителем японцем, ни звука не понимавшим по-русски, принялся читать молитвослов: молитвы мне, конечно, все известны, поэтому я постепенно мог догадываться о значении того или другого японского слова; для более верного перевода мы прибегали и к мимике, и к лексикону. Просидел я над молитвословом больше месяца, заучил тысячи полторы слов с известным мне смыслом, а между тем оказалось, совершенно не могу составить фразы и не могу понять японского разговора, кой-что понимая лишь у своего учителя, приспособившись к нему и его невольно приспособивши к своим словам. Пал я духом и не знал — как пособить делу. Грустно было сидеть при деле без дела, да скучно было и без языка сидеть среди японцев. Помог мне в этой беде наш миссийский диакон, лет 15 проживший в Японии и говоривший, как настоящий японец. Он мне посоветовал купить так называемый «Токухон», то есть азбуки и книжки для обучения грамоте японской. Система в них та же, что и в наших подобных начальных книжках: учащийся постепенно осваивается с японскими словами, затем простейшей фразой, а далее сложной фразой и, наконец, самой обычной японской речью, постепенно привыкая и к китайской письменности. Таких книг, помнится, восемь частей. Читал я их с первой начиная, и действительно, из немого сделался говорящим: без особенного труда я постепенно не только узнал массу самых нужных в речи слов, но усвоил самый строй и характер именно японской фразы и речи. И вот в половине марта, то есть на третьем месяце по приезде в Японию, я уже мог ходить по домам христиан самостоятельно. Конечно, сначала и я плохо понимал, но меня иногда тоже не понимали; но через неделю такого хождения я уже значительно освоился практически с японской речью и безбедно мог говорить обо всем. Теперь пошло быстрее и дело изучения китайских иероглифов, да и вообще более основательное изучение японской речи не столько книжным, сколько практическим разговорным путем. После Пасхи в конце апреля я переселился в Осака, где уже ни слова русского не слышать, — поневоле приходится говорить по-японски. Да и сам я в этом отношении всячески усердствовал, изо дня в день ходя по домам христиан и ведя с ними посильные беседы и разговоры. В дороге я обязательно читал Новый Завет в японском переводе, чтобы всячески осваиваться с японской речью. Приходилось неоднократно и выезжать из Осака по церквам своего округа, и я свободно везде проезжал и объяснялся по-японски. Конечно, все это не без труда и со страшным напряжением сил доставалось. Приходилось в сутки спать иногда не больше семи часов, а обыкновенно всего лишь шесть часов, и притом все время проводить в напряженной мозговой работе над запоминанием японских слов. А тут же нужно было изучать и английский язык, так употребительный на всем Востоке, начиная с Суэца. Нужно было читать и русские книжки. Теперь приходится прямо изумляться — как хватало сил на такую мозговую напряженную деятельность. А плодом таких усилий было обладание весьма достаточное за один год японской речью, знакомство с 1500 (приблизительно) китайских иероглифов. С таким запасом можно было безбедно существовать среди японцев и даже при помощи Бо-жией назидать их на путь благочестия.

См. нашу книгу «Миссионерский путь в Японию».

То есть избираемых от отдельных общин представителей, имеющих задачу и руководить христианами в жизни христианской.

Как прибавку к маленькому их жалованью в 3—5 иен.

Сиракава Мануил, Намбу Евфимий и Огасавара Иоаким.

Женское религиозное собрание.

Даже жена его сказала ему: «Ты все одно и то же» — и с укором посмотрела на него.